

БОРЬБА КЛАССОВ

1931 г.

МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМАКАДЕМИИ ЦИК СССР

РЕДАКЦИЯ: СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР 11, ТЕЛ: 3-91-48.

Акц. Изд. О-во «Огонек»

Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ

ЛИЦОМ К БОЕВЫМ ЗАДАЧАМ КОМИНТЕРНА!¹

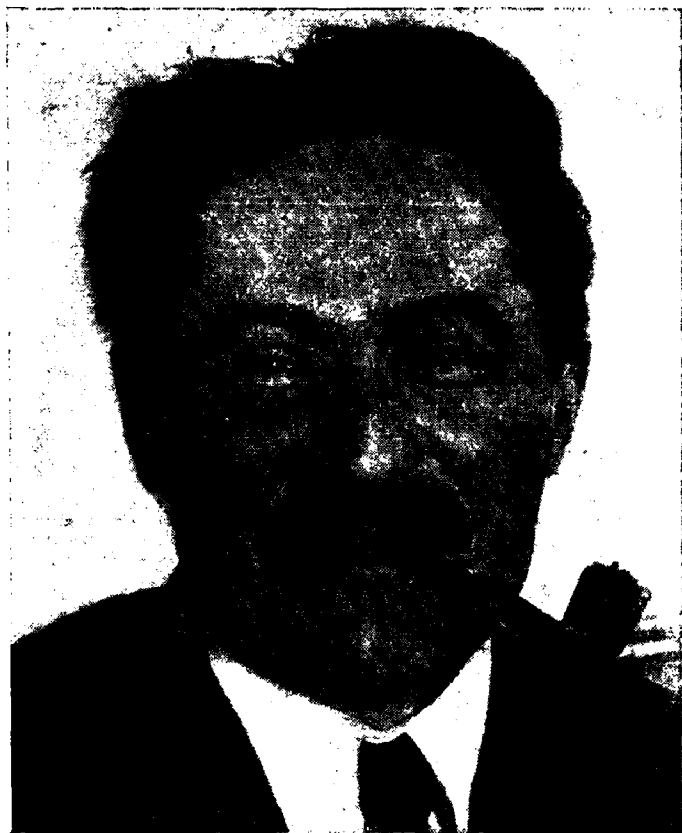
Не случайно работники Коминтерна выступают на нынешнем собрании. Они вправе предъявить к вам иск за убытки, которые потерпел Коминтерн в силу той незначительной помощи, которую оказывали ему историки-марксисты в разработке важнейших проблем мирового коммунистического движения.

КОМИНТЕРНОВСКИЙ «ИСК» ИСТОРИКАМ-МАРКСИСТАМ

Какие задачи должны ставить себе историки-марксисты? Мне кажется, что первая, основная задача заключается в том, чтобы повернуть внимание к послевоенной эпохе капиталистического развития. Послевоенная эпоха капиталистического развития характеризуется чрезвычайно быстрой сменой политических форм, сдвигами в классовых взаимоотношениях, изменениями в соотношении сил между пролетариатом и буржуазией. Здесь годы развития человеческой истории заменяют собой десятилетия и века. Именно поэтому, с точки зрения практических потребностей мирового революционного движения, историкам-марксистам необходимо повернуться всем фронтом к послевоенной полосе капиталистического развития Запада.

Это отнюдь не значит, что мы должны заранее отказаться от таких объектов исторических исследований, которые относятся к довоенной эпохе.

¹ Из доклада г. Д. З. Мануильского «О положении и задачах исторической науки по проблемам Запада» в Институте красной профессуры 17 февраля 1931 г.

Д. З. Мануильский

тот исключительный по своему многообразию, по своей новизне, по своему значению опыт боев, который вынес международный революционный пролетариат из этого периода? Мы имели в эти годы победы, мы имели и поражения, мы имели правильные установки, имели и уклоны. Этот опыт должен быть усвоен пролетариатом и особенно теми молодыми кадрами, которые подрастают в секциях Коминтерна. Такая история Коминтерна не должна быть сборником резолюций и изложением речей на конгрессах и пленумах: это тоже, конечно, необходимо, но это не восполняет того основного пробела, о котором мы сегодня говорим. Мы ждем от вас прежде всего такой истории, которая развернула бы картину послевоенного развития классовой борьбы на фоне общего мирового послевоенного кризиса капитализма, на фоне происшедших серьезнейших социальных и политических сдвигов, в условиях образования и роста коммунистических кадров. Я должен, к сожалению, сказать, что этой задачи марксисты-историки не выполнили. Я думаю, что ценнейшим практическим результатом нашей сегодняшней дискуссии было бы создание активной группы товарищей, которые взялись бы за эту работу, потому что отдельному человеку такая работа не под силу; она может быть выполнена только коллективным трудом, в котором ваши усилия сольются с работой тех идеологических штабов, какими являются ЦК коммунистических партий за границей.

Одно крайне важное условие выполнения этой работы необходимо здесь подчеркнуть: историки-марксисты должны, следуя важнейшему лозунгу, который был выдвинут для всей нашей эпохи генеральным секретарем нашей партии т. Сталиным, овладеть техникой, в данном случае — техникой истории. Это значит, что историки-марксисты должны прежде всего изучать исторические факты. Говорят, что буржуазные историки зачастую мало знают, но делают всегда вид, что они очень много знают. В нашей среде не может быть такого положения. Мы должны действительно много знать. Я думаю, что мы должны поставить себе задачу не только догнать, но и перегнать в знании исторических фактов буржуазных историков. Не нужно думать, что раз у тебя в руках правильный марксистско-ленинский метод, то одного этого уже достаточно. Только на основе зна-

Но мы должны и эти объекты исторического исследования подчинить революционной целеустремленности, подчинить практическим задачам мирового революционного рабочего движения. Эти исторические периоды (история Великой французской революции 1848 г. и Парижская Коммуна) должны быть изучены и исследованы таким образом, чтобы трудящиеся массы могли, на основе концентрированного опыта классовой борьбы, восполнить тот теоретический недостаток и недостаток опыта классовой борьбы, который наблюдается сейчас в секциях Коминтерна.

Я ставлю вопрос: не стыдно ли нам, Коминтерну, а отчасти и вам, товарищи историки-марксисты, что спустя 13 лет после организации Коминтерна мы не имеем еще истории Коминтерна, суммирующей

ния исторического материала можно применить здесь марксистско-ленинский метод, необходимый для успеха классовой борьбы пролетариата и коммунистических партий.

И, наконец, последнее условие — это, выражаясь индустриальным термином, поднятие качества нашей продукции.

Вот те требования, которые мы, практики, предъявляем нашей исторической науке. Почему мы именно вам предъявляем эти требования? Я хочу сказать несколько слов о тех особых условиях, в которых образуются сейчас теоретические кадры в западно-европейских коммунистических партиях. Для нас совершенно ясно, что условия эти отличны от наших уже потому, что мы живем в стране пролетарской диктатуры. История образования теоретических кадров в Западной Европе идет иными путями, чем у нас. Прежде всего мы в прошлом имели тип профессионального революционера, который раньше приходил в движение из среды разночинцев, а затем стал широко притекать из среды пролетариата. Этот тип революционера складывался и развивался в течение долгих лет, его университетами были тюрьма, ссылка, каторга. Мы получали соответствующие теоретические кадры из этого слоя профессиональных революционеров, в силу особых условий и особого характера революции в нашей стране.

В Западной Европе тот водораздел, который произошел в итоге мировой войны, в итоге русской и германской революции, отделил совершенно интеллигентов-разночинцев во враждебный лагерь. То обострение классовой борьбы, которое проводит сейчас основной водораздел между классами, завершает этот процесс. Нельзя забывать того, что во II Интернационале мы были одной из лучших партий, мы имели марксистскую школу в прошлом. Сейчас, за исключением германской компартии, мы не имеем ни одной такой партии, которая бы прошла серьезную марксистско-теоретическую школу. Ленинизм здесь пришел на совершенно свежую почву, и те ошибки, которые в прошлом, в довоенную полосу, происходили в мировом рабочем движении, здесь регулярно повторяются. Молодые кадры говорят той неправильной прозой, которая была осуждена задолго до нынешнего периода развития рабочего движения.

Нельзя забывать, что идеологически на Западе наши кадры стоят перед задачей борьбы с более сильной буржуазией, чем русская, которую гораздо легче было смести. Нельзя забывать, что, не имея еще своей политической платформы, русская буржуазия в лице Струве, Булгакова и т. д. пыталась черпать ее в марксизме. Идеологические и политические позиции западно-европейской буржуазии крепче и сильнее — здесь противник серьезней, а наши кадры еще слабы. Мы с вами держим власть в стране пролетарской диктатуры, и именно поэтому вы должны помочь молодому коммунистическому движению на Западе. Именно поэтому мы, работники Коминтерна, выступаем перед вами как и с т ц ы и предъявляем вексель, который вам придется подписать.

ОБ УСЛОВИЯХ ПРОРЫВА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЦЕПИ

Над какими вопросами было бы чрезвычайно целесообразно поработать историкам-марксистам? Я перечислю ряд вопросов, которые являются очень важными для развития секций Коминтерна. Вопросы эти, главным образом, тактического порядка.

Первый вопрос: об условиях прорыва империалистического фронта пролетарской революцией в отдельных странах. Мы очень много дискутировали по вопросу о строительстве социализма в отдельной стране. Сейчас мы видим, что в целом ряде стран рабочее движение всем ходом событий подводится к этой основной проблеме. Мы имеем сейчас ряд стран, как,

например, латинская Америка, где с точки зрения объективно заложенных возможностей может возникнуть идеальная революционная ситуация. Там уживаются три социальных режима трех различных эпох: рабство, феодальные пережитки и новейший капитализм в лице всяких компаний, применяющих самые модернизированные методы эксплуатации, возводят там капиталистический гнет в куб. В силу этого революционное движение там сейчас крайне осложняется и обостряется. Благодаря наличию феодальных пережитков, оно имеет крайне усложненные корни. В развивающихся там революционных движениях, в нарастающих стачках, в массовом разорении крестьянства все объективные условия для революции налицо. И тем не менее это движение упирается сейчас в мощь империализма САСШ. Другой живой, конкретный пример: наступление красной армии в Китае. Ленин говорил, что когда мы шли на Варшаву, мы по существу пытались подорвать всю версальскую систему; наступление китайской красной армии угрожает сейчас прорывом всей системе мирового империализма. Именно поэтому китайская красная армия должна была отступить перед Чанша, где она встретила единый империалистический фронт.

Возьмите Германию. Наша братская германская компартия одерживает успехи, но разве прорыв империалистического фронта не был бы значительно облегчен, если бы мы имели во Франции могучее рабочее движение и мощную компартию?

Наша Октябрьская революция показала, что такой прорыв империалистического фронта возможен. Но не нужно забывать того, что условия прорыва империалистического фронта в нашей стране были очень легкими по сравнению с теми условиями, которые имеются сейчас в важнейших капиталистических странах: во-первых, мы имеем перед собой капиталистический мир, разделенный империалистической войной на два лагеря, и поэтому наша маневроспособность была более широкой, чем у китайских и германских коммунистов. Затем наши огромные пространства давали нам возможность и с военной точки зрения маневрировать несравненно шире. В-третьих, мы имели неразрешенную аграрную революцию, которая переплелась теснейшим образом с пролетарской революцией. Наконец, мы имели очень слабую буржуазию и слабую меньшевистскую партию, чего нельзя сказать о западно-европейских странах. Но несомненно, что наши коммунистические партии имеют один огромный плюс, которого мы не имели. Это прежде всего то, что они имеют обеспеченный тыл на одной шестой части земного шара — СССР, который ведет социалистическое наступление на фронте от Владивостока до Березины. Кроме того, нынешний мировой экономический кризис создает все предпосылки для вызревания условий для новых прорывов.

Вот мировая проблема, которая стоит перед нами. Разработана ли она? Мы имели попытки такого революционного прорыва в Германии, но я спрашиваю вас, где описана эта великая попытка германского пролетариата пойти вместе с нами? Истории этой попытки нет. К сожалению, эту историю пишут в настоящее время историки, исключенные из рядов Коммунистического Интернационала, сторонники Брандлера (Пауль Фрелих).

ИЗУЧАЙТЕ ОПЫТ ПЕРВОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ!

Второй вопрос, который должны разработать историки-марксисты, стоит близко к первому: если мировой кризис является сейчас фактом, действующим в направлении передвижки соотношения сил между капиталистическим миром, с одной стороны, и СССР и мировым рабочим движением, с другой, то спрашивается: какую роль может сыграть военная и н т е р-

венция со стороны капиталистического мира, направленная против СССР?

Коминтерн является партией борьбы против войны. Но если бы капиталистический мир двинулся сейчас на СССР, мы бы получили совершенно новую ситуацию. Нынешний кризис крайне заострил все противоречия капиталистического мира, но экономический современный кризис плюс война создали бы в ряде стран, несомненно, серьезнейший революционный кризис, и в связи с этим тактика компартий должна будет совершенно перемениться. При таких условиях чем отличалась бы нынешняя интервенция от прошлых? Во-первых, тем, что, поскольку предстоящая война явится войной не только людей, но и, главным образом, войной индустрий, мы вступили бы в нее гораздо более обороноспособными, чем в 1918 г. Это понимает капиталистический мир, когда он ведет сейчас бешеное наступление против СССР. С другой стороны, если в 1918—20 гг. мы вели войну партизанскими отрядами, то сейчас мы ее вели бы при помощи регулярной Красной армии. В-третьих, западно-европейский пролетариат имеет теперь такой опыт буржуазной «демократии», какого он не имел в 1918 г. В-четвертых, если в 1918 г. Гильфердинг носился еще с теорией «с о ц и а л и з а ц и и», то теперь он, отбросив всякие «теории», вынужден спешно в интересах капитала добиваться чудовищного снижения жизненного уровня рабочего класса. И, наконец, мы имеем сейчас коммунистические партии, которых мы не имели тогда. Но я спрашиваю вас: была интервенция, из нее можно извлечь величайшие уроки для мирового пролетарского движения. А у нас имеются лишь отдельные монографии, посвященные первой интервенции и не все доброкачественные. Именно сейчас вопрос об интервенции необходимо серьезно проработать нашим марксистам и коммунистам, работающим на историческом фронте.

О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Товарищи, что является главнейшим препятствием на пути перерастания нынешнего экономического кризиса с его огромными социально-экономическими последствиями в смысле невиданного обнищания масс в кризис революционный? Бесспорно, важнейшим препятствием является социал-демократия. Я хочу говорить об этом препятствии и о задачах, стоящих в этой связи перед историками-марксистами в нынешний момент. Говорят, что есть люди, которые думают, что история германской с.-д. оканчивается 4 августа 1914 г. Когда-то в средних учебных заведениях изучали изящную словесность, которая по учебникам того времени оканчивалась Пушкиным и Лермонтовым. Тургенев был уже запретной зоной. Эту ошибку делают и те, кто задачу истории видит только в изучении развития довоенной с.-д. Я хочу сегодня остановиться как раз на вопросе развития с.-д. в послевоенный период.

Какие основные этапы прошла мировая с.-д. после 1914 г.? Первый этап — война. С.-д. спасают капиталистическое государство, свое «отечество» от разгрома. Второй этап — период начавшихся пролетарских революций: с.-д. открыто выступает против пролетарской революции в СССР, громит под руководством Носке и Шейдемана германскую революцию. Следующий этап — период капиталистической стабилизации. Мировая с.-д. становится основным фактором капиталистической стабилизации. В эту полосу «реконструктивного» периода она защищает капиталистическую рационализацию как средство якобы повышения жизненного уровня трудящихся масс и тем самым подготавливает нынешний мировой экономический кризис. И, наконец, последний этап: сейчас, так же как и в 1914 г., так же как и в 1918 г., мировая с.-д. спасает капиталистический мир от мирового экономического кризиса и его последствий.

Изучены ли все эти этапы историками-марксистами? Ведь мировой кризис подводит сейчас итоги той исторической тяжбе, которая началась 4 августа 1914 г. Социал-демократия утверждала тогда, что это — последняя война. Сейчас для каждого очевидно, что капиталистический мир подошел к новым военным катастрофам. С.-д. во время войны утверждала, что благодаря государственному капитализму того времени капиталистический мир медленным путем придет к социализму. На деле они укрепляют сейчас диктатуру буржуазии и защищают власть финансового капитала.

С.-д. развивала теорию организованного капитализма, а на деле привела сейчас к кризису — проявлению полнейшей капиталистической анархии. С.-д. защищала капиталистическую рационализацию, на деле она привела рабочий класс к такому низкому жизненному уровню, который позволяет различным профессорам, вроде пр. Дюнеберга, говорить о необходимости свести жизненный уровень пролетариата к уровню колониальных рабочих. С.-д. говорила о развернутой победе социализма, на деле в капиталистических странах укрепляется фашизм. Она говорила о хозяйственной демократии, на деле капитал развертывает сейчас невиданное наступление на трудящихся. С.-д. говорила о том, что Советский Союз и его социалистическое строительство обанкротится, на деле социализм в СССР побеждает по всем линиям.

Каждый день, помимо этих пройденных исторических этапов, мы видим новые формы измены со стороны социал-демократов. Вчера во французской социалистической партии дискутировался вопрос о том, должен ли Рендель выступать как докладчик авиационного бюджета. А вы понимаете, какую угрозу представляет собой воздушная химическая война, уже сейчас несущая смерть и разрушение в восставших деревнях Индо-Китая.

Кризис выявляет все черты загнивания монополистического капитализма в ряде стран. Ему соответствует новый этап социал-фашизма, который состоит в том, что с.-д. перестает быть только партией капиталистической стабилизации, она становится в нынешний период партией загнивающего капитализма.

А это значит, что в нынешних исторических условиях мировая социал-демократия является более контрреволюционной и реакционной силой, чем буржуазные партии в период подъема капитализма. Процесс русских меньшевиков выявил ту роль, какую играет II Интернационал и германская социал-демократия в подготовке войны против СССР. Если к этому прибавить еще те многочисленные кампании против Советского Союза, скажем, против советского «демпинга», против «принудительного труда» в СССР, которые ведутся особенно энергично во всей социалистической печати, то станет совершенно ясно, что мировая социал-демократия превратилась в партию интервенции, в партию социал-вредителей. Это уже не та партия, которая в 1918 г. сеяла скептицизм в рабочих массах по отношению к России, уверяя, что у нас ничего не выйдет, что мы не продержимся и одного дня, и стараясь таким образом подорвать доверие трудящихся масс к нам. Нет. Теперь, когда у нас выходит, с.-д. прямо становится на путь вредительства.

Наконец, во всех капиталистических странах с.-д. выступает сейчас за снижение жизненного уровня рабочих. Это, таким образом, партия ухудшения положения рабочего класса.

В чем же сила с.-д.? Как объяснить ее устойчивость? Ее сила заключается в том, что она имеет сложнейший аппарат, сросшийся с буржуазным государством, что ее реформистские профсоюзы составляют часть аппарата капиталистического государства. Это означает, что не только буржуазия

и ее капиталистический аппарат используют с.-д., но что и с.-д. в борьбе с рабочим классом используют сейчас государственный аппарат против рабочих. Приведу живой и конкретный пример. После недавней жемничкой стачки трамвайных рабочих обратно на работу принимали только тех, кто зарегистрировался во время стачки в реформистском профсоюзе! С.-д. использовала полицию во время последней рурской стачки, она является шпионской организацией, которая служит в охранном отделении в Польше, с.-д. является составной частью всего государственного и предпринимательского аппарата угнетения. Политика капиталистов заключается в том, что они путем мелких индивидуальных уступок тому или другому рабочему, удовлетворением его единичных требований, через мелких с.-д. бюрократов на предприятиях, повышают власть этих последних. С.-д. профсоюзы и партия потеряли характер добровольных организаций. В основе с.-д. профсоюзов, так же как и в основе государственного аппарата, лежит элемент принуждения. Этот элемент принуждения выражается в использовании государственного аппарата, в репрессиях, в экономическом принуждении. Целой системой мероприятий с.-д. опутывает рабочих сверху донизу. Рабочий хочет найти работу и должен обращаться в реформистский профсоюз, — через наш, красный профсоюз он работы не найдет. Рабочий хочет получить пособие, — он может получить его через реформистский профсоюз; после стачки он станет на работу только через реформистский профсоюз. Вы понимаете, в чем заключается смысл этой адской механики. Эта система зависимостей опутывает рабочего от самого рождения до смерти, она составляет важнейшее звено во всей цепи экономического и политического принуждения, присущего капиталистическому строю.

Поэтому вопрос о подрыве влияния с.-д. встает сейчас уже как вопрос о подрыве влияния капиталистического государства. Когда мы изучаем капиталистическое государство, мы изучаем и с.-д. Ослабляется система классового господства капитала — ослабляются связи и влияние социал-демократии.

Характерно, что в течение всего стабилизационного периода, когда классовое господство буржуазии держалось сравнительно крепко, социал-демократии также нетрудно было сохранить свое влияние и что именно теперь, когда ослабляется классовое господство капитала, падает влияние и с.-д. Факты вам известны: в ряде мест в Германии организации социалистического союза молодежи целиком переходят в коммунистическую партию, Вельс прямо заявил, что голосование германских социал-демократов за правительство Брюннинга будет стоить потери десятков тысяч рабочих. Они великолепно видят это ослабление своего влияния. Социал-демократия, становясь партией гнивающего капитализма, проводя снижение жизненного уровня рабочего класса, умеет еще делать некоторые совершенно неожиданные маневры. Социал-демократия фашизируется, но значит ли это, что она не делает маневров? В этом и ошибка некоторых коммунистических партий, для которых было совершенно неожиданным, что с.-д. умеет еще делать новые маневры. Чем определяется маневроспособность с.-д.? Прежде всего, степенью радикализации рабочего класса: чем более левее рабочий класс, тем больше виляет хвостом с.-д. Второй фактор — это способность к маневрам самого капитала.

Социал-демократия маневрирует еще в сфере снижения жизненного уровня рабочего класса. Речь идет о том, в каких пределах снизить его. На практике с.-д. договаривается с капиталистами: «Вы ставьте требование снижения на 15%, мы — на 6%, а помиримся на 8%. Это должен будет признать принудительный арбитраж».

Эта способность социал-демократии к маневрам объясняет в известной степени, почему мы еще не разбили с.-д., эту партию поддержки гниющего

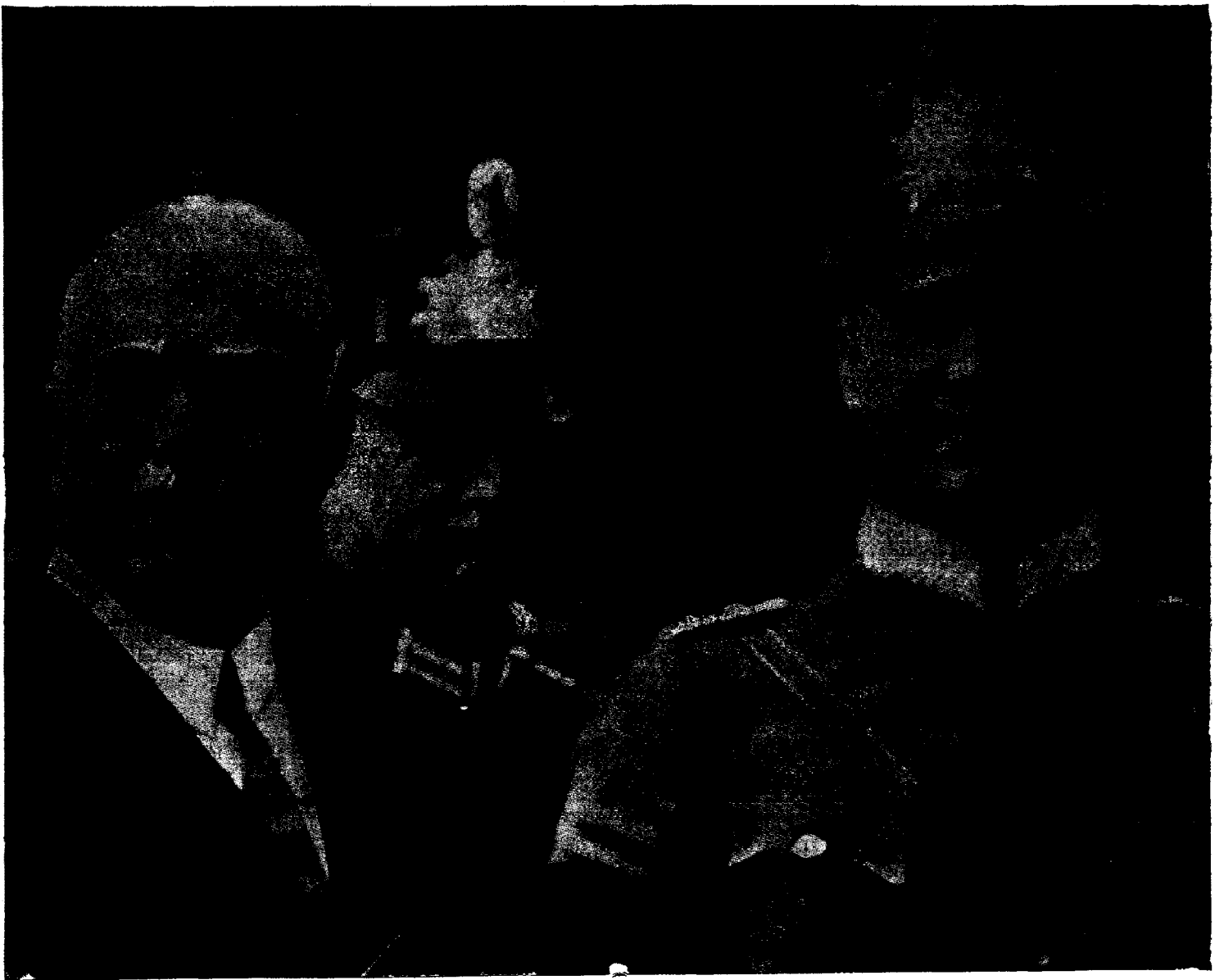
капитализма, партию раскола рабочего класса. Так вот, я спрашиваю: разве эта картина экономического и политического принуждения, применяемого с.-д. аппаратом, разве она не заслуживает того, чтобы на ней остановиться внимательно, пристально, чтобы показать ее рабочему, разоблачив в его глазах силу и слабость фашизирующей социал-демократии?

Я знаю одну работу Михельса о с.-д., которая вышла до войны. Но аппарат с.-д., о котором он писал тогда, в сравнении с аппаратом современной социал-демократической партии, ведь это же щенок перед солидным псом.

Сделали ли мы это, товарищи? Нет. До сих пор ждет еще история толковой и ясной для каждого рабочего книги, которая рассказала бы ему о всех этапах и итогах существования социал-демократии. Такой ясной и толковой, а главное, простой книги я не знаю.

Один германский социал-демократ, Мюллер, выпустил брошюру «Если бы в 1918 году». Эта брошюра повествует о том, что было бы, если бы в ноябре 1918 г. арестовали Носке и Шейдемана. Я сразу же подумал, почему мы не поставили так вопроса: что было бы в Германии, если бы там в 1918 г. не было Носке и Шейдемана? Этот пример показывает нашу слабость. Разработайте этот вопрос — и большое спасибо скажет вам рабочий класс всего мира.

ЛИЦО СОЦИАЛ-ФАШИЗМА

Господин «полицей-президент» Цергибель

УРОКИ ИНТЕРВЕНЦИИ

Опасность интервенции, нависшая над СССР с особенной силой в момент, когда республика вступила в период социализма, заставляет проанализировать уроки первой интервенции и продумать перспективы грядущей.

История гражданской войны, история интервенции перестает быть, таким образом, рассказом о великих боях, рассказом бойцов для молодых поколений, а становится вопросом величайшего практического значения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и внимание советских историков начинает направляться на тщательное изучение этого периода истории СССР. Широкие массы трудящихся имеют право требовать от наших историков не только рассказа о том, что было в эти грозные годы, но и тщательно разработанных политических выводов на будущее.

Интервенция была попыткой капиталистического мира задушить рождающийся социалистический мир в момент его возникновения. Было ли у главарей капиталистического мира сознание, что они борются за уничтожение в зародыше социалистического государства? Еще не открыты все архивы империалистской дипломатии, не открыты еще архивы военных штабов, но уже на основании мемуаров Людендорфа, графа Чернина, записок советника Вильсона, полковника Гауза, на основании работ Черчилля можно на этот вопрос ответить с полной определенностью. Да, вожаки капиталистического мира отдавали себе во время империалистической войны полный отчет в опасности пролетарского восстания и с первого момента Февральской революции знали, что эта опасность надвинулась непосредственно на капиталистический мир. Нынешний президент Соединенных штатов Америки господин Гувер плавал по Атлантическому океану, когда по радио получил сведения о Февральской революции. Как свидетельствует его биограф,

Гувер немедленно заявил, что это событие может изменить полностью не только картину войны, но и картину мира.

Немецкий рейхсканцлер Бетман-Гольвег мчится немедленно после получения сведений о Февральской революции в Россию в прусский ландтаг и произносит речь о необходимости реформы прусского избирательного права. Только через день стало известным, почему немецкое правительство, которое отказывалось во время войны проводить какие бы то ни было внутренние реформы, решилось теперь взять в свои руки инициативу по вопросу, вызывавшему тупое сопротивление со стороны юнкерства.

Октябрьская революция, показавшая мировому капиталу, что его убеждение в наличии опасности перехода буржуазной русской революции на рельсы пролетарской было обоснованным, усилила страх антантовских и германских империалистов перед социалистической революцией во всем мире. Понятно, вожди мировой буржуазии еще утешали себя, что, может быть, пролетарская революция обанкротится, что она не сумеет справиться с тяжелым наследием войны. Но, несмотря на эти надежды, вожди обоих лагерей империалистического мира принимают немедленные меры для организации интервенции. Германский империализм подготавливает захват Украины, французский и английский заключают немедленно договор насчет сферы действий, направленный на низвержение советского строя.

После окончания империалистической войны Клемансо с французской стороны, Черчилль — с английской ставят открыто вопрос о том, что победа союзников будет уничтожена, если у власти останутся большевики. Черчилль убеждает в ряде документов Ллойд-Джорджа, что надо идти на сделку с побежденной Германией, с той Германией, которую совсем недавно называли страной гуннов, что надо использовать германские

силы для низвержения власти пролетариата. Ллойд-Джордж, со своей стороны шедший с опаской на интервенцию, ибо он великолепно понимал, насколько она будет непопулярной в широких массах рабочих и мелкой буржуазии, обрисовывает в своем меморандуме союзникам международное положение в совершенно правильном свете, заявляя, что Красная армия является единственной армией в мире, борющейся за идеалы, в которые верит народная масса. Ллойд-Джордж совершенно правильно намечает общую стратегию в борьбе против русской пролетарской революции. Главная опасность, — говорит он, — состоит в ее объединении с германской революцией, ибо промышленная Германия может предоставить свои мощные орудия техники. Против этой опасности надо направить удар. Надо помочь германской буржуазии и германской социал-демократии разгромить левое крыло германского рабочего движения, германских коммунистов, которые хотят перебросить мост к Советской России. Поэтому Ллойд-Джордж стоял за уступки германской буржуазии, за смягчение условий версальского договора.

Жалкая попытка сопротивления со стороны Вильсона, который, веря еще в могущество американского капитализма, надеялся обмануть советское правительство своей программой мелкобуржуазной мировой реформы, была обречена на банкротство, хотя бы, потому что европейский капитализм чувствовал, что над ним занесен нож. И Вильсон отказался от своей оппозиции интервенции именно тогда, когда посланный им в СССР Буллит принес сведения о силе советского правительства, о великом перевороте, происходившем в Советской России.

Капиталистический мир не может уже освободиться от страха перед победой социализма в СССР, от страха перед победой революции в других странах. Надежды на перерождение советской власти, на возвращение ее к капитализму, вызванные нэпом, оживили на время те капиталистические круги, которые боятся военных потрясений. Но достаточно было возникнуть каким-либо

серьезным революционным событиям в любом уголке мира, чтобы боязнь распространения пролетарской революции за Березину охватила снова капиталистический мир.

Революционный кризис в Германии 1923 г. заставляет международный финансовый мир мобилизовать свои силы на поддержку германской буржуазии. Дауэсовский заем является результатом этого страха буржуазии перед германской революцией. Китайская революция 1926 г. вызывает снова волнения в капиталистическом мире и приводит к совместным действиям великих морских держав против победоносного похода китайской демократической революции как раз в момент, когда руководство ее начинает переходить из рук буржуазии в руки пролетариата. Вся мировая капиталистическая печать кричит ежедневно о том, что теперь мировая буржуазия убеждена в опасности победы социализма в СССР и в опасности непосредственного влияния этой победы на мировой пролетариат. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что именно этот страх стал источником подготовки интервенции.

Следующий вопрос, встающий перед нами в связи с первым, какое же отношение имели противоречия, раздиравшие империалистический мир, к организации интервенции? И на этот вопрос дает известный ответ история первой интервенции. Именно противоречия империалистических держав во время мировой войны привели к тому, что германские империалисты, несмотря на страх пролетарской революции, пошли на мирные переговоры и на заключение Брестского мира. Этот мир был грабительским, но все-таки он дал Советскому Союзу известную передышку, предоставив возможность пролетариату взяться за создание аппарата государственной власти и за организацию Красной армии.

Само собой понятно, что всякая империалистическая держава, готовящая интервенцию, должна спросить себя, как отнесутся к ней ее конкуренты, ибо, если интервенция кончилась бы победой интервента, последний стал

Белогвардейский ген. Хорват среди членов «межсоюзного совета» интервентов. Владивосток, 1918 г.

бы господствовать на громадной территории СССР, получил бы возможность использовать природные богатства нашей страны, завоевать командные высоты в ее экономике и превратить ее в свой рынок сбыта. Все это наблюдают конкуренты интервента, и поэтому последнему приходится опасаться их удара в момент победы. Естественно, интервент пытается обеспечить себе тыл путем сговора о разделе добычи. Сговор не легкий, ибо дело идет о разделе богатейшего пирога. Кроме того, империалистический мир имеет неразрешенные вопросы прошлого, конкретно говоря, версальский мир является до известной степени помехой интервенции. Всякая серьезная интервенция требует участия Германии, ибо без этого участия она должна разворачиваться, говоря стратегическим языком, на внешних линиях сообщения. Наиболее легкие подходы к СССР идут через Германию. Только при помощи Германии или распорядившись ее территорией, Франция могла бы оказать посильную помощь Польше и Румынии в войне с СССР. Но Германия является сама жертвой империалистов, и поэтому подготовка интервенции упирается не только в необходимость сделки между бывшими победителями в мировой войне, но и сго-

вора с Германией, которая требует уничтожения версальского мира.

Но является ли наличие противоречий между империалистскими державами гарантией против интервенции? И на этот вопрос дает известный ответ история первой интервенции. Боязнь победы социализма, боязнь победы пролетарской революции, в Европе была безусловно общим фоном и главной пружиной первой интервенции, но не подлежит сомнению, что в развязывании первой интервенции сыграли известную роль именно империалистские противоречия. Французские и английские империалисты, с одной стороны, германские, с другой, пытались друг друга предупредить в захвате наиболее ценных, с военной точки зрения, территорий Советского Союза, для того чтобы эти территории не смогли стать источником усиления противника.

Англичане и немцы пытались предупредить друг друга в захвате Баку. Германский империализм, чувствуя приближение своего конца, думал о захвате Петрограда и Москвы, чтобы получить в свои руки залог для переговоров с Антантой к тому моменту, когда ему придется убрать свои войска из Бельгии и северной Франции. Предложение о захвате Петрограда и

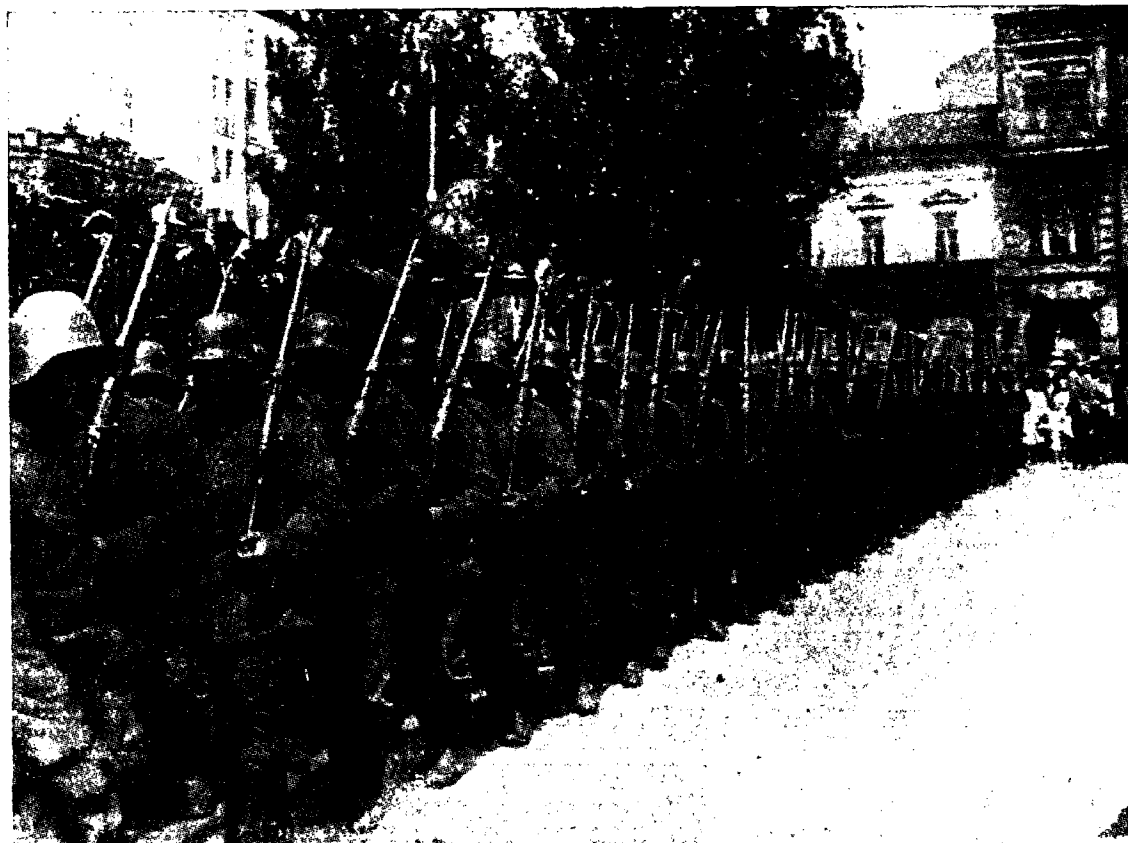
Москвы внес на военном совете командующий восточным фронтом ген. Гофман еще в октябре 1918 г.

Если присмотреться к нынешнему международному положению, то станет ясно, что теперь, как и в период первой интервенции, трудность сговора о совместных действиях, империалистические противоречия вообще, затрудняющие подготовку интервенции, могут одновременно стать фактором, способствующим развязыванию интервенции.

Присмотримся конкретно к тем особенным причинам, которые сделали Францию на данном этапе главным представителем интервенционистской политики. Французский империализм опирается на экономическую структуру, которая позволяет ему меньше, чем английскому или германскому, бояться скорой победы пролетариата. Он не зависит в такой степени от экспорта, как германский или английский империализм. Он имеет более крепкую сельскохозяйственную базу. Причина, по которой французский империализм на данном этапе стал главным организатором интервенции, состоит в том, что, готовясь наравне со всеми другими империалистическими державами к новой империалистической войне за раздел

мира, французский империализм должен обеспечить себе тыл. Он должен стать во главе капиталистической Европы, чтобы играть самостоятельную роль, а не попасть в фарватер влияния Англии или Соединенных Штатов, что означало бы, в случае поражения лагеря, с которым он был бы связан, расплату за поражение французскими колониями и французскими деньгами. Франция имеет в тылу двух главных противников: Италию и Германию. С обоими она хотела бы заключить сделку на основе подчинения французскому военному и экономическому руководству. Мы не будем здесь разбирать франко-итальянских и итало-советских отношений, которые в свою очередь потребовали бы рассмотрения всего узла балканских проблем. Что касается Германии, тут связь между стремлением французского империализма подчинить Германию и вопросом об интервенции совершенно очевидна.

Французский империализм боится, что Германия может заручиться советской помощью против Польши, и поэтому он стремится путем интервенции против СССР устранить эту опасность. Но, в случае интервенции против СССР, Германия могла бы использовать пора-

Германские войска
вступают в Киев.
1918 г.

жение Польши, чтобы захватить польский коридор и Верхнюю Силезию и, таким образом укрепить свои стратегические и экономические позиции для борьбы против Версальского договора. Эту опасность французский империализм не может устранить дипломатическим путем, если бы он даже хотел отдать Германии коридор, ибо Польша, несмотря на свою зависимость от Франции, не пойдет на подобную уступку. Французские империалисты пытаются прельстить ее обменом польского коридора на Литву и Украину, но коридор Польша держит в своих руках, Литву же или Украину она должна только завоевать.

Какой выход может найти из этих затруднений французский империализм? Он может пойти на провокацию польско-советской войны с тем, чтобы дать возможность Германии захватить польский коридор. Тогда, если Польша будет нуждаться в германской помощи, Франция могла бы сказать польскому империализму: «Вам не приходится теперь выбирать, вы уже потеряли коридор, надо теперь договориться с Германией, чтобы получить ее помощь для завоевания Украины и Литвы». Вот как невозможность преодоления противоречий французской политики путем предварительной дипломатической сделки может стать источником авантюристской политики французского империализма по отношению к СССР.

Наша информация о настроении народных масс за границей во время интервенции была благодаря блокаде и войне очень отрывочна. Нужен был гений Ленина, чтобы, несмотря на отсутствие хорошей информации, с такой уверенностью исходить из предпосылки, что мировым империалистам не удастся мобилизовать против нас народные массы.

Только теперь мы узнаем — и то очень отрывочно — факты, тщательно скрывавшиеся правительствами Англии и Франции, о затруднениях, которые заставили их отказаться от переброски значительных военных сил на территорию Советского Союза. Факты о восста-

РУССКИЕ!

КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧИЕ!

Вот мы Англичане, Французы, Американцы, Итальянцы, Японцы пришли сюда на помощь кь молододой Русской Армии.

Мы ничего отъ Васъ не хотимъ братьъ ни земли, ни фабрикъ, ни городовъ, ни лѣса. Мы пришли вамъ помочь. Большевики продали въ неволю Россю, а мы не признаемъ Брестскаго мира и не признаемъ его. Австрийцы, Турки, Болгары и Чѣхы разбиты, но мы не сложимъ оружя пока не разобьемъ большевиковъ, а въдъ они Васъ продали, мы вамъ заявляемъ, что съ Вами мы пришли воевать, а съ чѣхами и итальян комиссари, мы такіе же какъ и Вы крестьяне и рабочие: — бросайте всѣ ряды красной армии и бегите къ мамѣ, а кто хочетъ домой, мы предупреждаемъ Васъ красноармейцы, пощадь Вамъ не будетъ, если Вы будете противъ насъ драться. Всѣхъ Васъ истребятъ, какъ истребили большевиковъ въ Сибиря.

Дайте Вамъ 2 недѣли сроку, а тамъ сами на себя походите.

Союзники.

ниях во французской армии в 1918—1919 гг., о которых мы узнаем сейчас, факты, сообщаемые Черчиллем в его «Aftermath» о восстаниях в английской армии, нам были тогда неизвестны. Эти настроения были вызваны не только усталостью народных масс от войны, но и революционными стремлениями, которые проявились в странах Антанты и помешали правительствам рискнуть переброской значительных военных частей в помощь белым.

Эти обстоятельства затруднили положение и социал-демократии, которая, несмотря на ее ненависть к коммунизму, боялась выступить открыто во всех странах на защиту интервенции. Английская рабочая партия, французская и итальянская социалистические партии должны были считаться с наличием сильных революционных тенденций в собственных рядах (во Франции и Италии оппортунисты оказались в меньшинстве), и поэтому они вынуждены

были высказаться против интервенции. Не решаясь поддерживать интервенцию, они сосредоточили свои усилия на том, чтобы парализовать всяческие попытки революционных рабочих вести борьбу против интервенции, борьбу, которая переходила к непосредственному нападению на свои капиталистические правительства.

Социал-демократические партии стран, близко расположенных к Советскому Союзу, перешли к открытой поддержке интервенции, несмотря на позицию, занятую революционными рабочими против интервенции.

Германская социал-демократия поддерживала интервенционистско-захватническую политику кайзерского правительства. На Украине и в Прибалтике она организовала после падения кайзерского правительства белые отряды— в Прибалтике под руководством социал-демократа Виннига. Она разрешала организовывать на германской территории помощь белым армиям, сражающимся против СССР.

ППС была идеологом интервенционистской политики Пилсудского. О финской, эстонской и латвийской социал-демократии не приходится даже говорить.

Изучение изменений в положении пролетариата западно-европейских стран и

Америки, изучение перемен в политике социал-демократии, развившейся до социал-фашизма, дает нам возможность ответить на вопрос, чего надо ожидать от социал-демократии в случае новой интервенции, в случае появления крупных империалистских армий западно-европейских держав на советской территории. Мы убеждены, что рабочий класс будет бороться против новой интервенции еще более энергично, чем во время первой, но что социал-демократия будет более открыто и энергично подготавливать интервенцию и помогать ее осуществлению. Это полностью доказал процесс меньшевиков.

Мы коснулись только некоторых уроков первой интервенции, чтобы показать их живейшую связь с сегодняшним днем.

Сказанного достаточно, чтобы стало ясным все практическое значение изучения вопроса об интервенции нашими историками-марксистами. Их поворот к изучению уроков интервенции должен явиться одним из шагов к выполнению той программы поворота исторического фронта к актуальным вопросам революции, к непосредственному обслуживанию классовых боев, которого с полной обоснованностью требует Центральный Комитет партии и вся наша общественность.

„Интернационал“
интервентов. Союз-
ный штаб во Влади-
востоке

ПЕРВЫЙ ЭТАП ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА УКРАИНЕ

Ранний период интервенции известен у нас очень мало. Более того, считается, что интервенция началась с весны 1918 г. С этим, конечно, трудно согласиться, имея в руках неопровержимое доказательство наличия интервенционистских действий союзников еще в 1917 году. Эти действия начались буквально через несколько дней после Октябрьской революции. Они были ответом союзного капитала на Октябрьскую революцию. Наиболее чувствительным по отношению к ней оказался французский капитал, который немедленно реагировал на известие о свершившемся Октябре.

Мы печатаем в отделе документов записку сотрудников французской военной миссии ген. Табуи, находившейся в Киеве с 6 декабря 1917 г. по 18 февраля 1918 г. Она печатается впервые. Сотрудники ген. Табуи собственными словами рассказывают, зачем они были посланы на Украину и чем они там занимались.

Сношения французского правительства с украинской Радой, в лице которой французский империализм быстро разгадал организацию, могущую помочь в борьбе с большевизмом, начались еще до Октябрьской революции. Уже в августе 1917 г. французский посол Нуланс командировал на Украину Пелисье для изучения украинского вопроса и демократического характера «национального движения». Пелисье был первым французом, посетившим Раду и генеральный секретариат Украины. В октябре 1917 г. состоялся съезд украинских войсковых организаций, причем на этом съезде присутствовал официально французский офицер. Немедленно после Октябрьской революции французская военная миссия начала осуществлять усиленную связь с центральной Радой. Так, 28 ноября 1917 г. генеральный войсковой секретариат посетили прибывшие из Петрограда член

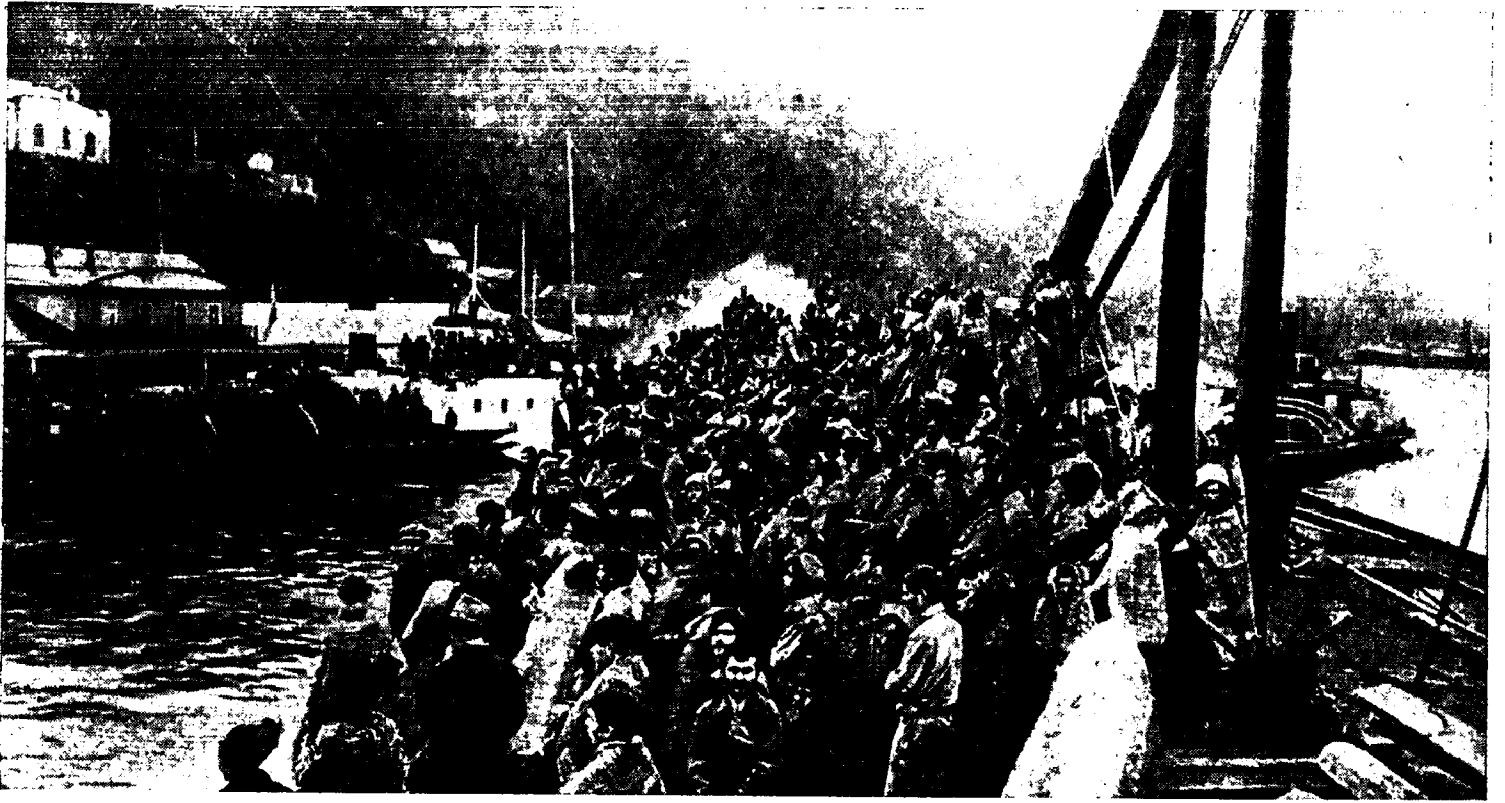
английской военной миссии полковник Чарль и представители французской миссии Гравье и Перлье. Как сообщает газетная заметка, «представители союзников вели с секретариатом беседу о текущем положении»¹. Нужно напомнить, что в этот момент в ставке Духовина имели место планы (как известно, не осуществившиеся) о ее переезде в Киев совместно с военными представителями Антанты. Последние, несомненно, играли немалую роль в зарождении этих планов переезда. Весьма вероятно, что беседа по «текущему положению» в войсковом секретариате заключала в себе обсуждение и этих планов.

В этот период французское посольство и в особенности военная миссия ставили едва ли не основную ставку именно на украинскую Раду. Бывший корреспондент английской газеты «Манчестер гардиан» Филипс Прайс, выпустивший в то время книгу «Русская революция», утверждает, что французская военная миссия в Петрограде горячо приветствовала в середине ноября 1917 г. победу Рады над украинскими большевиками и объявление ее единственным правительством на Украине, «так как эта победа открывала возможности осуществления ее (миссии) собственных планов, направленных против советской России»².

От «горячего приветствия» французская миссия немедленно перешла к более реальной политике. Уже в конце ноября целый ряд французских офицеров был командирован на Украину, а 7 декабря 1917 г. в Киев прибыл ген. Табуи и официально организовал французскую военную миссию на Украине. Инструкции, полученные генералом Табуи, так же, как и характеристика работы миссии, сделанная ее собственными

¹ «Русское слово», № 251 от 29 ноября 1917 г.

² Филипс Прайс, «Русская революция».

Чехо-словацкая пловучая тюрьма с 400 членными красноармейцами близ гор. Сарапуля. Октябрь 1918 г.

сотрудниками, говорят сами за себя. Заслуживает особого внимания указание, что уже 12 декабря происходит подчинение военной миссии в Киеве генералу Бертелло, с одной стороны, и графу Сент-Олеру (французскому посланнику в Румынии), с другой. Это подчинение преследует две цели: с одной стороны, сосредоточить руководство французской интервенцией на юге России в одних руках, а именно, в руках генерала Бертелло, который опирался одновременно на румынскую армию, юго-западный фронт ген. Щербачева и украинскую Раду. Вторая цель заключалась в том, чтобы создать внешнее впечатление непричастности к интервенционистским попыткам французского посольства в Петрограде во главе с Нулансом. Именно в этот момент Нуланс делал вид, что вступает в сношения с советским правительством. Союзникам, и в частности французам, необходимо было во что бы то ни стало выиграть время для организации вооруженной интервенции на Украине. Из этих соображений ни французское посольство, ни французская военная миссия не считали желательным полное раскрытие своих карт и, наоборот, делали шаги к тому, чтобы быть в контакте с совет-

ской властью и не порывать с ней отношений. Отъезд всех военных миссий союзников из ставки Духонина был вскоре признан ошибкой. Эту ошибку французы стали быстро исправлять. 6 декабря военные миссии союзников прибыли в Киев, а уже 18 декабря в ставке главковерха (т. Н. В. Крыленко) происходит беседа между последним и оставшимся в ставке французским офицером Луи Жан. Через несколько дней последний пишет главковерху письмо, причем ссылается на эту беседу. В письме говорится: «В дополнение к нашему разговору 18 декабря мне приказано ген. Ниссель, начальником французской военной миссии в России, довести до вашего сведения нижеизложенное.

1) им приказано ген. Лаверн, начальнику миссии при ставке, выехать в Петроград несколько дней назад и временно находиться в Петрограде для служебных надобностей. Ген. Лаверн выехал из Киева 16 декабря;

2) во время отсутствия ген. Лаверн представителем французской миссии при ставке остаюсь я;

3) я уполномочен войти в официальные отношения с русским верховным командованием, как только остальные

мои коллеги получают от своих правительств соответствующие инструкции и

4) мне приказано вернуть сюда архив и канцелярию миссии»¹.

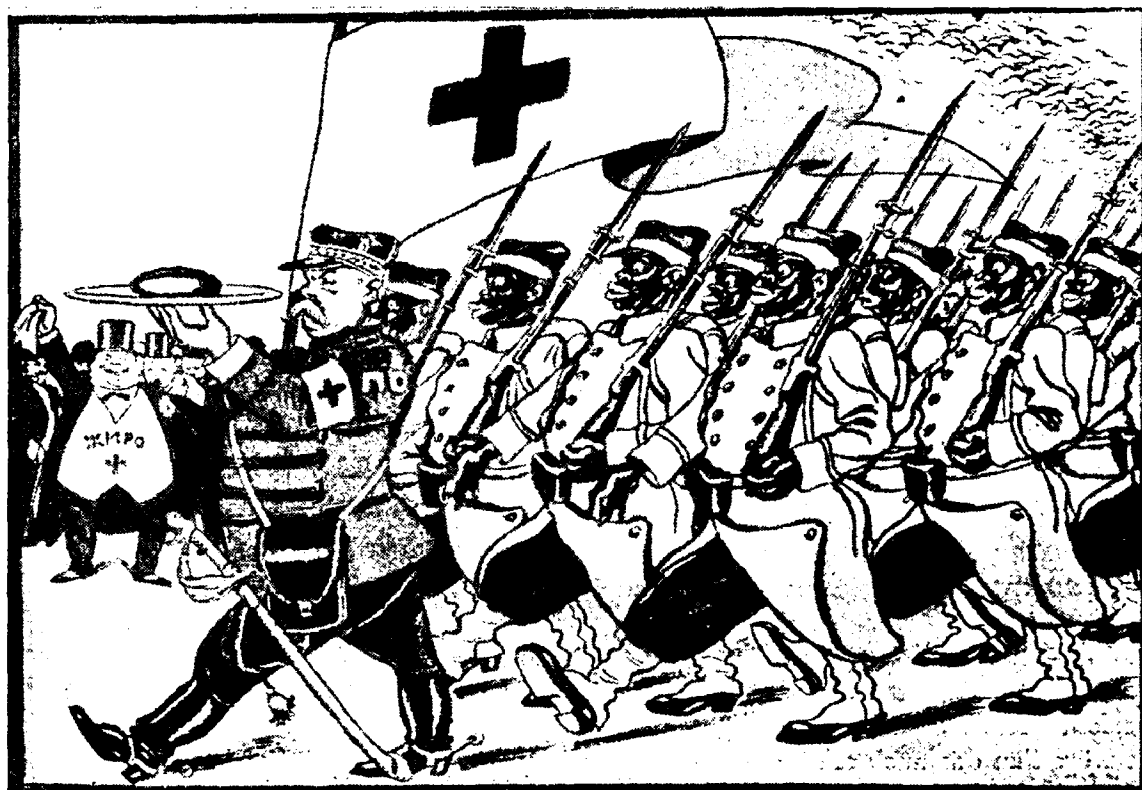
Письмо заканчивается выражением «преданности русской армии и русской нации» и надеждой на продолжение «сердечных отношений».

Мы привели почти полностью письмо Луи Жана в виду большой важности этого документа, дающего представление о французской политике этого периода. Письмо Луи Жана говорит о шагах, при помощи которых французская дипломатия пыталась замаскировать открыто интервенционистскую политику на Украине. Политика лавирования между ставкой и Киевом, между Совнаркомом и Радой, между революцией и контрреволюцией, политика, которая в этот период была присуща французской дипломатии в отношении к Советской России, нашла яркое отражение в цитируемом документе. Так, Луи Жан, сообщая об отъезде ген. Лаверн в Петроград и о поручении войти в официальные отношения со ставкой, ставит условием своего вхождения получение его «коллегами соответствующих инструкций от их правительств». Это об-

стоятельство позволяет считать письмо Жана тактическим ходом ген. Нисселя и Нуланса. Французская дипломатия в России ставила в этот момент основную ставку на контрреволюцию в лице украинской Рады, с одной стороны, и генерала Щербачева, с другой (параллельно вступая в связь с донской контрреволюцией). Для маскировки этой ставки она налаживала порванные Октябрьской революцией связи с правительством и высшим командованием армии.

Вернемся к «работе французских интервенционистов на Украине». Об этой работе, повторяем, рассказывает сама миссия Табуи, и мы ей полностью предоставляем слово. Об одном вопросе записки миссии Табуи не упоминают, между тем, этот вопрос играет не последнюю роль во взаимоотношениях между Францией и украинской Радой. Мы говорим о финансовой поддержке Рады французским капиталом. Уже цитированный нами Прайс указывает, что главари Рады пошли на договор с Францией, получая от последней финансовую поддержку, военное снаряжение и признание независимости Украины. В обмен они предоставляли Франции контроль над железными дорогами, признание французского первенства при получении концессий, обещание сра-

¹ «Известия», № 248 от 23 декабря 1917 г.

Помощь «человеколюбивой» Франции голодающей и блокированной Советской России

Рис. Дени

жаться с большевиками и продолжать войну с центральными державами. О проектах контроля над украинскими железными дорогами вскользь упоминает записка «Украина и Франция». Опубликованное в декабре 1917 г. в советской прессе письмо ген. Алексеева на имя французского военного атташе при Раде, в котором сообщалось о том, что союзные миссии заключили соглашение о финансовой и военной помощи Раде, говорит о том же. Наконец, та же записка свидетельствует о сначала фактическом признании Украины со стороны Франции, а затем и последовавшем юридическом признании. Прямым подтверждением не только франко-украинских переговоров (в чем не приходится сомневаться), но и договора между центральной Радой и французским правительством, является официальное сообщение, помещенное во французской печати, от 9 декабря 1918 г. о том, что французское правительство предоставило заем украинской Раде.

Что касается суммы займа, то газеты определяли ее различно. Чаще всего называли сумму в 180 млн. франков. В передовице от 29 января «Манчестер гардиан» писал: «Под украинской республикой подразумевается украинская центральная Рада — буржуазное учреждение, которое с самого начала находилось в открытой оппозиции к большевикам. Именно по этой причине раздавались в Англии голоса, что мы должны поддерживать Раду, так как она враждебна большевикам и может, в конце концов, их сбросить, и также потому, что, будучи антибольшевистской, она, очевидно, захочет продолжать войну. По этим причинам, Франция предоставила Украине заем в 7 млн. фунтов стерлингов (около 70 млн. руб.) и послала правительству Рады военную миссию»¹. Далее газета доказывает, что надежды, возлагаемые на Раду относительно продолжения войны с немцами, ни на чем не основаны и что именно Рада первая заключила сепаратный мир. Рада не только заключила сепаратный мир с центральными державами вскоре после

получения займа от союзников, но уже в момент этого займа послала мирную делегацию в Брест-Литовск. Факт получения французского займа подтверждает и Вильям Хард в своей книге о Раймонде Робинсе. Этот же вопрос о французском займе явился предметом прений в английском парламенте и поставил в весьма неловкое положение тогдашнего министра блокады, нынешнего женеевского «апостола мира» Роберта Сесиля.

Наконец, можно привести еще одно свидетельство, подтверждающее финансовую помощь украинской Раде со стороны Франции. 7 декабря 1917 г. находившийся в Петрограде генеральный секретарь по финансовым делам Украины проф. Туган-Барановский был приглашен французским послом Нулансом для собеседования по вопросам, касающимся положения Украины. Французский посол заявил, что как французское правительство, так и общественные демократические круги Франции сочувственно относятся к украинскому движению и придают будущему государственному устройству Украины громадное значение (еще бы! Б. Ш.). Для более реального выражения сочувствия Францией Украине французское правительство готово оказать украинскому правительству финансовую поддержку. Посол рекомендовал Туган-Барановскому обратиться по этому поводу к французскому правительству, обещая со своей стороны полное содействие¹. Повидимому, обращение к французскому правительству и «полное содействие» Нуланса возымели свое надлежащее действие.

Настоящая вводная статья не охватывает, само собой разумеется, всей истории французской интервенции на Украине в период ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.

Основное значение приводимой ниже записки миссии ген. Табуи состоит в том, что окончательно установлен факт, не подлежащий теперь никакому сомнению: союзная и, в частности, французская интервенция началась немедленно после Октября и была прямым ответом на пролетарскую революцию.

¹ М. Левилов, «История союзной интервенции в России».

¹ «Русское слово», № 258 от 8 декабря 1917 г.

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЦИАЛ-ФАШИСТЫ ВО ГЛАВЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

I

Газета французских социал-фашистов «Попюлер», чтобы увеличить свой тираж, начала серию статей под названием «Как они стали социалистами». Бойкий журналист Луи Леви посетил виднейших лидеров французской социалистической партии и дает в виде интервью важнейшие биографические данные вождей, от Леона Блюма до «левого» Жиромского.

Картина получается умилительная. Леон Блюм рассказывает о том, как он с детства был оделен «чувством справедливости», которое ему привила мать. «Рассказывал ли я вам уже историю с яблоками? — спрашивает Леон Блюм интервьюирующего его журналиста. — Я учился вместе со своим братом немногим старше меня. Когда моя мать давала нам яблоки, она не наделяла каждого целым яблоком. Она делила оба яблока пополам и давала каждому из нас по половине того и другого. Только такой дележ казался ей справедливым» («Попюлер», 8 марта 1931 г.).

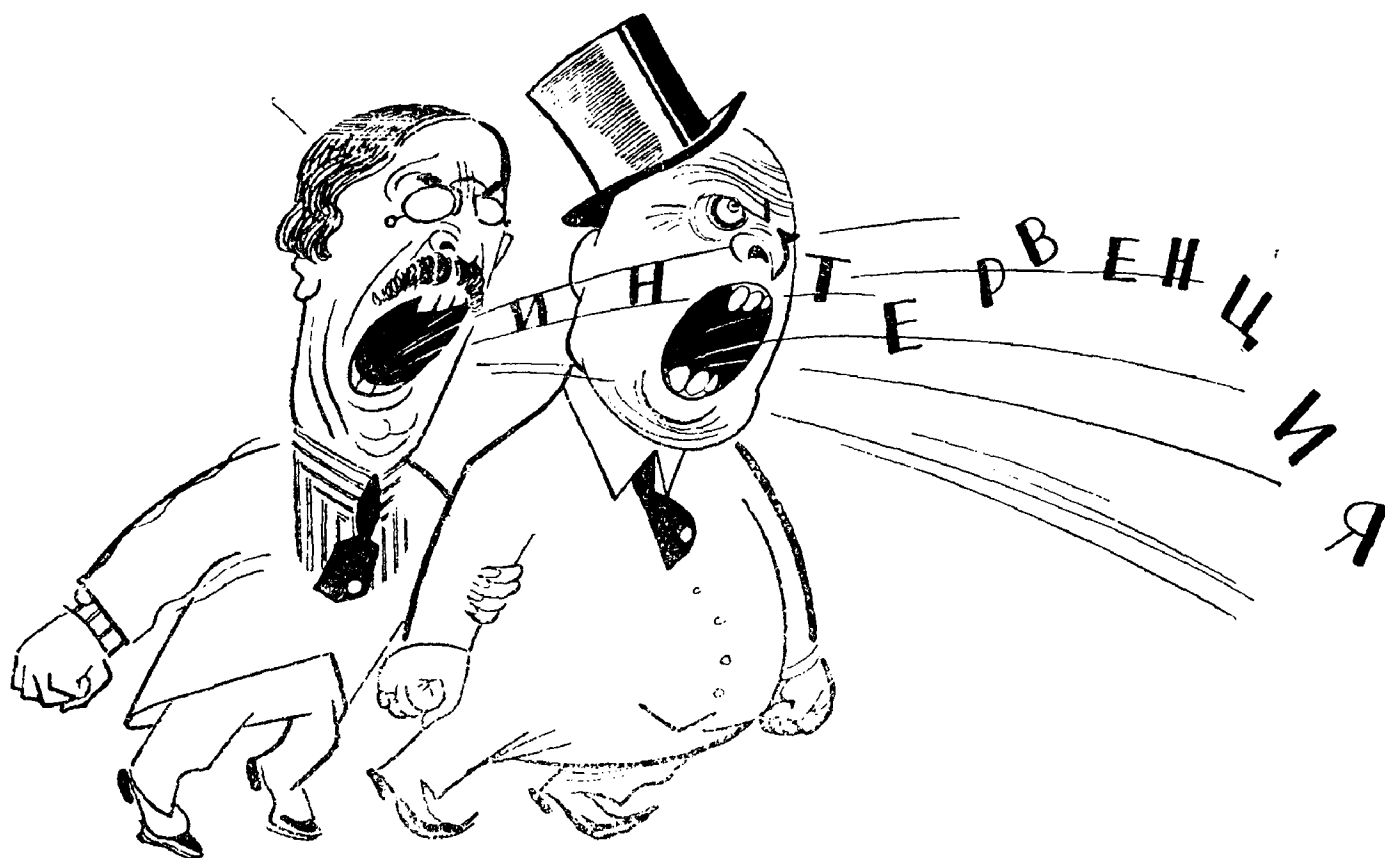
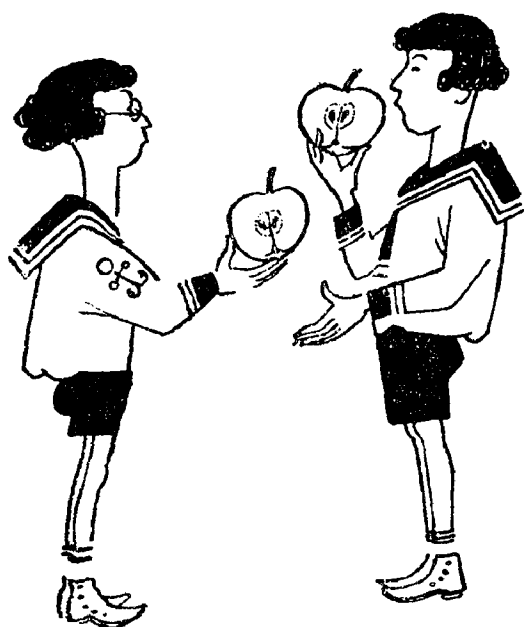
Через несколько дней после напечатания этого интервью нашего рыцаря «справедливости» весь мир облетело следующее известие: «В течение продолжительного времени циркулировали слухи о причастности лидера французских социалистов Леона Блюма к скандальной афере банка Устрика. Газета «Эко де Пари» поместила клише со счета сына Блюма, находившегося на службе в одном из предприятий Устрика в качестве инженера. Из этого счета видно, что сын Блюма получал оклад, превышающий в несколько раз оклад других инженеров, занимающих аналогичные должности». Когда это обстоятельство выяснилось в парламентской комиссии, господин Леон Блюм совершал «пасхальное» пу-

тешество по Швейцарии и Германии. По возвращении его ждет приятная беседа в комиссии, особенно в связи с тем, что директор одного из крупнейших предприятий Устрика Пежо утверждает, что Леон Блюм «был завсегдаем Устрика».

Выходит, что Блюм честно принял заветы матери по вопросу о я б л о к а х, но ни он, ни его сын не особенно дорожат этими заветами, когда речь идет о п р е з р е н н о м м е т а л л е. Таков наш рыцарь «справедливости», являющийся главным редактором газеты «Попюлер», издаваемой, как это вынужден был признать сам Леон Блюм, на деньги капиталистов. Прежде чем стать «социал-устриком» Леон Блюм прошел блестящую школу: в юности он делил свои симпатии поровну между Клемансо и Барресом (известным литератором, сначала анархистом, потом монархистом), в 90-х он вертелся в литературных кружках анархо-индивидуалистов. Встреча с аллеманистом Люсьеном Герром сделала Леона Блюма «коллективистом». До войны он был весьма мало заметным членом социалистической партии. После войны, особенно в эпоху раскола, Блюм вынырнул на поверхность. С тех пор он является самым ярким врагом большевизма, становится общепризнанным лидером социал-фашистов. Можно прямо сказать, что Блюм сделал себе к а р ь е р у на антибольшевизме. И он, действительно, честно зарабатывает для себя и для своего сына тройные оклады во славу капитализма. Капиталисты знают, кому и за что платить.

II

Французские социал-фашисты и их лидер Леон Блюм держат при себе «беспристрастного» советника по русским делам. Белоэмигрантское офицерье сделало лакеями в ресторанах и аген-

и блонн с детства привык все глотать пополам

Рис. К. Ротова

тами по фальшивомонетным и шпионским делам у иностранных трестов и генеральных штабов. Грузинские меньшевики пошли вслед за своими белогвардейскими собратьями. Русские меньшевики избрали себе несколько другой путь. Они стали лжесвидетелями и советчиками по делам СССР. Так, у германских социал-фашистов в передней «Форвертса» сидит небезызвестный Гарви, а недалеко от редакции «Попюлера» всегда обретается меньшевик Розенфельд.

Не стоит цитировать всех статей Розенфельда в «Попюлер». Сначала он полагал, что подсудимые не сознаются и тогда можно будет на весь мир прокричать о «пытках» ГПУ. Но когда оказалось, что подсудимые заговорили весьма неприятные для II Интернационала и, в частности, для французских социал-фашистов вещи, редакция «Попюлер» растерялась. Был выпущен сам Леон Блюм, который в большой статье, посвященной процессу, стал «разъяснять» позицию французских социалистов. Самое интересное в этой статье — это признание, что те французские рабочие, которые еще идут за социал-фашистами возмущены позицией меньшевиков и писаниями Розенфельдов. «Если я восстанавливаю здесь истину(!), — пишет Леон Блюм, — то только для наших партийных товарищей, для наших партийных борцов. И я решаюсь и считаю необходимым это сделать, так как некоторые из них ошибаются (!) в причинах и смысле кампании, которую ведет «Попюлер», и считают возможным занять не з а в и с и м у ю к р и т и ч е с к у ю п о з и ц и ю по поводу того, что нас умышленно позорят и поносят» («Попюлер», 5 марта 1931 г.).

Леон Блюм обижен и возмущен. Человек, сделавший себе карьеру на антибольшевизме и гордящийся тем, что он «один из первых выявил важнейшие противоречия между коммунизмом и классическим (!) социализмом», пытается уверить французских рабочих, что он всегда стоял за СССР и против интервенции. «Я, — пишет Леон Блюм, — всегда защищал русскую республику, русский народ против всякой попытки иностранного нападения или вмешательства и я могу сказать, что если

сейчас существуют еще официальные отношения между Францией и советской Россией, то кое-что я лично для этого сделал». Приписав себе роль тайного покровителя Советов, Леон Блюм с деланным возмущением восклицает: «Я отрицаю, чтобы обвиняемые (на процессе меньшевиков. Г. З.) могли привести по поводу меня хотя бы одну строчку. Я отрицаю также, чтобы можно было процитировать хотя бы одно слово, произнесенное мною на международном конгрессе в Марселе, либо на других конгрессах».

Мы увидим из дальнейшего, что у Леона Блюма отшибло память и что можно процитировать достаточное количество заявлений, принадлежащих Блюму и его друзьям, свидетельствующих об интервенционистских замыслах французских социал-фашистов.

Самое интересное, однако, то, что Леон Блюм готов представить себя даже защитником пятилетнего плана. Розенфельд на страницах «Попюлер» доказывает из номера в номер, что пятилетний план является нелепой фантазией, что он уже провалился, что ГПУ расстреляло всех ученых-специалистов.

А Леон Блюм, не краснея, пишет: «Когда мы, по нашему праву и обязанностям, взяли на себя задачу анализа пятилетнего плана, мы показали его истинное значение, мы выявили недостатки его составления и выполнения, и наша картина является и защитой(!) России против преувеличенных расчетов реакционной прессы и восстановлением истины». Оказывается, что когда меньшевик Розенфельд доказывает крах пятилетки, то этим самым он защищает СССР. Реакционеры, видите ли, преувеличивают значение пятилетки — это дает им возможность кричать о большевистской опасности и тем облегчить интервенционистские замыслы. Будем кричать о крахе пятилетки, и реакционеры перестанут вопить о большевистской опасности. Так прожженные социал-дельцы из «Попюлера» «защищают» СССР.

III

Очень полезна будет историческая справка о том, как они защищали СССР за последнее десятилетие, в частно-

Союз социал-империалистов и попов.
Господин Альберт Тома
на румынском фронте 1917 г.

Музей революции

сти, на Марсельском конгрессе, где выступал и Леон Блюм и где была принята резолюция якобы в защиту СССР. Представим себе обстановку. Дело происходило в 1925 г. Державы-победительницы так называемым локарнским пактом пытаются превратить Германию в плацдарм для пропуска интервенционистских войск против СССР. Для этого они принимают Германию в Лигу наций и дают ей горы всяческих обещаний. Леон Блюм, вслед за немцем Брейтшейдом и Вандервельде, заливается соловьем: он воспекает Лигу наций как высшее достижение человечества. Еще в 1923 г. Леон Блюм пел дифирамбы репарациям. «Принцип репараций, — говорил наш рыцарь «справедливости», — заключает в себе идеальную мысль. В чем заключается этот принцип? Он заключается в том, что каждое государство, каждое общество, каждая нация чувствует себя ответственной по отношению к убыткам, понесенным от войны каждым отдельным гражданином. Если бы текст версальского договора выполнялся, мы имели бы только репарации, которые ничего общего не имеют с военной контрибуцией».

На Марсельском конгрессе Блюм вместе с делегатами других наций, особенно бельгийцами, категорически возражал против предложения англичан об уничтожении межсоюзнических долгов. Он

с честью защищал интересы французского империализма. Но этого мало. Он поддерживал всеми мерами настроенные против СССР, рисуя Советский Союз в виде застрельщика войны, выдвигая призрак «красного империализма». «Существуют, — говорил Блюм на Марсельском конгрессе, — опасности, тяжелые опасности действительной войны, — они состоят в том, что после войны увеличатся системы автократических, тиранических правительств в Европе. Сейчас мы их насчитываем по меньшей мере три: Россия, Италия, Испания, а по их примеру почти во всех странах мира образуются политические партии, стремящиеся к той же системе тирании и диктатуры, — и вы скажете, товарищи, или вы вспомните, так как это показывает прошлый исторический опыт, что всякое автократическое правительство само по себе является у г р о з о й д л я м и р а».

Уже одна эта речь Блюма показывает, чего стоят его нынешние заверения, что он «защищал» всегда Россию от интервенции. Протоколы конгрессов социал-фашистского интернационала издаются, однако, для того, чтобы скрывать то, что происходило в комиссиях. А настоящее свое лицо Блюмы открывают тогда, когда массы за ними не могут следить. В комиссии, где обсуждался манифест о русских делах, французы

внесли следующую поправку: «В настоящее время главным источником военной опасности является СССР — красный, советский империализм». Эта поправка в таком голом виде не собрала большинства. Тогда бельгийский социал-фашист де-Брукер от имени французской, польской, грузинской, эстонской, литовской, армянской, болгарской, югославской, венгерской, финской, бельгийской и шведской делегаций на пленуме конгресса выступил с речью, в которой высказал соображения этих делегаций о «красном империализме». Вот что говорил де-Брукер: «Когда констатируют, что в современной России царит ужасающая иллюзия, которая 125 лет назад привела армии, прежде революционные, ставшие наполеоновскими, к гибели на российских равнинах (аплондисменты), мы хотели бы, чтобы была более четко указана опасность, не для одного только удовольствия иметь более гибкую формулировку в резолюции, а для того, чтобы обратить внимание пролетариата на это положение и вести политику, которая позволит нам уберечься от этой опасности».

Де-Брукер, говоривший, как мы видели, и от имени французской делегации, требовал принятия всех мер для того, чтобы «русские изгнанники (меньшевики и эсеры) могли вернуться в их страну и проводить свою законную работу под эгидой власти, которую Россия свободно изберет». Интересно отметить, что грузинские меньшевики накануне, во время и особенно после Марсельского конгресса, прямо сформулировали платформу, в которой говорилось о необходимости вооруженного восстания против большевиков. Пункт 1 этой платформы гласил: «Ориентация на империалистические конфликты между Россией, Англией и другими империалистическими державами, должностные привести к освободительной (!) для Грузии войне». Таким образом, французская делегация, выступавшая совместно с грузинской, не может не нести ответственности за эти интервенционистские установки. Плохи дела Леона Блюма! Беглый просмотр только отчетов международных конгрессов показывает, как он лжет французским рабочим.

Альберт Тома призывает русские войска воевать до победного конца. 1917. г

Музей революции

В упомянутой уже вначале серии статей, посвященной биографии социал-фашистских французских вождей, мы находим одну статью, посвященную «левому» Жиромскому. Интервьюер соединил этого «левого» с правым Марселем Деа. Последний — еще молодой человек, ему нет 40 лет, в партию он пришел в 1914 г. убежденным кантианцем. Жиромский считает себя марксистом, учеником Гада и Брака. «Один справа, другой слева законно рассматриваются как надежда партии» — делает о них заключение интервьюер.

Это очень характерное заявление. Французский социал-фашизм, по примеру немецкого, английского и т. д., имеет для необходимого употребления два крыла — правое и «левое». «Левое» выпускается для масс, когда рабочих начинает претить от откровенно предательской политики социал-фашизма в целом. На Брюссельском конгрессе II Интернационала в 1928 г., где от имени французов Вэнсэн Ориоль распинался против Коминтерна, клеветца вслед за Блюмом и де-Брукером, что СССР воспитывает массы в духе «империализма и войны», — присутствовал и «левый» Жиромский. Он молчал по самому основному вопросу — об отношении к СССР — и выступил с коротеньким заявлением не о СССР — о, нет, — а о том, что болгарское правительство является «препятствием для мира на Балканах».

Сейчас, когда Блюм и Розенфельд клеветают на СССР, стремясь выгородить русских меньшевиков и себя от обвинения в поддержке интервенции, «левый» Жиромский тоже молчит. Зато он поместил в том же «Попюлере» статью «О программе действия» французских социалистов. В этой «программе действий» нет ни одного слова по вопросу об отношении к единственной стране, где строится социализм, к единственному оазису, где существует диктатура пролетариата. Но наш «левый» не прочь, чтобы склонить на свою сторону рабочих пококотничать а б с т р а к т н о словом — «диктатура пролетариата». «Что

касается нас, — пишет Жиромский, — то мы хотим уточнить марксистскую концепцию коллективной диктатуры класса в революционный период, который следует после захвата власти пролетариатом. Мы покажем также различия, которые разделяют рабочую демократию, орудие пролетарской диктатуры от формальной буржуазной демократии» («Попюлер», 16 марта 1931 г.).

Смысл этих левых фраз Жиромского состоит в том, чтобы помочь Блюмам и Реноделям выкрутиться из беды. Процесс меньшевиков подорвал доверие к социал-фашистским вождям. Необходимо левыми фразами восстановить это доверие. И Жиромский спешит на помощь. Но разве можно вычеркнуть из сознания рабочего класса всех стран действия Блюмов и его друзей? Разве не один из «стаи славной» французский социал-фашист Альбер Тома заправляет Международным бюро труда при Лиге наций? Разве не французский социал-фашист Поль Бонкур сидел несколько лет в Лиге наций в качестве представителя от буржуазного правительства? Разве не тот же Поль Бонкур был докладчиком от военной комиссии французского парламента, проводшей закон о милитаризации во время войны, закон, уничтожающий все права рабочих организаций в случае войны?

Французский социал-фашизм у себя ли в парламенте, в Лиге ли наций, на международных конгрессах — всегда верный слуга французского империализма. И когда буржуазия кричит о «демпинге» и «принудительном труде» в СССР, Блюмы ей подпевают. И когда реакционная печать поднимает на щит Паункаре и генерала Вейганда вместе с «торгпромом» для организации нападения на СССР, что делает в это время французская, с позволения сказать, социалистическая партия? Она всячески «доказывает», что СССР накануне экономического и политического краха. Она берет под защиту всех вредителей. Она лжет и клеветает, хотя одновременно выдвигает и левый фланг с тем, чтобы рабочие не видели прямого предательства. Но рабочие увидят, — они уже видят и с омерзением отворачиваются от своих вождей.

АВГУСТОВСКИЕ ДНИ 1920 ГОДА В АНГЛИИ

Грандиозные успехи социалистического строительства в нашей стране вызывают в странах капиталистического мира двойственную реакцию: с одной стороны, капиталистический класс, не без основания усматривая в них угрозу не только своему благополучию, но и самому своему существованию, лихорадочно выискивает меры борьбы от бойкота до вооруженного вмешательства включительно. С другой стороны, рабочий класс, сравнивая достижения СССР с собственным положением в момент острейшего кризиса капиталистического хозяйства, проникается все больше и больше преклонением перед страной, в которой пролетариат, уничтожив эксплуатацию, строит с таким блестящим успехом социализм. Создается положение, напоминающее то, которое переживалось капиталистическими странами в первые годы после Октябрьской революции, в годы интервенции. И тогда борьба вокруг

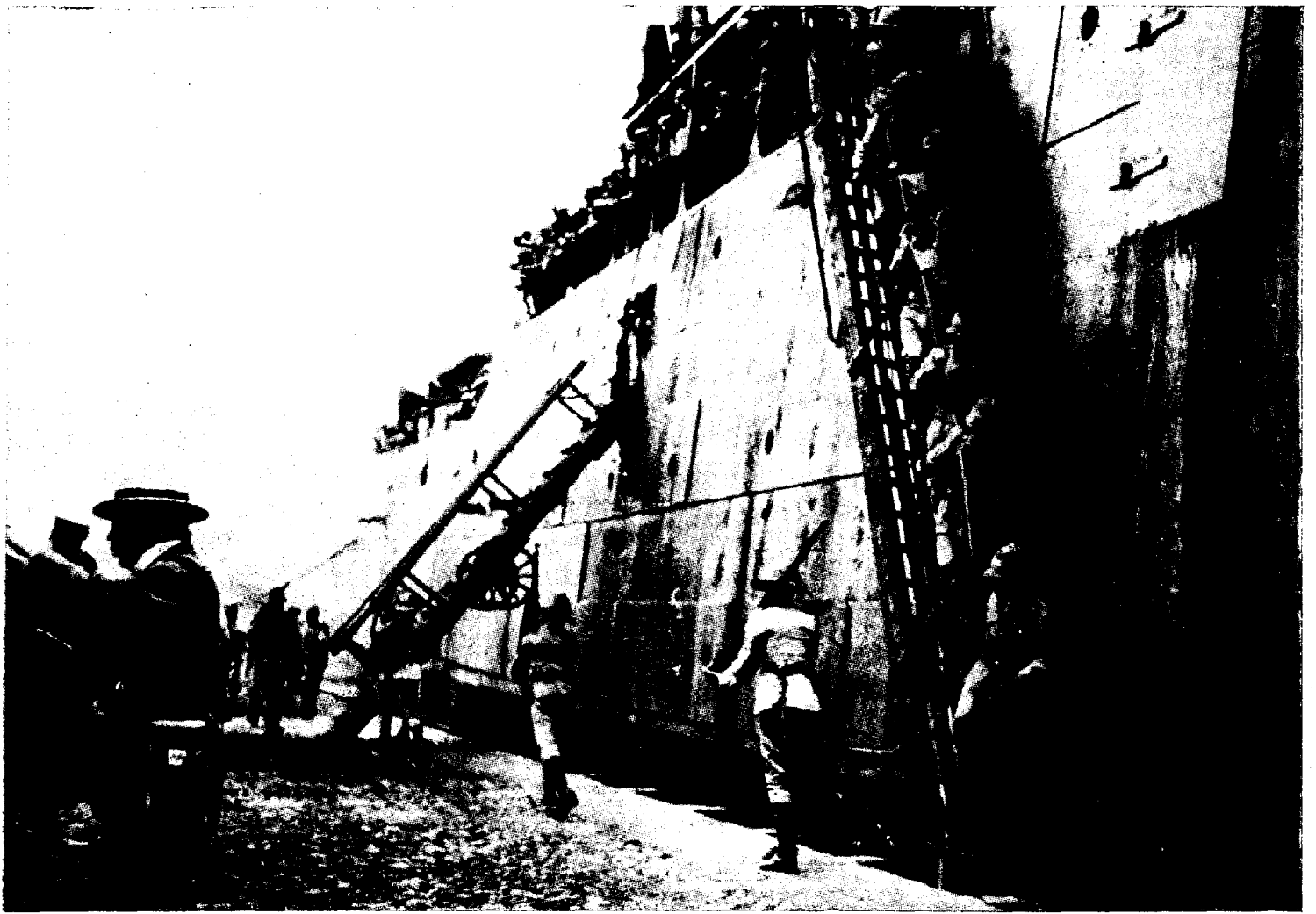
советской России между капиталистами и рабочими в этих странах все больше обострялась и, наконец, привела к победе рабочего класса, который настоял на прекращении интервенции и создании нормальных «отношений» со страной пролетарской революции. Решающим моментом в борьбе с интервенцией были августовские дни 1920 года. Тогда рабочий класс Англии выступил с угрозой всеобщей забастовки и дальнейших «прямых действий» в случае продолжения интервенции. С сильными воспоминаниями об этих днях я, как очевидец и, отчасти, участник, хочу поделиться с читателями настоящего журнала.

Мы находились тогда в состоянии войны с Польшей и одновременно вели в Лондоне мирные переговоры с английским правительством Ллойд-Джорджа. Эти переговоры были в значительной мере навязаны правительству требова-

Взятие английского
блокгауза

Пикенз

Высадка английских интервентов 1918 г.

ниями рабочего класса. Наша война с Польшей поставила английское правительство в затруднительное положение: с одной стороны, она вселяла в нем надежды на разгром ненавистной большевистской власти, а с другой стороны, делала его ответственным за продолжение военного и экономического хаоса Европы.

Поэтому правительство Ллойд-Джорджа с самого начала советско-польской войны не переставало двурушничать: посылало снаряжение полякам и одновременно вело мирные переговоры с противной стороной, Советами. Начавшееся в первой половине июня отступление поляков от Киева—и притом отступление, вскоре превратившееся в бегство,— вывело английское правительство из двойственного состояния: уже через месяц Ллойд-Джордж в Палате общин категорически заявил, что Англия не допустит разгрома Польши и нарушения ее территориальной целостности. Предметы военного снаряжения стали в огромных количествах посылаться в Польшу через

Данциг, и на свидании Ллойд-Джорджа с Пуанкаре было решено по предложению первого послать в Варшаву начальника французского генерального штаба, ген. Вейгана, со штабом на помощь полякам. Одновременно и английское правительство послало в Варшаву дипломатическую миссию во главе с лордом Даберноном, послом в Берлине.

20 июля министр иностранных дел в кабинете Ллойд-Джорджа, пресловутый лорд Керзон, послал советскому правительству официальное предупреждение приостановить наступление на той черте (так называемой линии Керзона), которую верховный совет союзников в декабре предыдущего года наметил как границу польской «национальности». Другими словами, переход поляками этой черты в своем налете на Киев не вызвал со стороны английского правительства ни малейших возражений; но лишь только возникла опасность, что Красная армия, отражая налет поляков, переступит эту черту, английское пра-

вительство немедленно стало угрожать войной. Это бесстыдное лицемерие, как и сама угроза возобновления войны против советских республик, взбудоражила английский пролетариат, как, впрочем, и пролетариат других стран. В Чехо-Словакии, например, рабочие останавливали поезда, направлявшиеся к польской границе, и после обыска отказывались пропускать их дальше, если в них оказывался военный груз. Точно так же в Данциге, через который проходило английское снаряжение, матросы и грузчики объявили забастовку, и пароходы по неделям оставались не разгруженными. В самой Англии положение стало еще более напряженным. Среди рабочих масс уже свыше года работал комитет, заслуживший историческую известность: «Руки прочь от России», объединявший ряд представителей профсоюзов и рабочих организаций. Посредством брошюр и листовок, равно как и публичных митингов, он систематически ознакомлял английский пролетариат с мероприятиями советского правительства и развитием пролетарской диктатуры и откликался на все события, касавшиеся советских республик, выступлениями в различных формах. Такую же работу вели отдельные английские деятели, которым удалось побывать в блокированной Стране Советов и собрать там исчерпывающий материал и личные впечатления. К этому времени вернулась также посетившая советскую Россию первая делегация английских

профсоюзов, которая, хотя и не успела еще опубликовать свой отчет, тем не менее уже выступала в одиночку в печати и на открытых собраниях, опровергая клевету капиталистической печати и ораторов. Английский пролетариат прекрасно разбирался уже в вопросе об истинных виновниках польско-советской войны, питая самое неприязненное чувство к польским шовинистам-империалистам и не придавая никакого значения лицемерному обвинению Ллойд-Джорджа и Керзона в том, что республики советов покушаются на территориальную целостность и национальную независимость польского народа.

4 августа Ллойд-Джордж призвал к себе возглавлявших советскую мирную делегацию товарищей Каменева и Красина и заявил им, что, если Красная армия не приостановит своего наступления в Польше, он немедленно распорядится об отправке британского флота в балтийские воды. Об этом он даже поторопился запиской сообщить еще во время заседания Черчиллю с тем, чтобы тот принял меры к немедленному выполнению этой угрозы.

Спустя два дня, в пятницу 6 августа, появилась в десятках тысяч экземпляров первая прокламация только что созданной британской компартии, которая извещала о грозящей опасности возобновления вооруженной интервенции против Советского Союза и призывала пролетарские массы выйти на демонстрацию в ближайшие дни. Примеру коммунисти-

Английские интервенты и южная контр-революция. Приезд к Деникину англ. генерала Пуля. Екатеринодар 1918г.

ческой партии вынуждены были последовать и независимая рабочая партия и даже сама рабочая партия, которые, правильно учитывая значение инициативы со стороны коммунистов при данном настроении рабочих масс, поспешили занять такую же позицию. Даже такие почтенные профсоюзные лидеры, как Ходжес и Бентернер, с тех пор прославившиеся своей предательской агитацией за промышленный мир, сочли нужным обратиться с манифестом, в котором призывали рабочий класс принять торжественное обязательство не вступать в армию в случае возобновления войны с советскими республиками.

Утром следующего дня (суббота 7 августа) коммунистическая партия одновременно с комитетом «Руки прочь от России» разослала сотни телеграмм по всем рабочим организациям, политическим и профсоюзным, с требованием посвятить воскресный день—классический в Англии день митингов—демонстрациям против правительства. Принятые резолюции против угрозы войны должны были пересылаться центральным комитетам организаций, местным членам парламента и самому правительству.

Одновременно, по требованию компартии, стоявшая еще тогда на «левом» фланге и тогда еще сравнительно «независимая» рабочая газета «Дейли Геральд» нарушила традиционный воскресный покой выпуском специального номера, посвященного вновь нависшей угрозе войны и вероломной политике правительства Ллойд-Джорджа. В этом номере была, между прочим, напечатана на самом видном месте и прокламация компартии. В этот день (воскресенье 8 августа) по всей стране действительно прокатилась невероятная волна митингов и английский телеграф работал так, как не работал уже со времени войны: телеграфные конторы загружались телеграммами с собраний, и канцелярия Ллойд-Джорджа была ими буквально засыпана.

Это неслыханное движение возымело огромный эффект. В понедельник 9 августа в Палате общин состоялось совещание представителей парламентской рабочей фракции, исполкома рабочей партии и центрального комитета

профсоюзов, на котором единогласно была принята следующая резолюция: «Настоящая конференция из представителей профсоюзов, исполкома рабочей партии и рабочей парламентской фракции выражает уверенность, что подготавливается война между союзными державами и Советской Россией по вопросу о Польше, и заявляет, что такая война будет величайшим преступлением против человечества. Конференция поэтому предостерегает правительство, что все силы организованных рабочих будут направлены к тому, что разбить эти воинственные замыслы. Конференция призывает исполкомы всех организаций страны быть наготове к немедленной поездке в Лондон на общенациональную конференцию и в случае распоряжения со стороны всенациональной конференции подготовить всех членов к объявлению забастовки. Конференция постановляет немедленно создать совет действия для принятия таких мер, какие могут оказаться необходимыми для выполнения настоящего постановления».

Эта резолюция была настоящей бомбой, разорвавшейся среди белого дня. На следующий день, 10 августа, депутация от конференции во главе с чрезвычайно популярным тогда «левым» (а ныне весьма реакционным) вождем Робертом Смайли явилась к Ллойду-Джорджу и изложила ему в достаточно энергичных тонах вышеприведенное постановление. В прениях в самой Палате общин рабочие парламентарии, побывавшие в воскресенье на местах и знавшие настроение масс против интервенции, выступили с категорическим предупреждением по адресу правительства.

Через три дня, 13 августа, в Лондоне собралась «всенациональная» конференция, на которой было 689 делегатов от профсоюзов и 355 делегатов от местных организаций рабочих партий, под председательством Адамсона, председателя рабочей партии. На конференции выступил, между прочим, ставший нам с тех пор весьма известным нынешний министр доминионов в кабинете Макдональда—Томас. Даже этот завзятый оппортунист, обладавший достаточным чу-

Колчак с английской военной миссией

тьем, чтобы определить, насколько далеко готовы идти рабочие массы для защиты Советской России, должен был заявить, что, в случае отказа правительства Ллойд-Джорджа подчиниться воле рабочего класса, последний прибегнет к «прямому действию», которое явится «не просто забастовкой, а вызовом самой конституции страны». Его поддерживал не менее известный, ныне правый, социал-фашист Клайнс, теперешний министр внутренних дел. Выступление Клайнса свидетельствовало о том, каких огромных размеров достиг напор рабочих масс. Даже наиболее правые лидеры в ы н у ж д е н ы были выступать самым энергичным образом за Советскую Россию, понимая, что иначе массы отбросят Томасов и Клайнсов и найдут других вождей, что движение перехлестнет оппортунистическое руководство. Клайнс отстаивал право рабочих реагировать на преступную политику Ллойда-Джорджа в отношении Советской России «прямым действием» — в н е п а р л а м е н т с к и м и в ы с т у п л е н и я м и.

Конференция единогласно подтвердила резолюцию, принятую на совещании 9 августа в Палате общин, прибавив, что рабочие окажут сопротивление интервенции «прекращением работ во всяких видах, какие потребуются обстоятельствами». Вместе с тем конференция распорядилась об организации советов действия на местах с участием всех партий и организаций, включая и коммунистические. Конференция разошлась под пение «Интернационала» и «Красного флага», а центральный совет действия немедленно протелеграфировал постановление конференции рабочим Франции и Италии, приглашая их присоединиться к нему, а также послал телеграмму рабочим в Данциге, приветствуя их мужественное выступление против разгрузки пароходов со снабжением.

Английское правительство отступило немедленно без соглашения даже с французами. Оно сообщило полякам, что для них было бы лучше пойти на компромисс с Сове-

тами и добиться прекращения войны. Как известно Франция предпочла другой исход, и ее генералы в последний момент сумели военными средствами приостановить наступление Красной армии. Тем не менее, и без мифического «чуда на Висле» война пришла бы к концу, так как английское правительство в конце концов было бы вынуждено не только отмежеваться от Польши, но и дипломатически выступить против нее. Рабочий класс Англии сыграл, таким образом, решающую роль. Мобилизованный в течение нескольких дней по инициативе и согласно программе молодой коммунистической партии английский пролетариат решительным жестом заставил правящую империалистическую клику отказаться от своих пре-

ступных замыслов и тем расстроил план новой интервенции. С тех пор прошло больше десяти лет, и за это время рабочие вожди Англии завершили свою эволюцию, перейдя на позицию открытого социал-фашизма и нескрываемой ненависти к стране строящегося социализма. Но за это же время английский пролетариат передвинулся еще более налево и проникся еще более преклонением перед грандиозностью и героизмом достижений пролетариата в Стране Советов.

Нет сомнения, что в случае повторения прежних антисоветских замыслов, английский рабочий класс поднимется своей огромной массой не только против преступного правительства, но и изменивших ему вождей.

Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций. Начиная с Великой французской революции конца XVIII века и кончая происходящей ныне Китайской революцией, английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества.

Советские люди никогда не забудут тех насилий, грабежей и военных вторжений, которым подверглась несколько лет назад наша страна по милости английских капиталистов.

Сталин

АНДРЕ МАРТИ

ВОССТАНИЕ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

ГОТОВИМ ЗАХВАТ „ПРОТЕ“¹

Это было первое волнение во флоте, и оно могло бы иметь крупнейшее значение, если бы затянулось еще на два-три дня.

20 декабря, в полдень, «Проте» ушел из Одессы. На следующий день мы прибыли в Галац на Дунае. С этого времени миноносец выполнял поручения ген. Бертело, поселившегося в Бухаресте и руководившего оттуда военными операциями в южной России с помощью французского посла графа Сент-Олер.

Вместимостью в 850 тонн, способный развить скорость в 26 узлов, этот сильный миноносец лучше всех других судов черноморской эскадры мог выполнить возложенную на него задачу. Командный состав «Проте» состоял из четырех офицеров. Я заведывал машинным отделением. В команде было 80 человек с 8 унтер-офицерами, 4 из которых были механики. Команда состояла за небольшими исключениями из новобранцев или молодых матросов. В революционном отношении они были инертны.

Я решил начать пропаганду среди машинистов и кочегаров, самого пролетарского элемента во всем флоте. Я организовал для желающих ежедневно час занятий по техническим или общим вопросам. Предметом обсуждения являлся всегда какой-нибудь вопрос прикладной механики управления машинами и обращения с ними. Через два урока я убедил своих учеников ознакомиться с работой моторов Дизеля на заводах. В своем введении к курсу занятий я каждый раз указывал на то, что рабочему классу, без сомнения, самому придется

¹ Мы публикуем здесь главы из непереведенного еще на русский язык второго тома книги т. Андре Марти. Полностью книга выходит в ГИХЛ.

Андре
Марти

вскоре управлять предприятиями и, следовательно, молодые рабочие должны быть к этому с технической стороны подготовлены.

Занятия велись от половины второго до половины третьего; они настолько всех интересовали, что многие до их окончания не сходили на берег.

Попутно я, по возможности, заводил частные разговоры о возвращении во Францию или о грубости румынских офицеров. Разговор естественным путем переходил на большевиков.

Кроме того, я передавал команде офицерские газеты. Хотя это и были контрреволюционные газеты, но тем не менее они все же сообщали о крупных забастовках, о революционном движении в Германии, Австрии, Венгрии и т. п.

Недоставало, конечно, революционной литературы. К счастью, этот пробел заполняли, до некоторой степени, ежедневные радио из Москвы. Они принимались для сведения командира, но, конечно, и все офицеры знакомились с их содержанием. Споры, которые эти радио возбуждали среди них, подслушивала прислуга, и, таким образом, сведения доходили и до команды. Эти радио оказали большие услуги пропаганде.

Какую позицию следовало занять по отношению к командному составу? Следовало ли вступить с ним в открытую

борьбу или, наоборот, таиться до последнего мгновения?

Офицеры были «ни рыба, ни мясо»: плохие моряки, безучастные ко всем социальным вопросам. Опасен был только командир. Глубокий лицемер, он заводил беседы с палубными матросами и ловко их «обрабатывал»; таким путем он узнавал все, что творилось на борту. Этот человек, несомненно, обладал талантом шпиона.

Особую ненависть он питал к персоналу, обслуживающему машины. Я не скрывал от него своих взглядов, о которых он все равно узнал бы через своих шпионов. Да и кроме того было ясно, что командир хорошо знает меня. Он никогда не сообщал мне ни одного распоряжения, за исключением тех, которые непосредственно касались обслуживания машин. Начиная с декабря, он ни разу не уведомил меня в момент снятия с якоря о полученном миноносцем назначении. В ноябре, когда я пожаловался, что меня устранили из числа участников поездки в Яссы, где находилось румынское правительство, командир ответил мне полусерьезно, полунасмешливо: «Я же не мог послать туда такого анархиста, как вы».

Поэтому лучше было бороться открыто. Это будило классовое сознание молодых матросов и дискредитировало командный состав. А в поводах недостатка не было: столкновения учащались, с каждым разом принимая все более и более угрожающий характер. Но командир не требовал моего увольнения; он, несомненно, боялся, что скандал и повреждение машин лишат его выгодной для его карьеры разведочной службы у ген. Бертело.

26 декабря мы приняли в Галаце на борт ген. Щербачева, возвращавшегося в деникинскую армию через Новороссийск. Но он не осмелился высадиться, и нам пришлось отвезти его обратно. Его пребывание на борту вместе с двумя добровольческими офицерами и четырьмя французами наглядно показало матросам, что представляли собой добровольцы.

Необходимо было связаться с внешним миром, прежде всего с другими кораблями. Почти на всех судах у меня

завязались дружеские отношения с членами команды на всех ступенях служебной иерархии. К несчастью, та роль которую выполнял наш миноносец, чрезвычайно затрудняла правильные сношения с другими кораблями, которые в свою очередь постоянно меняли место стоянки. Переписка была невозможна. Мне удалось переправить только несколько писем, и я получил на них только один ответ. Я был плохо осведомлен поэтому о настроении команды на больших кораблях.

Сношения с Францией были невозможны, так как мы не получали отпусков. Только два раза нам удалось переправить через отпускных письма Мергейму (Генеральная конфедерация труда), который нам не ответил.

Оставалось только завязать связь с русскими и румынскими большевиками. Сношения с первыми были невозможны, вследствие слишком короткой стоянки нашего миноносца в портах (два-три дня). С румынскими большевиками дело обстояло иначе. Уже в декабре, благодаря небольшому ремонту я завязал отношения с рабочими арсенала. Они голодали, и это пробило лед в наших отношениях. Я приносил им остатки офицерского хлеба, который они завертывали и прятали для своих детей; я приносил им также и папиросы. Под разными предлогами я бывал в арсенале почти каждый день. В общем все рабочие были настроены революционно, глаза их блестели и лица прояснялись, когда я приносил им известия об успехах Красной армии на Украине. Можно сказать, что за короткое время я завязал с ними самые тесные отношения.

Я, со своей стороны, сообщал им все новости, какие знал. Они были им очень полезны, так как румынская цензура не пропускала почти ничего. Я передавал им наши газеты, когда они сообщали какие-нибудь интересные факты. Кроме того, я передавал им устно или письменно московские радио.

В феврале 1919 г. до нас дошел слух об отказе 58-го пехотного полка выступить в подход. Отношения между командой и офицерами стали крайне на-

тянутыми: каждую минуту вспыхивали споры.

13 марта мы перевезли в Одессу одного полковника и одного инженера. Там я услышал первые известия о херсонской бомбардировке, но они показались мне настолько чудовищными, что я счел их крайне преувеличенными. Вернувшись 15 марта в Галац, я рассказал румынским рабочим об эвакуации союзными войсками Херсона и Николаева; это известие вызвало среди рабочих взрыв радости. 20 марта мы приняли на борт в Браилове ген. Бертело и на следующий день, в 9.30 высадили его в Одессе. Затем мы бросили якорь в тыловой части гавани, рядом с кораблями, бомбардировавшими Херсон: «Мамелюком», «Альголем», «Альтаиром».

Частные разговоры с командами этих кораблей, в особенности «Мамелюка», подтвердили во всех подробностях сообщения радио о херсонских зверствах.

На 11 час. было объявлено прибытие адмирала на борт «Мамелюка». Действительно, в назначенный час главнокомандующий на Черном море вице-адмирал Амет, в сопровождении контр-адмирала Лежей, отдавшего приказ о бомбардировке Херсона, произвел смотр экипажу. Был час окончания работ. Мы вышли из машинного отделения. Командир, который, несомненно, опасался какой-нибудь выходки с нашей стороны, стал рядом с нами у выхода из машинного отделения.

По окончании смотра адмирал Амет произнес короткую приветственную речь, которую закончил словами: «Большевики рассчитывали, что вы уклонитесь от исполнения ваших обязанностей. Вы же доказали им, что вы честные французские моряки! Я поздравляю вас с тем, что вы не поколебались открыть огонь по этим убийцам, во главе которых стоит несколько негодяев».

Я видел, как адмиралы спустились на свой катер и отплыли. Гнев душил меня. Командир лукаво и вкрадчиво обратился ко мне в этот момент: «Не правда ли, как хорошо говорил адмирал?» Провокация была очевидна, но я был готов ко всему и грубо ответил: «Может быть, он говорил и хорошо, но никогда не вовлекайте нас в подобное предприятие,

оно может кончиться плохо для вас». И я повернулся к нему спиной.

Речь адмирала не произвела ожидаемого эффекта. Я слышал вечером, как механики «Мамелюка» упрекали канониров за то, что они стреляли. На «Альголе» также вспыхнули споры среди команды, часть которой также упрекала канониров.

Командир «Альголя» капитан Пикар был встревожен этими спорами и пустил в ход подлую выдумку, чтобы возбудить ненависть матросов к большевикам. Он приказал матросам перевернуть ленты на фуражках, так как: «большевики приговорили к смерти весь экипаж за херсонское дело». Этот низкий трюк, однако, не имел никакого успеха.

В три часа ночи мы вышли из Одессы, захватив ген. Бертело, которого отвезли в Констанцу. Я продолжал пропаганду с еще большим пылом, чем раньше. Несколько раз я читал в машинном отделении перехваченные большевистские радио. У некоторых машинистов уже просыпалось классовое сознание. Трое из них задали мне вопрос: «Что такое большевики и чего они, собственно говоря, добиваются?»

3 апреля, как я уже говорил, «Проте» прибыл в Одессу в 5 часов вечера, имея на борту главного интенданта. В половине восьмого мы выехали из Одессы в Севастополь. Но на борту уже ходили слухи об эвакуации города как следствии падения кабинета Клемансо и революции в Париже. Командный состав находился в подавленном настроении. По возвращении в Одессу 5 апреля утром мы были свидетелями разрушения и разграбления, сопровождавших эвакуацию. Офицеры «Проте» принимали участие в ограблении магазинов, и я обнаружил по возвращении, что наш миноносец имел, по меньшей мере, шесть тонн лишней нагрузки: всюду были навалены ящики с табаком, кондитерскими изделиями и дорогими винами. Вечером 5 апреля мы приняли на борт двенадцать старших и младших офицеров главного штаба.

В воскресенье 6 апреля мы покинули Одессу. Высадив наших пассажиров в Рени, мы опять пришли в Галац.

В продолжение трех дней я жил напряженной жизнью. Революция победила в Одессе. Через несколько дней революционная волна, несомненно, перекинется в Бессарабию. Оставалось ждать, захватит ли она и Румынию. Наши пассажиры, офицеры главного штаба, открыто обсуждая инструкции Клемансо о пресловутой «колочей проволоке», говорили о том, что надо «окружить большевиков». «Урок послужит нам на пользу, — заявляли они. — Мы овладеем Днестром, наш флот будет хозяйничать на Черном море и, замкнув наш железный круг Чехословакией, Польшей, балтийскими государствами, Балтийским морем и т. д., мы легко задушим большевизм».

На следующий день я отправился в арсенал. Там уже разнесся слух об эвакуации Одессы. Я принес подтверждение этого слуха. Все рабочие выразили шумную радость. Они уже рассчитывали на скорое прибытие Красной армии и ожидали ее с восторгом.

Было очевидно, что проект «окружения» большевиков являлся зародышем новой и бесконечной войны. Надо было с этим покончить. Единственным средством оставалось восстание. Оно было возможно только в том случае, если бы другие корабли последовали нашему примеру. К несчастью, положение в этом смысле складывалось неблагоприятно.

Если бы даже нам удалось их убедить, они отступили бы при первом же препятствии, а таким препятствием уже явилась бы необходимость пройти мимо кораблей, стоявших в Константинополе. Оставалось одно: захватить «Проте» силою при первом снятии с якоря и отвести его в Одессу. Там его займет Красная гвардия. Матросов, которые не захотят присоединиться, тотчас же отведут на какое-нибудь торговое судно или к французским линиям, оставив в качестве заложников одних офицеров. Мы избавимся, таким образом, от колеблющихся, а отпущенные на свободу пленники явятся одновременно свидетелями восстания и братского отношения пролетарской власти.

«Проте» перешел бы, таким образом, со службы французскому империализму

на службу революции. Если бы другие суда последовали нашему примеру, мы могли бы сформировать революционные команды и попытаться вернуться во Францию. Наш приезд явился бы грозным событием.

Организовать это восстание было сравнительно нетрудно. Достаточно было набрать боевую дружину из решительных и убежденных людей.

Перебрав всевозможные комбинации, я решил использовать в качестве организатора квартирмейстера Бадина. Он происходил из семьи тунисских колонистов и был хорошим техником. Его поведение и взгляды с самого начала его службы на «Проте» производили на меня самое благоприятное впечатление. Оставалось выбрать его.

Не теряя времени, я посвятил Бадина в ту часть моего плана, которая касалась захвата «Проте» и отвода его в Одессу. Он одобрил мой план во всех пунктах и согласился составить ударную ячейку, которая бы руководила делом. Я рассчитывал, что с помощью двенадцати товарищей мы легко вовлечем значительное число матросов в заговор и быстро овладеем кораблем. Было очень легко разоружить ночью офицеров и командиров и запереть их в каютах.

Единственное, что представляло известную трудность, это было управление кораблем, но так как мы были недалеко от берега, то и не рисковали особенно грубой ошибкой.

В воскресенье 13 апреля Бадина, канонир Дюран и я разработали все детали предстоявшего восстания. Было решено, что наша тройка будет руководить всеми действиями. Я чувствовал полное доверие к Дюрану.

В понедельник утром 14 апреля, как только началась работа, Бадина сообщил мне о своем вступлении в галацкую фракцию социал-демократической партии. «Следовало же, — сказал он мне, — завязать отношения с большевиками». Я попросил его тотчас же уничтожить партийный билет, решив немедленно выяснить дело.

Это было тем более необходимо, что, как я заметил, с 10 час. наш корабль

уже находился под надзором агентов румынской охраны. Проникнуть в арсенал было невозможно: часовые не позволяли к нему приближаться.

Несомненно, здесь крылось какое-то предательство. В тот же вечер я отправился вместе с Бадиной в помещение партии. К несчастью, там происходило общее собрание, и зал был переполнен. Публика исключительно рабочая: около 80 человек. Наше появление произвело сенсацию. Благодаря одному рабочему, говорившему по-английски, я мог запросить у комитета объяснение по поводу допущенной им странной неосторожности. Комитет ответил мне, что, захваченный врасплох просьбой Бадиной, он не решился отказать ему. Я заставил немедленно вычеркнуть его имя из контрольных списков, назначил тайное свидание на следующий день в городе, и мы немедленно ушли.

Но весть, очевидно, распространилась, так как на следующий день полицейский надзор был усилен. Из французских кораблей в Галаце находились только «Проте», дозорные суда и морская база. В дальнейшем каждый раз, уходя в город, приходилось сбивать со следа шпионов, что, впрочем, было нетрудно. Мы продолжали сношения только с одним румынским товарищем.

Во время двух свиданий, которые я с ним имел, я передал ему ряд ценных документов, французские газеты, писавшие об интервенции, сообщил ему содержание большевистских радио, перехваченных нашим беспроволочным телеграфом. Условились, что мы попытаемся установить связь с Одессой, находившейся в руках красных. 15-го вечером мы созвали небольшое собрание. Место было выбрано Дюраном. Он привел Бурруйля, матроса без специальности, и офицерского повара Филиатра, выбор которого тогда же показался мне неудачным. Бадина привел двух механиков: Сендрье и Габори. Я ознакомил их, прежде всего, с революционным подъемом во Франции. Затем я подробно описал грандиозную манифестацию перед домом Жореса (7 апреля), о которой только что узнал, и добавил, что, воюя с Россией, мы нарушаем даже

буржуазную конституцию. Свою речь я заключил словами, что, при этих условиях, мы имеем право на восстание. Затем последовала короткая дискуссия об организации восстания, во время которой Дюран заявил, что считает ошибкой держать офицеров как заложников, что их следует просто утопить. Филиатр предложил, со своей стороны, отравить офицерский суп, подававшийся в одиннадцать часов. Я предложил отложить практическое обсуждение плана и окончательное формирование боевой дружины на завтра. Затем мы расстались.

В следующую ночь я и Бадина имели второе свидание с румынским товарищем. Я принес ему разные документы и сообщил об усилении полицейской слежки, а также о совещании на борту «Проте» между начальником галацкой румынской охраны и нашим командиром. Мы решили больше не встречаться и установили систему связи.

Приняв обычные предосторожности, чтобы сбить с толку полицию, я ушел от него и вернулся на борт «Проте». В 11 час. 30 мин. я перешел по сходням на миноносец. Я заметил, что шла перекличка экипажа. Едва я ступил на палубу, как ко мне подскочил командир и приказал немедленно спуститься в арестантскую. Я обернулся. Позади меня стояли два офицера с револьверами в руках. Нечего делать. Я спустился.

Меня тотчас же отвели к командиру, который мне сказал: «Я знаю, что вы находитесь в сношениях с большевиками. Вы обвиняетесь в чрезвычайно тяжелом преступлении. Потрудитесь дать разъяснения». Я ответил, подробно развив тезис о праве отказаться от борьбы с русской революцией. Ни слова о деле. Поняв это, командир приказал вывести меня из своего кабинета. В коридоре я встретил Бадину в сопровождении двух вооруженных матросов. Я прошептал ему по-итальянски: «Я ничего не сказал. Карлик (Дюран) нас предал». Меня тотчас же заперли и поставили караул. Бадина отказался от показаний и был заключен в помещении базы. Часовым был отдан приказ стрелять при первой попытке к бегству.

Шпионы

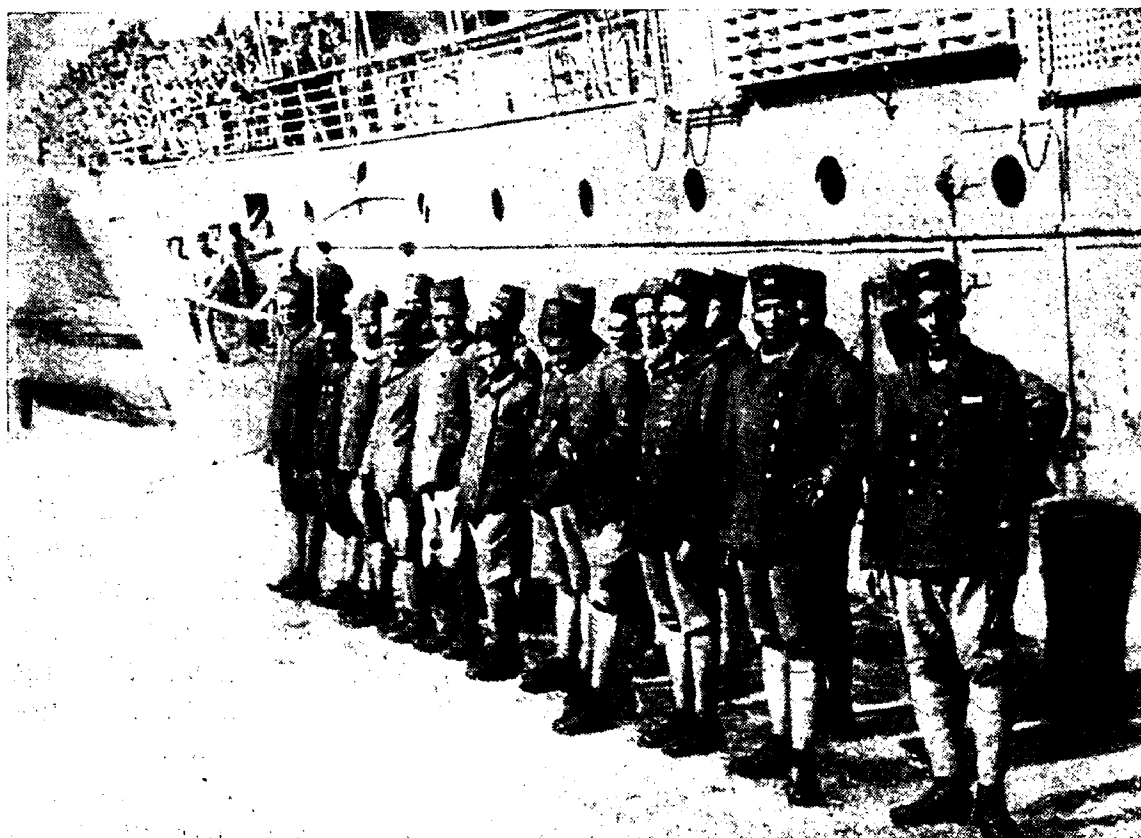
Позднее я постепенно узнал о том, что произошло. Дюран был шпионом. Признаюсь, я этого никак не ожидал (это всегда так бывает). Это не был обыкновенный шпион, добывающийся мелких подачек от офицеров, плетя им разные истории о том, что происходит на борту. Он вел себя, как настоящий провокатор. Лишь только его пригласили участвовать в заговоре (13 апреля), он завел журнал, в котором отмечал все, что узнавал изо дня в день. Он ввел в число заговорщиков двух других шпионов: Бурруйля и Филиатра. Несомненно, предложение убить офицеров, сделанное Дюраном и Филиатром на собрании 15 апреля, было провокационным. Это предложение имело двойную цель: усилить провокацию и отпугнуть колеблющиеся и трусливые элементы. Но 15 апреля утром Бурруиль посвятил канонира Легоф в свою провокаторскую деятельность. Последний сообщил о ней своему другу телеграфисту Бюто, и оба решили помочь делу шпионажа «за партию командира — против партии революции».

Командир, предупрежденный 16 апреля, в 5 часов вечера, Легофом, немед-

ленно отдал приказ вооружиться офицерам и унтер-офицерам и потребовал помощи от морской базы и из крепости. Приняв эти меры, он приказал арестовать всех, чьи имена значились в списках шпионов. Затем он устроил перекличку всему экипажу. Отсутствовали только Марти и Бадина. Командир начал допрос всей команды. «Пусть говорят все, им нечего бояться. Те же, кто будет молчать, дорого за это поплатятся!» Это был публичный призыв к шпионажу. С тех пор на борту воцарился террор.

Запертый в своей узкой каюте, я поспешил уничтожить записки, которые могли скомпрометировать моих товарищей: мне удалось бросить их в Дунай. Я был поражен этим внезапным арестом. Больше всего меня беспокоило положение румынских товарищей, и я изыскивал способы предупредить их об арестах. Мне удалось это сделать на следующий день утром.

Действовать было нелегко: мой арест держался в тайне. Я потребовал, тем не менее, ежедневной получасовой прогулки, установленной законом для всех заключенных. Мне ее разрешили. Благодаря этим прогулкам мне удалось узнать о побеге Бадина и о том, что

Французские колониальные войска в Феодосии весной 1919 г.

Восстание во фра-
цузском флоте

Г. Нисский

партия разузнала о положении на борту «Проте» и готовила мой побег.

18 апреля, в 5 час. веч., меня перевезли на автомобиле, разумеется, под вооруженным конвоем в расположенное вне города здание, служившее складом 4-му колониальному полку. Там меня заперли в комнате третьего этажа, в которой были только нары, старый стул и маленький стол. Окна были без стекол. Страшные минуты: я чувствовал повсюду предательство. Конечно, Дюран и Филиатр все рассказали. Но другие? Кто еще был изменником? Кто был арестован? Не пострадали ли партийные товарищи? Тяжелые переживания,

длившиеся целых два дня, когда ум, непрерывно работая, строит самые сложные планы, чтобы узнать правду и сблизиться с внешним миром.

Меня сторожили двое часовых. Через десять минут после того как меня заперли, дверь открылась и вошли человек десять солдат; им интересно было узнать историю моего ареста, и пока часовой караулил, они сочувственно слушали меня. Незабвенные минуты! В тот момент, когда я чувствовал себя совершенно одиноким, мои сторожа пришли брататься со мной. Вот в чем непобедимая сила революции! Передо мной снова блеснула надежда на успех. Мы решили предупредить партию.

В 11 час. через приоткрытую дверь два солдата сообщили мне, что недоверчивые румынские товарищи отказались от всяких разговоров с ними. Мы условились действовать иначе. Но на следующий день, 19-го, в 8 час., караул приняла рота мальгашей¹. С тех пор надзор стал гораздо строже. На лестнице всю ночь дежурил небольшой вооруженный отряд. В уборную меня провожали 6 мальгашей с примкнутыми к винтовкам штыками. Все-таки мне удалось переправить два письма в партию: точное сообщение о том, что произошло; предположение о создавшемся положении и советы действовать крайне осторожно. На следующий день, 20-го, утром меня уведомили о получении писем. Я почувствовал огромную, не поддающуюся описанию радость.

Мальгашский капрал сам приносил мне пищу. И все же, несмотря на все эти предосторожности, меня не удалось совершенно изолировать. Я постоянно виделся с верными товарищами из 4-го колониального полка, которые беспрестанно бродили по двору.

Утром в воскресенье они сообщили мне, что в городе ходят слухи о восстании во флоте. Но ничего определенного неизвестно. Я считал, тем не менее, что на всякий случай следует помешать отплытию «Проте». Я попросил товарищей предупредить нескольких верных матросов «Проте», что следует задержать его отъезд и что я передам им соответствующие инструкции. Я выбрал посредником механика Бредийара, на которого, как мне казалось, можно было рассчитывать.

Все шло очень хорошо.

В 6 час. веч. подпоручик батальона мальгашей вошел в камеру в сопровождении вооруженного пикета. Он приказал тщательно обыскать комнату, что и было сделано очень быстро. Затем пришла моя очередь, и мне пришлось раздеться донага. Я не понял причины обыска и ждал событий.

На следующий день я получил приказ спуститься во двор. 8 мальгашей были выстроены в ряд, вооруженные

винтовками с примкнутыми штыками. Подпоручик приказал зарядить винтовки и предложил мне убедиться в этом. Затем меня окружили, скрестили штыки, и мы пошли. Подпоручик следовал в десяти шагах позади. Рядом со мной шел капрал мальгаш с револьвером в руке. Приказ стрелять при первой попытке к бегству.

Меня привели к гавани и снова водворили на «Проте», заключив в прежнюю каюту, расположенную за капитанским мостиком.

Только много позднее я узнал, в чем было дело. Бредийар оказался низким предателем и передал мою записку командиру.

Кабюта, в которую я был заключен, представляла собою железный ящик в 2¹/₂ метра длины, 1 метр ширины и 2 метра высоты. Из этого ящика было прекрасно слышно все, что происходило в этой части корабля. На мостике дежурили двое: рулевой Геллевик и канонир Легоф, который должен был меня караулить. Я услышал очень ясно, как Геллевик сказал Легофу: «Хорошо было бы всадить ему пулю в лоб и сказать, что он пытался бежать». Через несколько минут пришел мичман Деррьян посмотреть, что я делаю. Я передал ему слова Геллевика. Этот дворянчик ответил мне: «Хорошо сделали бы». Совет Геллевика исходил, видимо, от господ офицеров. Позднее я узнал, что при донесении о моем аресте капитан 2-го ранга Робер, командующий эскадрилей, заявил: «Если на «Проте» найдется офицер, сознающий свой долг, он поймет, что должен сделать».

В 9 час. «Проте» быстрым ходом спустился по Дунаю. На рассвете 23-го мы бросили якорь. В 9 час. 30 мин. ко мне явился вооруженный офицер. Меня посадили в паровой катер между четырьмя матросами и унтер-офицером с револьверами в руках и перевезли на адмиральский крейсер «Вальдек-Руссо». С мостика на корме, на который я вышел, я увидел в полумиле от нас Одессу. На всех зданиях развевались красные флаги: свобода была так близка. Капитан морской пехоты (начальник

¹ Туземцы о-ва Мадагаскара.

судовой полиции) ожидал меня. «Вы говорите по-французски?» — спросил он (ему объявили, что я опасный большевик, и он принял меня за русского). Затем меня строго обыскали и заперли в каюту на кормовой части бакборта, под надзором вооруженного часового.

На этот раз меня держали крепко.

Прежде чем перейти к дальнейшему повествованию, я должен отметить допущенные нами ошибки.

Главная ошибка заключалась в том, что все наше выступление рассматривалось как «путч», акт насилия со стороны меньшинства.

Вместо того чтобы спешно формировать группу террористов, я должен был бы образовать после 18 декабря нелегальную ячейку из трех или четырех верных людей. Для этого каждого из них следовало хорошо подготовить, что было вполне возможно в течение зимних месяцев. Вокруг этой ячейки я мог легко сгруппировать от 20 до 25 сочувствующих. Кроме того, надо было организовать после нашего прибытия в Га-лац прочную нелегальную и непрерыв-

ную связь с румынской партией; надо было попытаться войти в сношения в Одессе и Севастополе с большевиками, которым мы, со своей стороны, могли оказать большие услуги, укрепив их связь между собой, а также и с румынскими и бессарабскими товарищами.

Немедленно после снятия с якоря, после эвакуации Одессы, следовало захватить корабль и перейти на сторону революции. Отъезд в Севастополь был, несомненно, назначен на 18 или 19 апреля (командир держал это в секрете). Мы очутились бы там в разгаре восстания всей эскадры. Революционно организованные и решившиеся идти до конца, мы сыграли бы значительную роль.

Необходимо добавить, что, если бы французская коммунистическая партия имела свои нелегальные разветвления во флоте, которыми бы она руководила, работа революционной организации и ее результаты были бы совершенно иными.

У меня не хватало знания ленинизма, тактики и методов подпольной революционной борьбы.

А во Франции у нас не было великой пролетарской революционной партии.

СЕВАСТОПОЛЬ

Апрельские и майские номера «Правды» восхваляли новое средство добиться от Германии мира: братание.

С тем же методом разложения армии мы встречаемся и в Севастополе. Это все то же братание... (Л е и г, морской министр, заседание Палаты депутатов 13 июня 1919 г.).

Осада Крыма Красной армией началась со взятия Мариуполя. С начала марта этот город был занят отрядами добровольцев и частями десанта с пяти французских кораблей, стоявших на рейде: разведочного судна «Скарп», миноносцев «Гюссар» и «Ансьен-Анри» и вооруженной яхты «Феникс». «Жан Барт» после своего прибытия в Севастополь также выслал туда свой десантный отряд.

Матросы были свидетелями жестокостей, совершенных в Мариуполе белогвардейцами.

27 марта Красная армия перешла в наступление одновременно с запада из Бердянска и с востока из Таганрога.

29-го добровольцы в беспорядке эвакуировали зону порта, который еще оставался под обстрелом французских орудий. Последние разрушили все, что могли. Ночью французские корабли снялись с якоря и покинули порт. С рассветом возобновилась бомбардировка. «Феникс» обстреливал вокзал еще 31-го утром. В этот день он высадил несколько офицеров для переговоров о перемирии на время эвакуации города белогвардейцами. Для защиты добровольцев в город были отправлены патрули матросов. Рабочие и красноармейцы встретили их по-братски и обменялись с ними рукопожатиями. Командование поспешило прервать этот первый опыт братания и вернуло патрули на корабли.

Переговоры остались без результата, и 1 апреля снова произошел обмен оружейными выстрелами. 2-го флотилия эвакуировала город и ушла на Керчь, а 4-го и 5-го прибыла в Севастополь.

Мариуполем владели красные, но матросы убедились на собственном опыте, что большевики, в которых их заставляли стрелять, стремились только к братанию, и весть об этом привезли своим товарищам в Севастополь. Десантный отряд с «Жана Барта» вернулся на корабль крайне утомленный. Многие были даже больны. Они осыпали проклятиями белогвардейцев, хвалили большевиков. Таким образом, стремление к братанию охватило тех, кто должен был с ним бороться.

В о й н а в К р ы м у

Красная армия быстро и непрерывно двигалась вперед. Симферополь и Бахчисарай были уже в ее руках. Круг, охвативший Севастополь, постепенно сужался.

В городе рабочие арсенала и матросы бывшего русского черноморского флота, пылкие революционеры, вели все более активную пропаганду.

К 12 апреля союзные силы состояли из двух батальонов 175-ой пехотной дивизии, батальона греков, двух батальонов артиллерии, специальных частей и приблизительно 4000 алжирцев и сенегальцев.

К этим сухопутным военным силам присоединилась грозная и мощная эскадра.

Из французских военных кораблей на севастопольском рейде стояли: дредноуты «Жан Барт» (адмиральский корабль) и «Франс», броненосцы «Верньо», «Мирабо» и «Жюстис», старый крейсер «Дю Шайла», транспорт «Сэн», шлюп «Верден», эскадренный миноносец «Каск» и другие мелкие суда, а также английский дредноут «Император Индии». В последние дни апреля прибыли три греческие корабля: броненосец «Килькис», миноносец и транспорт. Вице-адмирал Амет являлся главнокомандующим этой грозной эскадры, которая в дальнейшем должна была еще усилиться.

В начале апреля почти все эти ко-

рабли высадили на берег свои десантные отряды, которые заняли форты. Но солдаты 175-ой пехотной дивизии были уже готовы к восстанию. Посланные в Симферополь, чтобы отрезать красные войска от их обозов, они заставили вернуться поезд, угрожая перестрелять в противном случае своих офицеров.

Что же касается матросов, то почти все они прибыли из Одессы, где присутствовали при беспорядках 5-го и 6-го апреля; смысл русской кампании был для них совершенно ясен. Самый ничтожный повод мог вызвать в этот момент восстание.

30 марта был учрежден комитет обороны Крыма. Полковник Рюиллье, командовавший высаженными в Крыму союзными войсками, был замещен полковником Труссон из главного штаба генерала Франше д'Эсперей.

К 10 апреля т. Дроздову, впоследствии замученному врангелевской охранкой, удалось установить связь с Красной гвардией и передать ревкому распоряжение политического комиссара Васильева: вызвать в городе восстание, чтобы помочь красным войскам.

Ревком тотчас же постановил увеличить свои подпольные боевые дружины до 4000 человек и потребовать от французского командования передачи ему всей власти, а также пропуска в город красных войск для поддержания порядка.

Эти требования были предъявлены полковнику Труссон от имени ревкома т. Городецким в присутствии городского головы Могилевского. После долгих переговоров полковник Труссон разрешил сформировать красную милицию и даже признал ревком как временную власть. Но, вместе с тем, он отказался сдать город Красной армии и заявил ее парламентарю, что, согласно полученным приказам, будет защищать Севастополь. Затем он значительно ограничил права новой власти, которую только что признал. Возможно, что первоначальной уступкой он имел в виду выиграть время в ожидании прибытия подкреплений, которые, разбив Красную армию, смели бы советскую власть.

Тем временем начались усиленные приготовления к бою. Броненосцы заняли боевые позиции и готовились к бомбардировке. Ревком сформировал Красную гвардию и повел усиленную агитацию среди наших матросов и солдат. «Мирабо» находился в этот момент в сухом доке, что значительно облегчало сношения между рабочими и матросами. Рабочие арсенала и многочисленные матросы бывшей русской черноморской эскадры были рьяными пропагандистами. Как и в Одессе, печатались и раздавались брошюры и листовки.

Среди матросов эта литература пользовалась громадным успехом. На угольном складе матросы положительно вырывали друг у друга брошюры и прокламации. Они прятали их в свои блузы, штаны и башмаки, не взирая на окрики боцманов и офицеров.

12 апреля разнесся слух, что красные войска прошли Балаклаву и находятся у Английского кладбища.

13 апреля прибыл госпитальный корабль «Вэн-Лон» и грузовое судно «Тигр». Каждый из них привез по батальону алжирских стрелков, эвакуированных из Одессы в Констанцу.

Солдаты протестовали в момент отъезда из Констанцы: «Мы хотим вернуться во Францию, мы отказываемся ехать». Но капитан успокоил их, обещая, что они не будут участвовать в боях.

14 апреля французские и английские корабли открыли стрельбу, чтобы защитить занятые добровольцами позиции Акманая (близ Феодосии).

15-го утром красноармейцы продвинулись к Балаклаве. Всю ночь продолжалась жестокая перестрелка между ними и греками, получившими подкрепление из французских отрядов: алжирских и сенегальских стрелков. 175-я дивизия отказалась выступить.

15-го утром к «Жан Барт» подошло дозорное судно под белым парламентерским флагом.

«Мы все надеялись на мир», писал один матрос с «Жан Барт». Но увы! На следующий день мы прочли следующий приказ, вывешенный в помещении команды.

1-я морская армия
2-я эскадра
Вице-адмирал

П Р И К А З

16 апреля 1919 г.

Когда советские делегаты обратились к нам за разрешением установить свой политический режим в городе, мы не представили им никаких возражений.

Но затем они предъявили требование, чтобы мы позорно эвакуировали город и унизили бы тем самым французский флаг.

Адмирал уверен, что каждый из вас даст надлежащий ответ на это оскорбление.

Наше знамя покроется новой славой.

Капитан 1-го ранга, начальник штаба главнокомандующего

(Подпись): К а з е н а в.

Утром 16-го броненосцы начали обстреливать советские окопы. Прибывший в этот момент миноносец «Деорте» немедленно принял участие в бомбардировке. Весь город сотряснулся от гула снарядов из 350- и 140 м/м. орудий.

С самого начала бомбардировки ревком энергично протестовал. После нескольких свиданий городскому голове Могилевскому удалось убедить полковника Труссон, что невозможно будет предотвратить восстание в городе, если стрельба не прекратится. И в самом деле, рабочие нетерпеливо ожидали момента, чтобы начать действовать. Бомбардировка прекратилась 17 апреля в 10 час. утра. Было заключено перемирие, согласно которому союзный штаб принципиально соглашался на эвакуацию. Революционный комитет установил последний срок эвакуации — 25 апреля.

Почти все стоявшие на рейде корабли пришли из Одессы, где матросы были свидетелями беспорядков при эвакуации.

Бомбардировка 16 и 17 апреля не причинила никакого вреда Красной армии, а только ранила и убила несколько мирных жителей. Но она нанесла тяжелый удар расчетам союзных империалистов. Солдаты и матросы увидели, что война.

возобновляется. Бесперывный подвоз новых войск и военных материалов подтверждал это предположение. Матросы с возмущением вспоминали о всех тяготах и лишениях, пережитых ими за 52 месяца в их стальных тюрьмах. «Довольно войны! Оставьте в покое русскую революцию! Немедленная демобилизация! Возвращение во Францию!» — таковы были их лозунги.

О настроении матросов можно судить по следующему случаю.

Капитан, командовавший десантным отрядом броненосца «Жан Барт», ввел ежедневные утренние военные упражнения, чем возбудил сильнейшее недовольство. 15 апреля он назначил дополнительное вечернее учение с ручными гранатами. Общий ропот. Отказ. Делегация из двух матросов отправилась к капитану с просьбой отпустить матросов на берег. Капитан резко отказал. Тогда все матросы тотчас же бросили свои посты и спустились в город.

Узнав, что их разыскивают патрули, они укрылись в кафе. В 4 ч. послышались сигнальные выстрелы с моря, обозначившие тревогу. Тогда матросы вернулись. Через некоторое время их опять отправили в город с 37-м/м. орудиями и пулеметами и разместили в казармах. Явившийся к ним командир «Жан Барт» объявил, что если они исполнят свой долг, на них не будет наложено взысканий. Но в тот же вечер весь отряд разбили и распределили по разным частям.

Гнев нарастал на борту всех кораблей, проявляясь в постоянных столкновениях. Было ясно, что взрыв близится.

На броненосце «Франс»

Экипаж этого корабля сыграл такую важную революционную роль, что мы должны особенно подробно остановиться на ней. Уже в течение нескольких месяцев на борту «Франс» царствовал революционный дух. С 9 октября 1916 г. корабль ни разу не заходил ни в один французский порт. В Корфу его матросов, как и всех вообще матросов французского флота, держали в рабском состоянии. Радость по поводу подписания перемирия уступила место гневу, когда вместо демобилизации броненосец

снялся 8 декабря с якоря и отправился в Черное море. После месячного плаванья вдоль южных берегов броненосец вернулся в Корфу 3 марта 1919 г. На этот раз все твердо надеялись на близкий отъезд во Францию. Новое разочарование: отъезд 29 марта в Турцию. По прибытии в Константинополь 1 апреля на броненосце распространился слух о новой поездке в Черное море, на этот раз с военными целями. Гнев охватил весь экипаж. Десантный отряд был также высажен 5 апреля и спешно отправлен в Одессу. Броненосец прибыл туда 9 апреля. Он пробыл в Одессе до 16 апреля, и все эти восемь дней часть экипажа, оставшаяся на борту, непрерывно грузила уголь на пакетботы «Коркорардо», «Кавказ» и «Император Николай», чтобы обеспечить эвакуацию русской буржуазии. Наличный состав матросов был уже значительно уменьшен — 750 человек вместо обычных 1200, — и экипаж был перегружен чрезмерной изнурительной работой. Согласно заявлению командира на военном суде, пропаганда во время пребывания в Одессе приняла «угрожающий» характер. В действительности же те несколько брошюр, которые проникли на борт корабля, нашли только живейший отклик в настроении экипажа. 15-го вечером броненосец отправился в Севастополь. Десантный отряд, вернувшийся на борт, рассказывал о сценах, сопровождавших эвакуацию. С тех пор общее недовольство экипажа чрезвычайно возросло. Восстание являлось теперь вопросом дней, а может быть, и часов.

«Франс» прибыл в Севастополь 16 апреля утром. Десантный отряд был тотчас же высажен на берег и отправлен на Северный форт. Явился адмирал Амет с обычными словами: «Вы имеете дело с гнусными бандитами. Эти люди убивают женщин, детей и стариков. Нас послали сюда, чтобы остановить эти преступления. Я надеюсь, что вы поймете свой долг и сумеете его исполнить». Разумеется, он взывал к отечеству, к знамени, к чести и к Франции.

17-го утром был отдан приказ выйти на внешний рейд и открыть огонь из 140-и 350-м/м орудий. В 4 ч. послышался звук рожка—сигнал к битве. Большая

Сверху: крейсер „Вальдек-Руссо“, на который был перевезен Марти после ареста на „Проте“.
Внизу: группа матросов, участников восстания на „Франс“.

часть экипажа не ответила на сигнал и разбежалась. Офицеры с трудом собрали оружейные принадлежности и открыли огонь из 140-м/м орудий. «Жан Барт» и «Верньо» также приняли участие в бомбардировке. Бомбардировка длилась всю ночь и прекратилась только 17-го в 5 час. утра. На борту «Франс» матросы поговаривали о том, чтобы сбросить офицеров в море. Поднялся шум, и адмирала освистали. В 6 час. веч. дредноут вернулся на внутренний рейд. Вилльман, Деларю, Кетт, Серу были арестованы и отправлены в карцер.

Гнев бушевал. Матросы собирались кучками и говорили: «Чего мы ждем? Надо освободить товарищей».

19 апреля 1919 года «Франс» стоял на внешнем рейде позади «Жан Барт», вблизи от «Верньо», «Жюстис» и «Дю Шайла». Около 3 час. пополудни экипаж узнал, что ему предстоит завтра, в первый день пасхи, погрузить 700 тонн угля. Это известие вызвало сильное недовольство. Матросы рассчитывали на двухдневный отдых в виде компенсации за нагрузку угля в Одессе. Вихрь негодования пронесся по всей команде. В 4 ч. должна была состояться обычная церемония «салюта флагу». В момент появления флага 18 матросов—среди них Фракшиа, Дублье, Гюре, Рикро—отказались снять фуражки. Было объявлено от имени группы матросов, что все, кто не хочет завтра грузить уголь, должны собраться на баке после поднятия коек.

В продолжение всего ужина царило крайнее возбуждение, слышались ропот и проклятия. В 7 час. после поднятия коек 400 матросов собрались на баке. Это случалось часто и начальник вахты не беспокоился.

Внезапно раздалось пение. Сначала «Одесской песни», затем свистки и крики: «Не станем грузить уголь! Ни завтра, ни в понедельник!» К матросам

вышел капитан морской пехоты начальник судовой полиции Луар, который попытался уговорить команду. Но вместо ответа матросы потушили фонари и запели «Интернационал». Испуганные офицеры спешно вооружились на корме. В этот момент с «Жан Барт» слышались также звуки «Интернационала». Раздались крики: «К оружию! За винтовками!» и матросы бросились к корме. Подойдя к трапу командира на бак-борте, они встретили второго помощника командира капитана 2-го ранга Готье де Кермаль, который спросил, куда они идут. Матросы ответили: «На корму!» Тогда помощник командира осведомился, чего они добиваются, и уверил их, что поспешит передать все их требования командиру капитану 1-го ранга Робе Пажиллону. Он предложил выбрать нескольких делегатов для того, чтобы завтра утром они изложили ему свои требования. Тогда из толпы вышел Нотта, матрос без специальности, и напомнил помощнику командира, что в 1915 г. один матрос, пожаловавшийся вахтенному офицеру на плохую пищу, был приговорен к 30 дням тюремного заключения и высажен дисциплинарным порядком с корабля. Помощник командира дал ему свое честное слово, что выбранные делегаты не подвергнутся никакому наказанию. Послышались имена Нотта и Дублье. Они выступили вперед и заявили, что экипаж не хочет грузить уголь в первый и второй день пасхи. Помощник командира ответил, что это от него не зависит. При этой сцене присутствовали мичман 2-го класса Морла и главный электротехник Делонжи. Нотта добавил еще: «Что мы делаем в России? Матросы не хотят бороться с русскими рабочими, своими братьями».

Матросы направились к баку с пением «Интернационала» и открыли карцеры. Послышались крики: «Тушите свет! За нами следят шпионы!». Все электрические лампочки в коридорах были тотчас же перебиты. Освободив Деларю, Кетт и Вилльмен, матросы прошли в кубрик. По пути они сорвали занавес, отделявший помещение боцманов. Последние в страхе поспешили забаррика-

дироваться. С возгласами: «К оружию!» матросы прошли на бак, чтобы выбрать делегатов, которых требовал помощник командира. Манифестанты и освобожденные заключенные были все полны энтузиазма. Они выбрали следующих делегатов: матроса-механика Вилльмена, матроса-механика Дублье и матроса без специальности Нотта. По окончании выборов громко пропели «Интернационал». С «Жан Барт» также слышалось пение.

В этот момент только что вернувшийся на вельботе канонир Лепаж сообщил, что находившийся на берегу десантный отряд организовал в 2 ч. дня манифестацию. Матросы отказались готовиться к бою с большевиками; их делегатом был квартирмейстер Дюбуло. Манифестанты хотели тотчас же сойти на берег, но Вилльмен заметил, что можно подождать до завтрашнего утра и что в данный момент лучше завязать сношения с «Жан Барт» и «Дю Шайла», на которых также пели «Интернационал», чем идти глубокой ночью на Северный форт. Это предложение было принято, и часть команды разместилась в паровом катере, который подошел к борту. Вилльмен и Фракшиа находились на катере.

Некоторые матросы на «Жан Барт» проснулись от криков, доносившихся с «Франс». Они встали и поднялись на палубу, стараясь узнать, что происходит. Слышалось пение.

Вдруг подошел катер с «Франс». Делегаты обратились к товарищам с «Жан Барт» с вопросом: хотят ли они воевать? Те ответили: «Довольно войны с Россией!» Тогда матросы поднялись на «Жан Барт».

Они бросились в помещение команды. «Вставайте! Вставайте! Революция! — кричали они: — Наверх! На палубу!» Экипаж спешно одевался.

Делегаты с «Франс» предложили команде «Жан Барт» выбрать также своих представителей. Они советовали держаться твердо: «Они вынуждены будут удовлетворить наши требования, и мы вернемся во Францию все вместе». Предложение было принято. После выборов на «Жан Барт» также пропели «Интернационал».

Около 11 час. катер подошел к «Жюстис», но там никто не ответил на при-

звывы. «Труссы!—крикнул один из матросов.—На палубе никого нет».

Затем катер направился к «Дю Шайла». Здесь его окликнули: «Откуда?»—Ответ: «С «Франс».—«Отваливай!» Тогда Фракшиа, находившийся на носу катера, зарядил 47-м/м. орудие, навел его на корму крейсера и крикнул вахтенному: «Отойди-ка! Я хочу послать гостинца твоим офицерам!». Вилльмен энергично вмешался, заставил разрядить орудие, и катер вернулся на борт. Было 11 час. с половиной.

Пока катер объезжал рейд, вице-адмирал Амет прибыл на борт «Франс».

Восставшие бросились ему навстречу на корму корабля. Матросы и адмирал стояли лицом к лицу у правого борта около башенки 5. Адмирала сопровождали командир и его помощники. Адмирал Амет начал свою речь с попытки запугать матросов: «В экипаже—200 плохих французов!» Его сейчас же прервали криками: «Смерть тирану! Смерть! Уберите его!». Тогда он сразу переменял фронт, объявив о предстоящей эвакуации Севастополя. Затем по своему обыкновению начал распространяться о большевизме. Когда он заявил, что большевики бандиты, один матрос перебил его: «Первый бандит—это вы сами! Когда у меня была чесотка, вы гноили меня в темной камере. За пустяки вы безжалостно приговаривали матросов к 5—10 годам принудительных работ». Поднялся шум, крики и свист.

Адмирала перебивали на каждом слове: «Он лжет! Он пробует обмануть нас!».

Тогда Амет переменял тон. «Дети мои, умоляю вас сохранять порядок!». В ответ слышались крики: «Сейчас не время служить обедню! Смерть тирану! Бандит! Убийца! В Тулон! В Тулон!». Тогда (немного поздно спохватившись) адмирал спросил: «Чего же вы хотите?». Нотта вышел вперед и изложил требования экипажа: 1) не грузить уголь 20 и 21 апреля; 2) прекращение интервенции в России и немедленное возвращение во Францию; 3) отпуска команде (она не пользовалась ими по меньшей мере 19 месяцев); 4) смягчение дисциплины; 5) улучшение пищи; 6) ускорение почтовых сношений (письма не получались по три

Андре Марти после выхода из тюрьмы.

месяца); 7) исполнение приказов о демобилизации. Затем Нотта подробно остановился на вопросе о большевизме. «Война в России незаконна»—сказал он.

Адмирал возражал Нотта и, покидая корабль, сказал ему: «Завтра ты раскаешься».

В этот момент вернулся катер. На баке возобновилось пение; пели вместе с командой «Жан Барт» «Интернационал» «Песнь о бобах» и «Одесскую песню». Только в половине двенадцатого матросы разошлись спать. На следующий день решено было устроить собрание на баке после утреннего кофе. В половине первого Вилльмен и Дублье составили прокламацию. Они прибили эту прокламацию к дверям кооператива, и Фракшиа остался ее караулить, заявив: «Горе тому, кто тронет это объявление!».

В 11 час., после отъезда адмирала, комиссар Бьянко вызвал к себе для объяснения Нотта, являвшегося его подчиненным. Нотта повторил ему требования команды. «И кроме того, мы не хотим бороться с нашими русскими братьями, такими же рабочими, как и мы». Комиссар ответил: «Мы эвакуируем

Севастополь немедленно после посадки сухопутных войск». Нотта возразил на это, что «добровольцы — продажные люди. Они пришли сюда за деньгами. Нам нет до них никакого дела». Спор продолжался до 3 час. утра.

На борту «Жан Барт» делегация предъявила командиру требования команды и всей эскадры. Содержание требований было то же, что и на «Франс»: демобилизация старших классов, прекращение войны с советской властью, предоставление отпусков и т. д. Адмирал Амет отказался принять эти требования, ссылаясь на обязанность выполнять циркуляры министерства.

По возвращении с «Франс» адмирал хотел обратиться к экипажу с речью. Команда пела «Интернационал», почти весь адмиральский оркестр исполнял революционный гимн. Адмиралу не дали сказать ни слова, его освистали, угрожая расправой.

Как и на «Франс», все офицеры попрятались.

Следующий случай характеризует отсутствие психологической наблюдательности штаба. Он приказал поднять на

палубу бочки с вином, чтобы спить команду. Но бочки сейчас же оцепили часовыми и всю посуду для питья, которая находилась вблизи бочек, выбросили в море. К вину никто не прикоснулся. Свой гнев матросы сорвали на боцманах и унтер-офицерах. Вооружившись пожарными рукавами, они залили их помещение водою.

На борту «Жюстис» матросы, находившиеся на палубе, услышав крики с «Франс», бросились на нос корабля, который повернут был к «Франс», и, отвечая «Франс», в свою очередь, устроили манифестацию. Командир капитан 1-го ранга Робен поспешил на мостик и велел начальнику морской полиции окружить восставших. Но последние бросились к баку.

Тогда командир распорядился оцепить все выходы, чтобы не допустить мятежников на палубу.

Вот почему катер с «Франс» не получил никакого ответа на свои призывы и никого не нашел на палубе.

Ночь с 19 на 20 апреля прошла под знаком революции.

Перевод с французского Лосева

ПУСТЬ КАЖДЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ УСВОИТ СЕБЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ; МЫ ЗНАЕМ ТВЕРДО, ЧТО У НИХ ЕСТЬ УСТОЙЧИВАЯ ГРУППА, КОТОРАЯ ЖЕЛАЕТ ПОПРОБОВАТЬ ИНТЕРВЕНЦИЮ; МЫ БУДЕМ НА-ЧЕКУ, И ПУСТЬ КАЖДЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ ЗНАЕТ, ЧТО ТАКОЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИГРА И ЧТО ТАКОЕ СИЛА ОРУЖИЯ, КОТОРАЯ ДО СИХ ПОР РЕШАЛА ВСЕ КЛАССОВЫЕ КОНФЛИКТЫ.

Ленин

ПОКАЗАНИЯ ЧЕРЧИЛЛЯ

ИЗ КНИГИ «AFTERMATH»¹

Уинстон Черчилль — одна из колоритных фигур английского империализма. всю жизнь он — верный слуга хищнического капитала. Мы встречаем его то в роли колониального офицера, то корреспондентом реакционнейшей «Morning post» в Индии, в Южной Африке, в Египте, в Судане. Это политический деятель, добравшийся до министерских постов после многолетнего стажа «низовой работы» в колониальных захватнических экспедициях и карательных отрядах. Годы накопленный опыт он пытался применить и против советской страны. Уинстон Черчилль — алейший враг первого советского государства. Во всей международной своре организаторов антисоветских интервенций трудно найти более злобную цепную собаку. Это он в качестве военного министра посылал английские войска и на Север, и в Закавказье, и в Закаспийские области, и в Сибирь. Это ему принадлежит крылатая фраза, брошенная в свое время Борису Савинкову относительно войск Деникина: «Вот моя армия!» Это он пытался организовать против советской власти пресловутый «поход 14 государств», а после провала этих планов и попыток вооруженных интервенций был и по сей день остается активнейшим организатором всех антисоветских предприятий и верным другом белогвардейских эмигрантских организаций.

Уинстон Черчилль выпустил пять объемистых томов воспоминаний — «Мировой кризис». Последний том он назвал «Се-

нокос» («The Aftermath»). Этот том он посвящает «всем, кто надеется», и много и подробно говорит в нем о «русских делах». Ниже мы приводим выдержки из этого тома, дающие отчетливое представление о том походе, против советской страны, который вела Антанта после Октября.

Сейчас же вслед за Октябрьской революцией, 23 декабря, 1917 г., между англичанами и французами было заключено соглашение для совместного военного выступления на Юге тогдашней России. Это выступление ставило своей целью поддержку контрреволюционных сил, причем Англия брала под свое «покровительство» Донскую область, Кавказ, Армению, Грузию и Курдистан, а Франция — Бессарабию, Украину и Крым. Кроме того в английскую сферу влияния входили Мурманск, Архангельск и Прибалтика, а во французскую — западная часть Дона и Польша.

Таким образом, это «покровительство» и содействие белым в их борьбе с революцией отдавали в руки Англии: хлеб Донской области и Кубани, нефть Закавказья, хлопок Средней Азии и лес Севера России, а в руки Франции — богатейшую, хлебную Украину.

Для поддержки контрреволюционных сил в Сибири предполагалось привлечь Японию, что и было сделано, как сообщает в своих мемуарах Черчилль, в августе 1918 г.

А. Г.

... Две японских дивизии, 7.000 американцев и два британских батальона под командой полковника Джансона и полковника Джона Уорда, члена парламентской фракции рабочей партии, 3.000 французов и итальянцев — все под верховным командованием японцев были отправлены во Владивосток и продвинулись на запад вдоль железнодорожной линии. В соответствии с этим в Мурманске и в Архангельске высадился международный отряд, в составе 7.000 или 8.000 чел. (главным образом, британцев) — все под британским командованием.

... 30 ноября 1918 г. наши представители в Архангельске и во Владивостоке были извещены о том, что основная политическая линия, которую предлагает наше правительство, по отношению к России следующая:

«Продолжать оккупацию Мурманска и Архангельска, как до настоящего времени; продолжать сибирскую экспедицию; попытаться убедить чехов оставаться в западной Сибири¹; оккупировать (пятью британскими бригадами) ж.-д. линии Баку—Батум; оказать ген. Деникину в Новороссийске всевозможную помощь в отношении воен-

ного снабжения; снабдить прибалтийские государства военными материалами».

В соответствии с этим англичане высадились в Батуме и быстро заняли кавказскую железную дорогу от Черного моря до Каспийского и г. Баку. Они расположились вдоль железной дороги на протяжении 400 миль и вели себя как старшие братья по отношению к населению и к его быстро сменяющимся правительствам. Овладев каспийской флотилией, британцы быстро обеспечили себе действительное господство на Каспийском море, которое значительно больше, чем британские острова.

Британские силы численностью около 20.000 чел. обладали к концу 1919 г. одной из величайших стратегических линий мира, и оба их фланга были обеспечены превосходством морских сил на обоих внутренних морях¹. Что должна была делать Англия дальше, этого отчетливо нельзя было себе представить.

Несчастливая участь постигла французов, вторгшихся в предназначенную им сферу влияния. Условия перемирия предписывали Германии немедленно эвакуировать Украину. Это казалось достаточно разумным для тех, чьи умы

¹ Уинстон Черчилль «Aftermath» стр. 95, 165—169, 255—261.

¹ На Черном и на Каспийском морях.

были затуманены конфликтом с центральными державами, и сами немцы ничего другого не желали, как только подчиниться и отправиться домой. Однако в действительности эта эвакуация означала уход сильных, здоровых и деятельных людей, при помощи которых ежедневно поддерживалась жизнь двадцати-тридцати миллионов населения. Как только ненавистные и грозные «стальные каски» эвакуировали города и местечки южной России, за ними быстро появились красногвардейцы и, подняв низы населения против буржуазии и всех тех, кто благожелательно относился к немецкому вторжению или к делу союзников, ознаменовали свой приход к власти страшными убийствами и продолжительными, неистовыми преследованиями.

Французы в это время высадили в Одессе 20 декабря около двух дивизий, при поддержке могущественного флота. Эти войска были усилены двумя греческими дивизиями, предоставленными Венизелосом¹ по требованию верховного совета союзников². Иностранная оккупация вызвала раздражение населения, и большевики извлекали из этого пользу. Их пропаганда, одновременно патриотическая и коммунистическая, распространялась по всей Украине. 6 февраля 1919 г. они заняли Киев, и население близлежащих округов поднялось против иностранцев и капиталистов. Сами французские войска были заражены коммунистической пропагандой, и фактически весь флот взбунтовался. Почему нужно сражаться теперь, когда война закончилась? Почему нужно вмешиваться в русские дела? Почему нельзя вернуться домой? Почему не принять участие в том движении России, которое ставит своей целью свержение всех национальных

правительств и установление во всем мире власти солдат, матросов и рабочих?..

Бунт во французском флоте был подавлен, и вожаки были посажены в тюрьму на долгие сроки; но этот удар больно отозвался в Париже, который быстро положил предел всему этому предприятию. В апреле французы эвакуировали Одессу. Греческие дивизии, не затронутые этими событиями, были возвращены на родину. Твердой поступью вошли большевики в город и вторично установили режим свирепой мести...

12 января 1919 г. маршал Фош докладывал верховному военному совету о русско-польской ситуации. Он предлагал добавить к условиям перемирия (с Германией), чтобы железная дорога Данциг—Торн была приведена немцами в порядок и чтобы она вместе с данцигским портом была использована для передвижения союзных войск. Фош рассчитывал на формирование значительной армии — главным образом из американских войск вместе с польскими частями и из благожелательно настроенных русских военнопленных — с целью защиты Польши и осуществления операций против большевиков. Однако американцы не были намерены предоставлять свои силы на это дело, хотя они и приветствовали его. Было очевидно, что и британские войска не были пригодны для такой операции...

Я вступил в военное министерство (в качестве министра) 14 января 1919 г. и унаследовал оплату по всем обязательствам моего предшественника. До этого момента я не принимал никакого участия в русских делах и не был ответственен ни за одно обязательство. Мои взгляды оказались вполне солидарными почти по всем вопросам со взглядами сэра Генри Вильсона, начальника генерального штаба, и политическая линия, которую мы проводили, отличалась по крайней мере простотой. Наши армии быстро таяли... Мы настаивали на следующих мероприятиях: во-первых, прекратить батумско-бакинскую экспедицию на Кавказе и освободить наши войска от ответственности и беско-

¹ Греческий премьер-министр.

² Верховный совет союзников состоял из представителей САСШ, Англии, Франции, Италии и Японии. Совет руководил ликвидацией мировой войны и политикой империалистов по отношению к России.

нечной опасности; во-вторых, заключить мир с Турцией, чтобы показать ей, что Англия — ее друг; в-третьих, добросовестно и полно выполнить наши обязательства в отношении вооружения и снаряжения антибольшевистских сил из наших собственных громадных излишков в снаряжении и помочь им экспертами-офицерами и инструкторами. Отсюда, естественно, вытекало, что мы должны были попытаться включить все прилежащие государства, враждебные большевизму, в одну военную и дипломатическую систему и побудить каждое из них действовать.

Усилия русских антибольшевиков достигли высшей точки в сентябре. Колчак образовал фронт в Сибири и даже несколько продвинулся вперед. Юденич с северо-западной русской армией, опиравшейся на Ревель, находился уже на подступах к Петрограду. Финляндия, полностью мобилизованная, ожидала только малейшего одобрения со стороны великих держав, чтобы также присоединиться к наступлению на этот город. Флотилия моторных лодок из состава блокирующей Балтийское море британской эскадры прорвалась в Кронштадтскую гавань и потопила два русских военных корабля, бывших на зимней стоянке. Территория, занятая Деникиным, включала всю южную Россию и неуклонно расширялась к северу. Соглашение между ним и Украиной, соединенное с сильным нажимом со стороны Польши, могло бы оказаться решающим. Но все разбилось вдребезги, Громадный круг слабых, разрозненных, колеблющихся и неустойчивых армий, окруживших Советскую Россию, был не способен выдержать настойчивый нажим большевиков. В течение ноября месяца армии Деникина покатились назад, и весь фронт исчез с быстротой пантомимы.

«Я не могу лучше описать эти неудачи и их причины, чем я сделал это в мемуарандуме, написанном мною 15 сентября.

«Громадные суммы денег и значительные силы были затрачены союзниками в борьбе против большевиков в течение года. Англия истратила около 100 млн. ф. ст., Франция от 30 до 40 млн. ф. ст., Соединенные штаты содержали и до сих пор содержат 8-тысячный отряд в Сибири, Япония имеет в восточной Сибири армию численностью от 30 до 40 тыс. чел., которую она теперь увеличивает. Армии адмирала Колчака, снабженные, главным образом, за счет Англии, достигали в мае численности почти в 300.000 чел. В настоящее время армия Деникина включает около четверти млн. бойцов. Помимо этого финны могли бы послать в поле 100.000 чел. Далее шли эстонцы, латыши и литовцы, крепко державшие свой фронт от Балтики до Польши. Наконец, налицо была могущественная польская армия и могла быть оказана помощь со стороны Румынии, со стороны Сербии и Чехо-Словакии.»

Из изложенного ясно, что наличные силы, комбинированно использованные, могли бы легко достичь успеха. Однако они были разъединены полным отсутствием согласованности в действиях, а это объясняется полным отсутствием определенной и решительной линии поведения среди союзников.

Оставался Крым. На этом бесплодном полуострове разбитые остатки деникинских армий и несколько сот тысяч гражданских беженцев теснились в нужде и нищете. Их защита была организована в течение немногих месяцев после поражения Деникина ген. Врангелем, которому была оказана некоторая поддержка со стороны судов британского флота, имевшего официальное поручение вести вспомогательную работу и воспрепятствовать нападению большевиков на Крым с моря. Однако в июле [1920 г.] оборонительные подступы к Крыму пали, и волна беженцев направилась в Константинополь. Британские войска сделали все, что было в их силах, для оказания помощи...

МЫ ЗАВОЕВАЛИ У АНТАНТЫ СОЛДАТ

Ленин

СРАЖЕНИЕ ПОД ОРЛОМ

ОКТАБРЬ — НОЯБРЬ 1919 года

Гражданская война в России, разжигаемая, финансируемая и руководимая французским и английским генеральными штабами, наивысшего напряжения достигла в 1919 г.

Французский десант и французская военная эскадра в Одессе; английский десант и английские мониторы в Архангельске; ген. Жанен, ген. Нокс, майор Мике и другие агенты в штабах Колчака и Деникина; английские офицеры в танковых батальонах Деникина и в тяжелой артиллерии Бредова; английская и французская авиация на юге России; многие миллионы денежных средств «на организационные расходы»; по признанию Черчилля, одна Англия истратила на интервенцию сто миллионов фунтов стерлингов.

Английский десант в Баку — и расстрел 26 комиссаров; французский и греческий десанты в Одессе и Николаеве — и зверства одесской контрразведки, сожжение 700 военнопленных в деревянных бараках в Николаеве; англо-американский десант в Архангельске и Мурманске — и новые способы пыток: пытка соленой водой и пытка вливанием воды в желудок через резиновый рукав; десятки тысяч убитых в боях, сотни замученных в контрразведке — вот кровавый счет интервенции.

Армия Колчака идет к Волге, армия Деникина идет на Москву — так начался грозный 1919 год — год наивысшего напряжения сил в гражданской войне, год наивысших точек, которых достигла интервенция Антанты, год великого перелома и наших побед.

Молодая Советская республика, охваченная огненным кольцом войны, напрягла все силы для борьбы и победы — и к осени 1919 г. Колчак был отброшен от Волги за Урал. Но к осени армия Деникина, представлявшая главную опасность, вышла на широкий фронт от Волги до Днепра и достигла линии Киев—Чернигов — Воронеж — Царицын.

Эта армия, впитавшая в себя огромные офицерские кадры, собравшиеся на Дону, снабженная Францией, усиленная английскими танками и авиацией, была значительно опаснее, чем армия Колчака, а ее операционное направление Харьков—Орел угрожало сердцу революции — Москве.

Командование красных армий, занятое борьбой с Колчаком и поставившее себе целью по очереди разбить врагов — сначала Колчака, потом Деникина — не могло обеспечить южный фронт силами, достаточными для того, чтобы остановить Деникина. Слабые численно и организационно, части красных армий на юге летом 1919 г. могли только задерживать противника, и Деникин был так уверен в победе, что уже летом, 20 июня 1919 г., им была отдана следующая директива белым армиям юга:

«Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

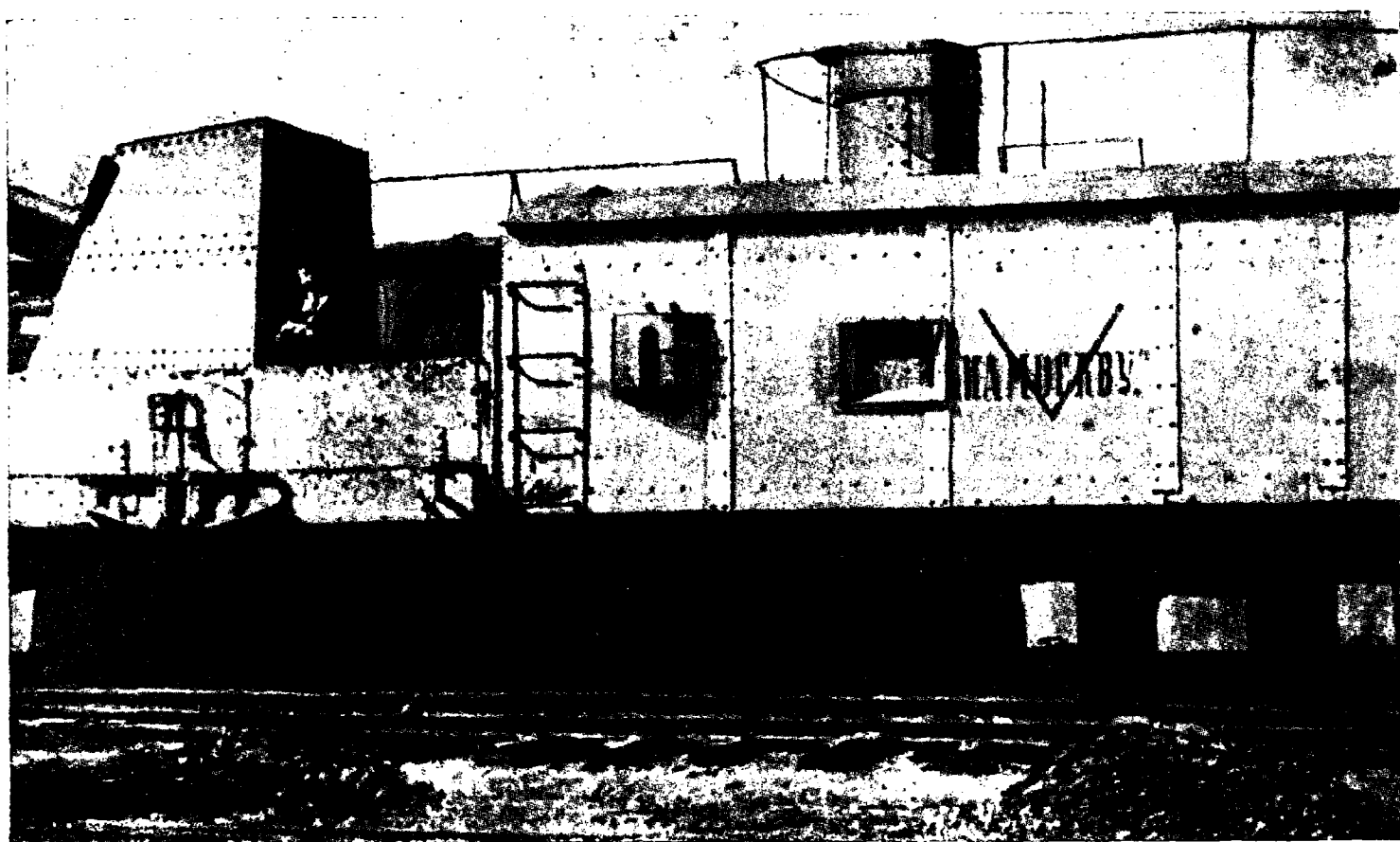
1) ген. Врангелю выйти на фронт Саратов—Ртищево—Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу—Рузаевку—Арзамас и далее — Нижний-Новгород—Владимир—Москву;

2) ген. Сидорину правым крылом, до выхода войск ген. Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин Балашов и

3) ген. Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск—Орел—Тула. Для обеспечения с запада выдвигаться на линию Днепра и Десны, заняв Киев».

Такую чрезмерно оптимистическую директиву, от Царицына расписавшую пути армий до Москвы, могла создать только полная уверенность в успехе, только вера в свои силы и пренебрежение к силам противника — красным армиям Советской России.

— На Москву! — повторяли за Деникиным ген. Врангель, Сидорин и Маевский.

Бронированный поезд Деникина

— На Москву! — завывала белогвардейская пресса.

— На Москву! — гремел дикий хор помещиков, следовавших за войсками белых армий в свои имения.

«На Москву!» был назван лучший деникинский бронепоезд.

Июль, август и сентябрь отдали в руки белого командования весь юг России — почти восемнадцать губерний с сорока-миллионным населением. Киев, Курск и Воронеж были взяты деникинцами. Офицерский корпус Кутепова шел к Орлу.

Огромный южный фронт медленно откатывался назад. Из-за войны в Сибири и потери юга продовольственные затруднения внутри Союза советских республик чрезвычайно обострились, промышленность останавливалась от недостатка топлива. Положение требовало решительных мер. На южный фронт был послан т. Сталин. Армии южного фронта были усилены мобилизацией коммунистов в рабочих центрах. Были приняты экстренные меры к усилению боеспособности частей: улучшено снабжение войск, улучшено боевое снабжение огнеприпасами, во многих частях изно-

шенное оружие заменено новым. Южный фронт подтягивал резервы и мобилизовал свои внутренние ресурсы; огромная пружина армий свертывалась на путях к Москве, готовясь к решительным боям, готовясь внезапно развернуться для сокрушительного удара.

Сталин поставил вопрос о пересмотре оперативного плана. Основная оперативная директива Реввоенсовета Республики, отданная Троцким, предписывала армиям нанести главный удар на Дон и на Кубань. Сталин решительно поставил перед ЦК вопрос о невмешательстве Троцкого в дела южного фронта и потребовал полного пересмотра оперативного плана: вместо удара на Дон—Кубань т. Сталин предложил главный удар нанести через Харьков на Донбасс и Ростов¹.

«На-днях главком дал Шорину директиву о наступлении на Новороссийск через донские степи по линии, по которой, может быть, и удобно летать нашим авиаторам, но уже совершенно будет невозможно бродить нашей пехоте и артиллерии. Нечего и доказывать, что

¹ Письмо т. Сталина т. Ленину от 15 сентября.

этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде, вражеской нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом. Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменить его планом основного удара через Харьков—Донецкий бассейн — на Ростов; во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть — Донецкую — и основную артерию, питающую армию Деникина — линию Воронеж—Ростов; в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих: добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет; в-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. С принятием этого плана нельзя медлить...»

Это личное письмо т. Сталина к Ленину, письмо, давшее основную оперативную установку для южного фронта, прекрасно иллюстрирует, что на войне простая арифметика не дает правильных решений. Путь от Царицына до Новороссийска может оказаться длиннее, чем путь от Тулы до Новороссийска, потому что он проходит через территорию, населенную казаками, через классово враждебную среду. Наоборот, путь от Тулы к Новороссийску может оказаться гораздо короче, потому что он идет через Донбасс, через рабочие шахтерские районы. Оценка направлений и оперативный план т. Сталина блестящи с точки зрения стратегии революционной

войны. План т. Сталина был принят ЦК, и т. Ленин собственноручно написал приказание полковому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы. Главный удар был намечен в направлении Харьков—Донбасс—Ростов, и южный фронт приступил к собиранию сил и мобилизации средств на этом направлении.

Широко развернутое на огромном фронте от Волги до Днепра наступление Деникина к осени 1919 г. стало выдыхаться из-за отсутствия резервов. Все свободные резервы белому командованию пришлось бросить на подавление крестьянских восстаний в тылу. Помещичья политика «правительства вооруженных сил юга», возвращение земель и приезд старых бар в родовые усадьбы, военно-полицейская расправа с крестьянами вызвали взрыв крестьянских восстаний. Махно стал фактическим хозяином Левобережной Украины. Его отряды занимали территорию от Екатеринослава (ныне Днепропетровск) до Крыма и временами угрожали даже Таганрогу, где была ставка Деникина. На Кубани и Черноморском побережье развилось движение «зеленых». Казнь членов Кубанской рады не только не успокоила Кубани, но вызвала необходимость усиления белогвардейских гарнизонов в кубанских городах и усилила «зеленое» движение. Национальная политика помещичьего правительства вызвала восстания в Чечне и Дагестане. Таким образом, несмотря на ряд военных успехов в стане белых все сильнее разгоралась борьба крестьянства и национальное движение против буржуазно-помещичьей контрреволюции. Эта борьба отвлекла значительные силы белых. Тыл белых армий сам требовал войск для борьбы с повстанцами, и белый фронт не мог рассчитывать на нормальный широкий приток подкреплений.

К завязке решительной борьбы на южном фронте ген. Деникину удалось довести численность своих сил до 100.000 штыков, 50.000 сабель и 600 орудий.

Красные армии южного фронта к этому времени были доведены до 110.000 штыков, 30.000 сабель и 750 орудий.

На решающем направлении — от Харькова к Орлу — белое командование сосредоточило 45.000 штыков, около 14.000 сабель и 200 орудий.

На орловском направлении действовали офицерские дивизии корпуса ген. Кутепова — знаменитые «цветные» дивизии, укомплектованные на две трети офицерами, носившими цветной шеврон на рукаве и цветной погон: корниловская офицерская дивизия, дроздовская офицерская дивизия, марковская офицерская бригада и 1-я пехотная алексеевская дивизия. Эта ударная группа от Курска быстро продвигалась к Орлу, преследуя малочисленные и утомленные длительным отступлением части XIII армии.

На орловском направлении части Красной армии занимали следующий фронт: XIV армия от Чернигова до Глухова, XIII армия — орловское направление, VIII армия и конный корпус Буденного — в районе Воронежа.

Стремительное движение офицерских дивизий к Орлу вызвало необходимость не только новых стратегических перегруппировок, но и сосредоточения под Орлом частей, которые могли бы в полевом сражении остановить и разгромить офицерские дивизии, требовало сосредоточения у Орла крепких ударных частей, способных справиться с корпусом Кутепова. Ядром этих частей стала Латышская стрелковая дивизия — героическая дивизия, сыгравшая вместе с остальными частями ударной группы решающую роль в орловском сражении. В начале октября в район Карачева на орловском направлении стали прибывать части Латдивизии, к которым присоединена была Особая пластунская бригада т. Павлова (впоследствии погиб в Китае), сформированная из кубанцев и украинцев, и Отдельная конная бригада червонного казачества. Эти части, испытанные в боях и отдохнувшие за время перегруппировки, составили ударную группу орловского направления.

«Май-Маевский генерал, генерал.

Он рабочим обещал, да обещал:

«Раздавлю вас, как мышей, как мышей».

Вдруг услышал он песню латышей:

«Маевский, ша! Возьми полтона ниже,

Брось арапа заправлять!

Да! да!

Не подкатывайся ближе.

Брось Москву, брат, вспоминать».

(Из частушек латвострелков).

В конце сентября курско-орловское направление становится фокусом внимания главного командования Красной армии. 24 сентября телеграмма главнокома (№ 4514) дает указания о сосредоточении новых частей в район Дмитриева для действия во фланг офицерскому корпусу. Эти части были: Латышская стрелковая дивизия (девять полков под командой начдива Матусевича), пластунская бригада Павлова и конная бригада червонного казачества (два конных полка 1-й бригады). Общая их боевая численность — 10.000 штыков, 1.500 сабель и 80 орудий. Примерно в то же время принято решение главного командования о действиях конного корпуса Буденного в воронежском направлении. Таким образом стратегическое решение главного командования заключалось в том, чтобы двумя ударными группами — группой Латдивизии с северо-запада и группой Буденного с востока — нанести удар на основания выдвинутого к Орлу клина офицерских дивизий.

15 октября Реввоенсовет Южфронта, во главе которого был т. Сталин, завершил подготовку удара, подчинив ударную группу Латдивизии командарму XIV и создав мощный Реввоенсовет XIV армии в составе командарма Уборевича и члена РВС Серго Орджоникидзе.

К 10 октября перегруппировка войск была закончена и ударная группа в соответствии с директивой главного командования была нацелена во фланг офицерскому корпусу в общем направлении на Кромы — Малоархангельск.

13 октября корниловская офицерская дивизия, после короткого боя, взяла Орел и выдвинулась на пять километров севернее Орла. За Орлом добровольческому офицерскому корпусу открылся путь на Тулу. Многочисленные банкеты отметили взятие Орла, и за убранными столами, в пьяном звоне бокалов, господам офицерам чудился праздничный перезвон московских колоколов. Но на фланге офицерского корпуса к этому

времени уже нависла ударная группа. 12 октября ударная группа получила приказ главкома: «Ударной группе перейти в наступление с направлением на город Кромы и нанести удар в тыл и фланг зарвавшемуся к Орлу противнику».

12 октября ударная группа двинулась в направлении на Кромы, и сражение под Орлом началось. Район, в котором развернулось сражение, представляет собою холмистую и изрезанную многочисленными оврагами, относительно густо населенную местность. Овражистость района и обилие речных рубежей давали широкие возможности обороне, которая могла на них опираться. Пути сообщения в районе относительно хороши, но проселочные дороги из-за осенних дождей превратились в непролазные трясины и очень связывали движение войск.

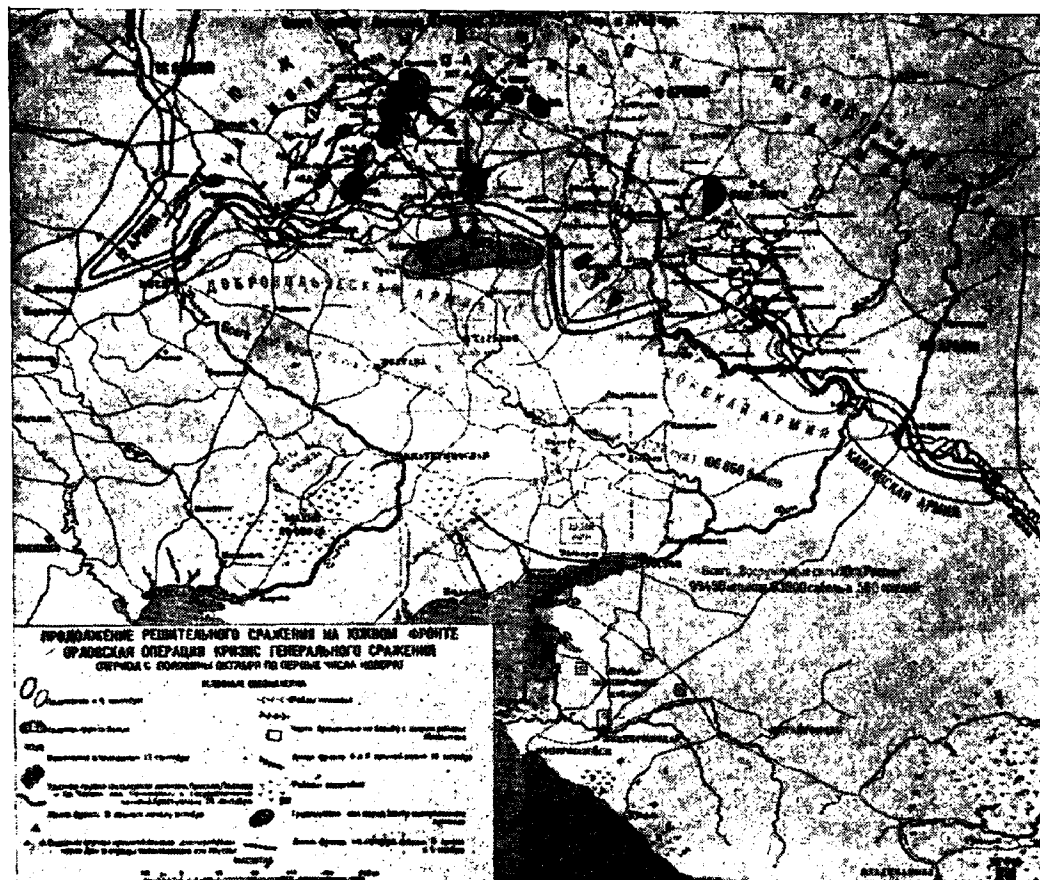
В осенний дождь, в туманах, вечно клубящихся над многочисленными речками и ручьями, на сжатых мокрых полях началось орловское сражение. Офицерские ударные части встретились с ударной группой, и исход сражения решал не только судьбу Орла, но и судьбу Тулы, так как за ударной группой в глубине резервов не было: вызванные в резерв сибирские войска и освободившиеся от борьбы с англичанами полки архангельского фронта еще не прибыли.

К 13 октября ⁷корниловская дивизия взяла Орел и выдвинулась далеко уступом вперед от остальных частей, прикрывая свой левый фланг течением реки Оки. Части ⁷дроздовской дивизии взяли Дмитровск, выбив из него утомленные длительными боями и отступлением части 7-й стрелковой дивизии и группы Саблина. 14 октября первая конная бригада червонного казачества, шедшая в авангарде ударной группы, у с. Мелехово вечером имела столкновение с передовыми частями Самурского офицерского полка. На рассвете 15 октября первая конная бригада червонного казачества в конном строю атаковала Мелехово, изрубила батальон самурцев, занимавший село, и, преследуя Самурский полк, ворвалась в с. Кирово Городище, выйдя на реку Кромку. В этом

бою наша кавалерия взяла более 120 пленных, в том числе около 70 офицеров, показания которых раскрыли тайну движения неприятеля.

Сведения, которые штаб XIV армии имел о противнике, были очень туманны и малосостоятельны. Поэтому во время боя авангарда у с. Мелехово в штаб конной бригады червонного казачества приехали член Реввоенсовета XIV армии Серго Орджоникидзе и Ю. Пятаков. С высот к северу от с. Мелехово они наблюдали бой и лихую атаку нашей конницы. Тотчас после атаки, на поле боя они допросили пленных офицеров, и показания пленных раскрыли картину движения сил неприятеля. Ударная группа с этого момента действовала с открытыми глазами, и командование получило возможность правильно нацелить свой удар. 16 числа кавалерия перерезала дорогу Дмитровск—Кромы, прервав связь между корниловской и дроздовской дивизиями. В тот же день латышские стрелки двумя колоннами вышли на линию реки Кромы. Сбитый на этом участке противник — первый офицерский корниловский полк — отошел за реку, прикрывая фланг главных сил корниловской дивизии, занимавших Орел. Почти одновременно подошедшие от Москвы через Тулу части эстонской стрелковой дивизии выбили корниловцев из Орла и остановили фронтальное продвижение корниловской дивизии.

В течение недели в туманах, в дождях, шли упорные бои за переправу через реку Кромку, небольшую, но глубоководную и трудно доступную реченку. По мокрым проселкам, по сжатым полям, в дождь и в туман шли колонны латышских батальонов, глухо гремели колеса артиллерийских батарей, тянулись обозы. Через неширокую, текущую в глубоководном овраге, с глинистыми топкими берегами реку Кромку шел упорный стрелковый бой: редкий, меткий, прицельный огонь латышских стрелков и дружный залповый огонь офицерских взводов. В стройном порядке маневрирующих колонн пехоты, в том, что в грязь, в стужу, в непогоду поздней осени латышские стрелки щеголяли дисциплиной и порядком движения, в редком метком огне стрелков,

Карта орловского сражения

от которого таяли батальоны корниловцев, в веселых шутках у костров, в разговорах — во всем была тугая закаленная воля к победе, понимание опасности, грозящей республике, понимание необходимости сломить врага и веселая боевая напряженность умеющих сделать дело людей. Веселый боевой дух — дух победы — был в войсках. К 20 числу река Крома была форсирована латышскими стрелками на участке Красная роща. Дальнейшее развитие этого удара, выводившего латышских стрелков и конницу в тыл корниловской офицерской дивизии, представляло для противника чрезвычайную опасность, и головные части корниловской дивизии стали свертываться и отходить от Орла на Становой Колодец. Но в это время дроздовская офицерская дивизия, оставив на участке Дмитровска около одного стрелкового полка, перешла в наступление в направлении на Кирово Городище, во фланг и тыл ударной группе. Командовавший ударной группой, бывший генерал-майор царской армии Матусевич оставил на своем правом фланге только слабые наблюдающие части, в результате чего движение дроздовской дивизии было замечено только тогда, когда разведка дроздовских полков появилась

на линии р. Кромы. Конница ударной группы — 1-я конная бригада червонного казачества, которая в это время уже форсировала р. Оку и готовилась захлестнуть противника ударом с тыла, была немедленно отозвана и ночным маршем переброшена в район Кирово Городище. Авангард дроздовцев был отброшен за р. Кромку, фланг и тыл ударной группы был прикрыт от ударов. Почти в то же время 1-й пехотный полк Кошелева выбил дроздовцев из Дмитровска. Но маневр дроздовской дивизии спас от разгрома корниловскую дивизию и затянул решение орловского сражения еще на несколько недель. Снова начались упорные бои на линии р. Кромы и вокруг г. Кромы, который более десяти раз переходил из рук в руки.

Командующий Латышской стрелковой дивизией, начальник ударной группы Матусевич был отстранен от командования, и командование ударной группой было передано командиру 1-й бригады Латдивизии т. Калнину, молодому и менее опытному, но вполне надежному и энергичному начальнику. Латышская дивизия перегруппировала решла в наступление и отбросила противника к югу от дороги Дмитровск — Кромы, снова форсировав р. Кромку.

Противник укрепился в 20 километрах от г. Кромы и временно перешел к обороне, подтягивая резервы. Латышская дивизия, понесшая огромные потери, пыталась сбить противника с этой оборонительной линии, но встретила сопротивление, с которым не могла справиться. На несколько дней действия на фронте свелись к небольшим разведывательным стычкам.

Латышская дивизия почти не получила пополнений, и ее боеспособность в результате огромных потерь в красноармейском и командном составе (более 50% командного состава и до 40% бойцов выбыло в боях убитыми и ранеными) значительно снизилась, и дивизия не могла закрепить достигнутых успехов. Отдельная конная бригада червонного казачества, потерявшая около 35 проц. всадников, получила пополнение: малочисленную кубанскую конную бригаду, которую пришлось слить в один полк. Отдельная пластунская бригада Павлова потеряла около 30% убитыми, ранеными и заболевшими. Таким образом, развить достигнутые успехи было нечем, а между тем резервов не было. Необходимо было окончательно сломить офицерский корпус, не теряя времени, потому что к противнику шли подкрепления. Захваченные пленные сообщали о движении танковой группы и двух резервных полков, сформированных в Харькове и Белгороде из украинских офицеров. Были сведения также о прибытии французской авиации и английской тяжелой артиллерии. Ежедневные поиски кавалеристов приводили к захвату пленными, подтверждавших сведения о нарастающем усилении противника. Перед ударной группой, которая уже выполнила часть своей героической задачи, отбив у противника Орел и сломив его наступление, вставала вторая задача: добить офицерские дивизии, разгромив их раньше, чем они получат подкрепление.

30 октября в небольшое сельцо Шарыкино прибыли Уборевич и Орджоникидзе. В Шарыкино стоял штаб Латышской дивизии, и туда были вызваны командир пластунской бригады т. Павлов

и командир конной бригады червонного казачества. Командир Латышской стрелковой дивизии т. Калнин доложил, что дивизия с наличными силами не в состоянии прорвать оборонительную линию дроздовской и корниловской дивизий, что положение очень напряженное, так как к корниловцам и дроздовцам прибывают резервы и подкрепления. Он высказал опасение за судьбу Орла и настаивал на переброске резервов. Командир пластунской бригады т. Павлов, высокий, худой человек, подтвердил выводы коренастого крепыша Калнина. В качестве командира кавалерийской бригады я отвечал за разведку и подтвердил правильность сведений о прибытии резервов к противнику, но отметил также, что конница уже получила небольшое подкрепление и этим боеспособность бригады восстановлена.

В небольшой крестьянской закопченной избе, плохо освещенной несколькими добытыми у попа восковыми свечами, было темно и мрачно. Прыгающее пламя свечей плохо озаряло развернутую карту, над которой склонился Уборевич. Одетый в шинель и папаху Орджоникидзе ходил по комнате. В соседней комнате шумели телефонисты и гудел полевой телефон. Уборевич коротко возразил Калнину:

— Резервов главное командование не имеет. Мы должны добить офицерский корпус и сломить сопротивление с теми силами, что у нас есть. Орловское сражение—сейчас это фокус всего южного фронта. Победа здесь уже окрылила фронт, а неуспех и отступление дезорганизуют войска. Мы должны справиться с теми силами, которые мы имеем.

Орджоникидзе, остановившийся и молча слушавший Уборевича, сказал, подчеркивая каждое слово:

— Мы должны, товарищи, победить с теми силами, которые мы имеем.

Начальник штаба червонного казачества старый большевик Туровский вопросительно сказал:

— Рейд?

Я ответил:

— Рейд.

И доложил Уборевичу:

Тов. Орджоникидзе среди участников гражданской войны на Сев. Кавказе. Грозный, 1918 г.

Музей революции

— Может быть, рейд в тыл офицерскому корпусу даст возможность Латышской дивизии сломить фронт.

О рейде уже несколько дней говорили в штабе конной бригады. Рейд — прорыв в тыл противника конной массы, разгром тыла, разгром связи, разгром управления, полная дезорганизация тыла противника — означал огромную опасность для кавалерии, идущей в глубокий тыл противника, но рейд давал шансы на успех, так как дезорганизованные, с разрушенным управлением офицерские полки можно было сломить ударом Латышской дивизии до прихода подкреплений.

Орджоникидзе обернулся и спросил:

— А не погибнет конница в тылу у белых?

— Справимся!

После короткого обсуждения предложение о рейде было принято. Уборевич и Орджоникидзе на месте продиктовали директиву армии о подготовке прорыва для рейда кавалерии и о переходе армии в наступление. Через конных ординарцев директива была отправлена в штабы частей.

Совещание кончилось. Темной ночью

командиры разъехались по частям. Было морозно. Под копытами лошадей гудела замерзшая земля, сыпался первый осенний снег — зазимок.

2 ноября Латышская дивизия совершила перегруппировку, и в ночь на 3-е две бригады Латышской дивизии под общим начальством командира бригады т. Стуцка сгруппировались в районе Чернь—Чернодье. В селениях Рыжкова—Похвасново у баб по дворам были собраны все простыни, и в полночь с 3 на 4 ноября колонны латышей по свежеснеговому снегу двинулись к Черни и Чернодью. Благодаря простыням стрелки совершенно сливались со снегом. За ними огромная колонна четырех конных полков подошла и встала в балке к югу от с. Рыжково.

Конница собрала погоны у пленных, взятых в прежних боях, и теперь эти погоны надели красные кавалеристы. Значки эскадронов и полевые знамена были свернуты в чехлы. Решено было во время рейда в тылу врага выдавать себя за дивизию ген. Шкуро, спешно отступающую с фронта, для того чтобы среди населения вырос слух о разгроме

всего белого фронта, партизаны в тылу врага взялись за оружие, а враги опустили бы голову: сам Шкуро разбит и со своей конницей бежит на Кубань.

Заставы противника в Чернь—Чернодье были взяты без выстрела, и в селах закипел отчаянный бой. Лавина из двух бригад обрушилась на спавших дроздовцев, и менее чем в полчаса прорыв был открыт. Конница бросилась в прорыв и в сером зимнем рассвете прошла к опушке леса, что у с. Лаврово, сняла по дороге артиллерийские обозы дроздовской дивизии и по мерзлой земле, против встречного, восточного ветра, шла весь день и всю ночь, громя тыл противника, разрушая связь, уничтожая артиллерийские обозы. Отдохнув четыре часа в с. Теплый Колодезь, в 70 километрах в глубоком тылу у противника, конница выделила кубанский полк для захвата г. Фатежа, а тремя полками обрушилась на ст. Поньри, захватив там несколько эшелонов снабжения. Ст. Поньри была взорвана.

Конный эскадрон, высланный на ст. Возы, захватил там и сжег эшелон со снабжением и взорвал ст. Возы.

Конный кубанский полк захватил Фатеж, где взял два танка и два 6-дюймовых орудия, шедших по направлению к г. Кромы в распоряжение командира корниловской дивизии. В Фатеже была освобождена тюрьма, и из 400 освобожденных политических заключенных был сформирован батальон, который на подводах присоединился к коннице. Разрушив неприятельский тыл, конница снова собралась в с. Ольховатке и весь день 6 ноября отсыпалась и отдыхала после сделанных с боем 135 километров за 37 прошедших часов.

В то же время, тотчас по прорыве конницы, дроздовская дивизия перешла в контратаку и выбила латышей из Черни и Чернодья. Весь день 4 ноября Латышская дивизия отбивала атаки дроздовцев и корниловцев и лишь 5 ноября вместе с эстонской дивизией и пластунской бригадой Павлова перешла в наступление.

Противник, дезорганизованный рейдом конницы, без связи между частями, начал отходить. В ночь на 7-е число конница уже шла навстречу отходившим колоннам корниловской дивизии. Возле

Приказ к наступлению
П. Шухмин

Тов. Уборевич среди
пленных англичан.
Апрель 1919 г.

с. Тагин разъезды конной дивизии связались с авангардом Латышской дивизии, и у с. Сабуровка отступавшая корниловская дивизия была зажата в клещи между подошедшими латышскими стрелками и конной дивизией. В результате боя и конной атаки на огромном сабуровском поле корниловская дивизия бросила четыре 3-дюймовых орудия и три 48-линейных тяжелых орудия, три батальонных значка и полковую кассу первого корниловского офицерского полка. Пять батальонов корниловцев были раздавлены этими гигантскими клещами, сжавшими сабуровское поле с севера и с юга. Латышские полки на этом поле встретились со своей конницей, вышедшей из рейда, и на огромной снежной равнине над разбитыми корниловскими батальонами закреплено было общей кровью и общей победой боевое братство, возникшее, с первых дней сражения под Орлом.

Корниловская—дивизия на длительный срок потеряла возможность к организованному сопротивлению. В течение 8 и 9 ноября продолжалось отступление

офицерского корпуса, который остановился только возле Фатежа. К 10 ноября к Фатежу вышли преследующие части ударной группы. Ударная группа подтягивалась медленно, так как наступившая оттепель и гололедица задержали артиллерию и патронные обозы. Но уже 14 ноября фронт противника был снова прорван на участке с. Солдатское и, пользуясь сильной снежной мятелью, конная дивизия червонного казачества почти без боев прорвалась в район ст. Льгов. На рассвете 16 ноября ст. Льгов была взята спешившимся латышским конным полком и 3-м кубанским конным полком. Станция была взорвана. Поезд Май-Маевского, командовавшего армией, едва вырвался из-под внезапного удара и ушел на Харьков, провожаемый шрапнелью. Дроздовская дивизия была отрезана от своей армии, зажата между наступавшей 7-й дивизией и конницей, и 17 ноября отступавшие дроздовские части были разгромлены под Льговом, оставив на поле 27 орудий и 2400 пленных.

Противник не знал о захвате Льгова и прекращение связи со Льговом отнес за счет снежной мятели. Благодаря этому 4 броневых поезда из Курска ушло на ст. Льгов. Замеченные конными разъездами эти бронепоезда были пропущены к самой ст. Льгов, и позади них был взорван путь. Они попали в мышеловку и должны были 18-го числа сдать без боя. Таким образом, в середине ноября основные офицерские дивизии — корниловская и дроздовская — были лишены боеспособности, утратили половину своей артиллерии и свои бронепоезда. Удар Буденного вынудил корниловцев к отступлению от фатежских позиций, и остатки корниловской и дроздовской

дивизии смогли снова устроиться к обороне только на подступах к Харькову.

Так закончилось орловское сражение. Деникинская армия, поддерживаемая английским и французским генеральными штабами, оставила в Фатеже свои танки и свою тяжелую артиллерию и под натиском ударной группы, в центре которой стояла Латышская стрелковая дивизия, откатилась к югу. Офицерские полки проиграли орловский бой. Интервенционистское вмешательство в наши дела, поддерживавшее нашу отечественную контрреволюцию, стоило многих сотен миллионов организаторам интервенции, но не дало ничего, кроме бесславия, своим вождям и организаторам.

МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ

Историю своего класса, историю революции и гражданской войны, историю социалистической стройки должны писать сами рабочие.

Читайте в этом номере «Борьбы классов» воспоминание рабочих Ярцевской фабрики о 1905 г.

В № 3 журнала — историю социалистической стройки завода АМО. Организуйте на фабриках и заводах ячейки содействия Обществу историков-марксистов! Свяжитесь с Секцией истории пролетариата!

КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ И МЕНЬШЕВИКИ

Десять лет назад, в момент максимального обострения экономического кризиса в нашей стране, только что отбившей нашествие интервентов, накануне X съезда партии, произошел мятеж в первоклассной крепости с громадными складами военных припасов—в Кронштадте. Мятежем были охвачены военные суда Балтийского флота, на которых он собственно и начался. На стоявших в Кронштадте линейных кораблях «Петропавловск» и «Севастополь» контрреволюционерами были созданы подпольные ячейки, которые 28 февраля 1921 г. выступили организованно на общем собрании с резолюцией, начинавшейся требованием перевыборов советов «тайным голосованием».

Резолюция требовала создания комиссии для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях, упразднения политотделов в армиях и свободы агитации среди войск всем политическим партиям. Далее шли требования о снятии заградительных отрядов, об уравнивании пайков для всех трудящихся, о разрешении «свободного кустарного производства» и «полного права иметь скот» и т. п. Из этой резолюции совершенно очевидно, что за спиной голосовавших за нее матросов стояли белогвардейцы, заинтересованные в освобождении из тюрем и концлагерей своих единомышленников, в развале армии путем контрреволюционной агитации, в срыве экономической политики советской власти и в развязывании кулацкого капиталистического накопления.

Каким образом случилось, что надежнейший отряд революции—моряки Балтийского флота—оказался таким слепым орудием в руках контрреволюционеров? Это объяснялось тем, что значительная часть балтийских моряков-революционеров, вынесших на своих плечах ряд важнейших заданий первых лет

Октябрьской революции, за годы гражданской войны была разбросана по всей стране в качестве военных и гражданских руководителей. Много моряков погибло на фронтах. Вместо них в Балтийском флоте оказалось много случайных людей и в их числе моряки из Латвии и Эстонии, совершенно не связанные с революционной борьбой.

Получив сведения о принятии кронштадтцами контрреволюционной резолюции, ЦК ВКП(б) направил в Кронштадт председателя ВЦИК М. И. Калинина и комиссара Балтийского флота Кузьмина, которые 1 марта и выступили на митинге. Однако переломить настроение матросских масс было трудно. Выяснилось, что душой назревавшего мятежа являются меньшевики и эсеры, за спиной которых стоят белогвардейские военные спецы: б. генерал Козловский, подполковник Соловьянов и др. Мятежники выбрали делегацию в 30 человек и отправили ее в Петроград для предъявления своих требований. На следующий день события резко повернулись в сторону «прямых действий».

Арестовав комиссара Балтфлота т. Кузьмина и председателя Кронштадтского исполкома Васильева, мятежники объявили власть Кронштадтского совета свергнутой, а президиум своего делегатского собрания—временным революционным комитетом. Новый «ревком» переселился на линкор «Петропавловск», с которого и началось боевое выступление против советской власти. Новая власть, кронштадтский ревком, состоял из представителей «левых социалистов»; председателем ревкома был Петриченко левый эсер, гражданскими делами заведывали меньшевики Вальк и Романенко, совнархозом—меньшевик Захаров. Кроме них в ревком входили представители народных социалистов и правых эсеров.

Захватив власть в Кронштадте, рев-

ком запретил деятельность коммунистической партии и объявил свободу слова, собраний и организаций для «левых социалистов». Во главе штаба белогвардейцев оказались подполковник Соловьев (начальник штаба крепости), начальник крепостной артиллерии бывший генерал Козловский и генштабист Арканников, начальник оперативной части штаба крепости.

2 марта 1921 г. Совет труда и обороны постановил объявить ген. Козловского и его сподвижников вне закона, город Петроград и Петроградскую губернию на осадном положении и всю полноту власти в Петроградском укрепленном районе передать комитету обороны города Петрограда.

5 марта было опубликовано «Последнее предупреждение к гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов», в котором объявлялось, что «Рабоче-крестьянское правительство постановило: вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской республики». Далее шел приказ: «Всем, поднявшим руки против социалистического отечества, немедленно сложить оружие. Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей. Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить. Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской республики».

Одновременно с этим было отдано распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой.

Кронштадтский белогвардейский штаб уже после 6 марта действовал вполне самостоятельно. Ревком, имевший право формального контроля над штабом, оказался полностью на поводу у штабных белогвардейских спецов.

Кронштадтские «левые социалисты» через белый штаб смыкались с контрреволюционной организацией проф. Таганцева в Петрограде, а через него со всей международной контрреволюцией. Связи организации проф. Таганцева были значительно обширнее, чем у его последыша проф. Рамзина из «промпартии».

9 марта в Кронштадт прибыл бывший командир «Севастополя» барон Виль-

кен в качестве представителя американского Красного креста. Он предложил мятежному Кронштадту помощь продовольствием и медикаментами, которые он намечал направлять контрабандой через финляндскую границу. Помощь этого контрреволюционера кронштадтские мятежники приняли. Получалась прямая смычка «левых социалистов» с махровыми черносотенцами.

Барон Вилькен остался жить в Кронштадте и оказывал мятежникам «посильную помощь». Из Финляндии ревком получил до 400 пудов продовольствия.

Тем легче оказались для ревкома переговоры с лидером контрреволюционных эсеров В. Черновым, который также предложил вооруженную и продовольственную помощь кронштадтцам, при условии принятия ими лозунга—«Борьбы за Учредительное собрание». Член ревкома, меньшевик Вальк, горячо поддерживал предложение В. Чернова, но еще колебавшийся ревком за ним не пошел, так как опасался, что это может подорвать доверие масс к ревкому. Ожидавшему в Ревеле ответа Чернову, по секрету через особого курьера, было сообщено, что кронштадтцы благодарят за предложение, но от реализации его воздерживаются. Однако через несколько дней, когда выяснилось, что питерские рабочие их не поддерживают, мятежники обратились открыто за помощью к капиталистическому миру, призывая в радиотелеграмме всех помочь им продовольствием—«ради наших раненых героев, детей и гражданского населения». Тогда же матерый волк контрреволюции Милюков подхватил призыв кронштадтцев и вместо черновского Учредительного собрания подsunул им более гибкий лозунг «беспартийных советов» или «советов без коммунистов». Мировая контрреволюция воспрянула духом, узнав о кронштадтском восстании, причем интересно отметить, что во французских газетах сообщение о восстании в Кронштадте было напечатано за день до его начала. Это говорит о том, что оно было заранее подготовлено контрреволюционерами, а не явилось стихийной вспышкой матросских масс.

Со стороны Финляндии готовилась помощь мятежникам в виде отряда

Атакующие цепи красноармейцев подходят к Кронштадту 17 марта 1921 г. На льду видны воронки от падающих снарядов.

около 3.000 финляндских фашистов и 300 лошадей. Представителю этих белых войск, Тюнни, эсерами было переведено 10 тысяч франков. Эсеры получали деньги от русских эмигрантов-капиталистов и от представителей международной буржуазии. Белогвардейцы устроили в Ревеле свою базу и приступили к организации особой боевой группы, чтобы с нею двинуться на помощь Кронштадту, рассчитывая на петроградских рабочих, которые-де уже восстали против советской власти и ждут не дождутся эсеров из Ревеля с белым хлебом. Петроградские рабочие, однако, выступили решительными противниками кронштадтцев. Многие из питерских рабочих присоединялись к отрядам красных войск, направлявшихся на подавление мятежа. Ряд партийных организаций быстро провел мобилизацию на фронт. В. И. Ленин принимал весьма деятельное участие в подавлении мятежа.

7 марта вечером из Сестрорецка, со стороны Лисьего Носа, был открыт огонь по кронштадтским фортам. Затем начался огонь по кронштадтским фортам со стороны Красной Горки, которой отвечал линкор «Севастополь».

После бомбардировки начался со стороны Петрограда штурм фортов крепости. Первое наступление красных войск против мятежников произошло 8 марта. С боем был занят форт № 7, но потери

при этом были настолько значительны, а сама группа так малочисленна, что не могла удержаться, и наступавшие красные войска отступили.

При подходе подкреплений красные войска возобновили свою знаменитую атаку со льда крепостных фортов. Атака продолжалась в чрезвычайно тяжелых условиях для атакующих. Приходилось подходить к фортам в белых саванах по открытому ледяному полю под обстрелом хорошо оборудованных крепостных укреплений. Атакующие проваливались в проруби во льду, пробитые снарядами, гибли в полыньях начавшего таять льда. Широкая масса обманутых белогвардейцами мятежников Кронштадта заколебалась. Тем свирепее стали действовать меньшевики и эсеры из ревкома и белый штаб «обороны Кронштадта».

14 марта в заседании ревкома было принято следующее постановление «о мерах воздействия на арестованных коммунистов: вменить в обязанность коменданту тюрьмы зорко следить за поведением заключенных, предоставить ему право в случае явного неповиновения и упорного стремления нарушить порядок—принять самые решительные меры пресечения и наказания виновников нарушения. Отнять у арестованных карандаши, бумагу и пр., запретив им заниматься изданием рукописного жур-

нала, явно вызывающего характера»¹.

16 марта было решающим днем для мятежной крепости. Артиллерийская подготовка к бою по крепостным фортам дала возможность красным войскам, пользуясь темнотой ночи, пойти на новый решительный приступ. Мужество наступавших дало победу над мятежниками.

Восставшие сдались, вожаки бежали в Финляндию, за исключением трех задержанных членов ревкома, один из которых оказался старым меньшевиком Кильгастом².

26 марта 1921 г. в «Петроградской Правде» был помещен отрывок из беседы В. И. Ленина с корреспондентом американской газеты «Нью-Йорк Геральд», в котором В. И. дает следующую оценку кронштадтским событиям: «Восстание в Кронштадте действительно совершенно ничтожный инцидент, который составляет для советской власти гораздо меньшую угрозу, чем ирландские войска для Британской империи. Если за границей преувеличивают значение восстания в Кронштадте и оказывают ему поддержку, то это происходит потому, что мир разделился на два лагеря: капиталистическая заграница и коммунистическая Россия».

Буржуазия приветствовала восстание кронштадтцев и всемерно помогала ему, тем более, что на заграничных биржах с первых же дней мятежа началось повышение в цене старых русских фондовых бумаг. Но буржуазия была недовольна тем, что кронштадтцы начали мятеж рано, когда крепость и Балтийский флот были еще во льдах и подойти к ним с военной помощью с моря не представлялось никакой возможности. Между тем буржуазия рассчитывала при помощи кронштадтцев снова начать интервенцию, снова втянуть советскую Россию в гражданскую войну, и не прими советская власть и партия самых решительных мер к подавлению мятежа, события могли бы повести к очень крупным осложнениям. Выше уже отмечалось, что Кронштадтский мятеж был заранее подготовлен подпольной контрреволюци-

онной организацией, возглавлявшейся проф. Таганцевым.

Этот штаб заговорщиков крупной буржуазии, чтобы не испугать мелкобуржуазных «демократов», как это было в Кронштадте, временно спрятал свои собственные лозунги и делал вид, что принимает лозунги: «Советы без коммунистов», «Беспартийные советы», «Ликвидация диктатуры одной партии» и т. п.

«Петроградская боевая организация» проф. Таганцева являлась как бы центральным российским отделением белоэмигрантского Национального союза и других торгово-промышленных и финансовых организаций буржуазии за границей. Проф. Рамзин и его «промпартия» лишь копировали то, что проделал проф. Таганцев 10 лет назад. Его ПБО имела также связи с различными антисоветскими политическими группировками, при чем меньшевики уже в то время очень усердно выполняли роль агентов буржуазии в среде рабочего класса. Перед кронштадтскими событиями и в самый разгар их они вели бешеную антисоветскую агитацию среди рабочих Петрограда. При помощи меньшевиков был создан блок всех враждебных советской власти партий мелкой буржуазии, опиравшийся на контрреволюционное фиктивное «Собрание уполномоченных фабрик и заводов» в Петрограде.

У петроградских меньшевиков того периода были еще связи с отдельными рабочими и даже рабочими группами, чего не оказалось у современной контрреволюционной организации меньшевиков, о чем Громан, Суханов и другие герои недавнего процесса меньшевиков были вынуждены заявить перед всем миром. Десять лет назад меньшевики пытались «играть» на том ужасном экономическом положении, в котором находились рабочие, отбиваясь от нападавших на них белогвардейцев.

Меньшевистская подпольная организация в Петрограде выпустила накануне Кронштадтского мятежа прокламацию¹.

¹ Об этой прокламации упоминает между прочим и лидер немецких социал-демократов—К. Каутский в книжке «Большевизм в тупике» с целью замазать роль Дана в Кронштадтском восстании. Однако, К. Каутский вполне подтверждает, что меньшевики подвели «крестьянских парней в матросских куртках» к открытому мятежу через требование об изменении избирательной системы в советы, выдвигая «тайное голосование» в эти советы и т. п.

¹ Протокол заседания Вр. Рев. комитета 14 марта 1921 г.

² Телеграмма ВЧК (материалы по кронштадтскому восстанию).

**Атака Кронштадта
17 марта 1921. Атакующие
цепи в белых балахонах
подходят к проволочным за-
граждениям**

В этой листовке меньшевики уверяли, что положение рабочих безнадежно и что их тяжелое положение никак не связано с гражданской войной, а все дело в том, чтобы вырвать власть у большевиков, неспособных ни к какой творческой работе, и тогда все будет хорошо. Прокламация эта была написана Даном, теперешним вдохновителем ЦК РСДРП (меньшевиков) в Берлине, который вместе с Абрамовичем снова был раскрыт на недавнем процессе меньшевиков как главный подстрекатель к нападению иностранных держав на СССР.

Как меньшевики пытались втянуть в кронштадтский мятеж петроградских рабочих, видно из текста их листовки, изданной меньшевиками во время кронштадтского мятежа:

«Рабочий класс выдан головой людоедам из Чрезвычайных комиссий... Но хлеба все нет и не будет, пока господствует нынешняя власть... Мало требовать хлеба. Не хлебом одним жив человек. Пора взяться за ум. Пора итти прямо на свержение советской власти... Мы зовем всех, кто хочет России жизни, а не смерти. Пусть объединяются все для общего дела защиты жизни и чести России... Мы требуем выборов в городское управление! Долой советскую власть! Да здравствует учредительное собрание!

Петроградская группа
социал-демократов».

Нагло лжет сейчас Карл Каутский в своей книжке «Большевизм в тупике», заявляя, что меньшевики добивались

в кронштадтские дни лишь «демократизации советов». Прокламация Дана, провокационно заявляя, что хлеба не будет при «нынешней власти людоедов», прямо призывала свергнуть советскую власть.

«Известия кронштадтского ревкома» — орган мятежников — чуть ли не слово в слово писали то же, что и меньшевики в Петрограде.

Петроградский комитет меньшевиков в прокламации от 7 марта 1921 г. сам подчеркивает полное тождество с кронштадтцами, перечисляя требования мятежников и заявляя, что они вполне справедливы и советская власть должна их немедленно удовлетворить, приостановив военные действия.

«Работа» меньшевиков внутри Кронштадтского ревкома и в Петрограде в начале 1921 г. — лишь звенья в той цепи контрреволюционных меньшевистских выступлений против советской власти, которая тянется с первых дней Октябрьской революции до сих пор. В отдельные исторические моменты меньшевистская контрреволюционная работа как бы затихает, уходит в глубокое подполье, но в наиболее острые моменты классовой борьбы она каждый раз снова обнаруживается. Так было в период кронштадтского мятежа, так случилось и теперь, когда международные империалисты, готовят интервенцию. Социалистическое наступление по всему фронту выбивает из-под ног контрреволюционных «левых социалистов» последнюю надежду на реставрацию.

Несколько слов о роли кронштадтского мятежа в деле изменения политики

военного коммунизма и перехода к нэпу. В условиях гражданской войны и блокады советская власть вынуждена была перейти к системе «военного коммунизма», к свертыванию товарооборота. Мы вынуждены были требовать у крестьян сдачи по разверстке всех излишков сверх определенных потребительских норм. Наша же промышленность в условиях разрухи не в состоянии была снабжать промышленными товарами деревню.

Сельское хозяйство переживало упадок, сокращались посевные площади, сильно упало скотоводство. Мелкобуржуазная стихия в этих условиях стала все чаще и сильнее проявлять свое недовольство, которое нашло наиболее яркое выражение в кронштадтском мятеже.

Кронштадт сигнализировал опасность того, что недовольство может использовать и возглавить буржуазная контрреволюция. В плане доклада о замене разверстки налогом, написанном В. И. Лениным в первой половине марта 1921 г. во время восстания в Кронштадте и опубликованном в «Правде» (21/II—1931 г.), особо подчеркнута: «Урок Кронштадта». В. И. на X партсъезде 15 марта 1921 г., указал: «Мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Мы зашли дальше, чем это было политически и теоретически необходимо. Мы можем в порядочной степени сво-

бодный местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата». Предложения В. И. Ленина X съездом партии были приняты в виде резолюции о замене продразверстки продналогом.

Это было началом поворота от прежней системы т. н. «военного коммунизма» к нэпу. Эта политика в своей начальной стадии означала развязывание товарооборота, «допущение оживления капитализма при обеспечении регулирующей роли государства», при сохранении и укреплении командных высот промышленности, транспорта, внешней торговли, национализированной земли и ее недр и т. д. Переходя от «штурма к осаде», для установления правильных взаимоотношений пролетариата и крестьянства, партия пролетариата рассматривала нэп как политику, рассчитанную на победу социализма. «Нэп введен для победы социализма над капиталистическими элементами». (Сталин). Учтя уроки Кронштадта и произведя перегруппировку, допустив известное отступление для того, чтобы лучше подготовить наступление на капитализм, пролетариат сумел за десять лет добиться решающих успехов в деле строительства социализма. На путях нэпа, развертывая последнюю стадию нэпа, ведя наступление по всему фронту, мы вступили сейчас в период социализма, завершаем построение фундамента социалистической экономики.

Группа генштабистов, руководивших операциями против мятежников. В центре т. Дыбенко

ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРВЕНЦИИ

Мы приводим ниже ряд документов из истории интервенции. Документы совершенно отчетливо показывают роль, сыгранную Антантой в организации гражданской войны. Нет ни одного контрреволюционного фронта, возникновение которого не было бы связано с усиленной его поддержкой войсковым и инструкторским составом, финансированием, техническим снаряжением и снабжением со стороны империалистических государств.

Союзники обращались с нашей страной, как с подлинной колонией. В этом отношении очень характерна телеграмма В. А. Маклакова (бывшего посла Временного правительства в Париже): Крым и Украина превращены в сферу французского влияния, Кавказ и Дон превращены в «зону», подчиненную сфере влияния британского империализма. Насколько серьезно было это разделение, видно из шифрованной депеши белогвардейского генерал-квартирмейстера Деникину (документ № 2). Француз настолько Севастополь считали своим владением, что не хотели допускать на рейд английскую эскадру. Для борьбы между двумя империалистическими державами за «перedel» влияний в казавшейся им прочно завоеванной новой мандатной территории характерно то, что англичане, которые стремятся уже в июне 1919 г. «изменить распределение сфер», хотят использовать Деникина, чтобы прибрать в свои собственные руки Крым и Севастополь.

Донесение представителя белогвардейского Дона Г. Карева (док. № 3) сообщает ряд любопытных фактов из истории интервенции на юге и поддержки деникинщины французским и английским империализмом. Донскую делегацию сопровождал до Константинополя «контр-адмирал Бубнов, приписной казак Астраханского казачества, «блестяще владеющий языками». В решающем голосе ему делегация отказала. Но по приезде в Константинополь этот взятый в «поянты» переводчик немедленно получил визу в Париж. Старый царский адмирал, хотя и без права решающего голоса, оказался немедленно допущенным для «представительства Дона», — все остальные члены делегации, хотя и наделенные всеми правами, застряли на долгие месяцы в Константинополе. Делегации «всевеликого войска» удалось, наконец, добиться с величайшим трудом и всего лишь на несколько минут беседы с подлинным хозяином Дона и Кавказа английским генералом Мильнсом, который заявил, что «английское командование решило теперь же отпустить для нужд русских войск боевые, технические и иные средства на армию в 250.000 чел.

Из документа ясно видно, что белогвардейцы давали себе ясный отчет в том, что продолжать борьбу они могут только при условии поддержки их интервенционистами. «Мы снова настойчиво просили главнокомандующего немедленно помочь Дону посылкой хотя бы малого количества войск». Для истории русской контрреволюции важно указание Карева на беседу донской делегации с английским послом Бьюкеном в 1917 г. и заявление последнего о готовности англичан «помочь казачеству». За спиной русской контрреволюции с первых же ее шагов стоял англо-французский империализм.

Нет ни одного контрреволюционного фронта в истории гражданской войны, где бы интервенционистам не принадлежала решающая роль. Прежде всего это относится к северному фронту. Недаром белогвардейский посол Набоков (см. документ № 4) предлагает колчаковскому правительству выразить «благодарность» организатору северной интервенции английскому генералу Айронсальду «за самоотверженную энергию, проявленную генералом и его войсками».

Точно так же в создании северо-западного фронта, в организации похода Юденича на Ленинград приводимые нами до-

кументы доказывают решающую роль Антанты. Телеграмма Гулькевича (в мае 1919 г.), связывающего всю операцию с действиями английского военного флота в Балтийском море, показывает, частью какого плана было нападение англичан на Кронштадтский рейд. Телеграммы Сафонова и Татаринова (документы № 6 и 7) показывают, как организовано было англичанами, французами и американцами снабжение армии Юденича, в том числе снабжение танками и авропланами. Белогвардейский генерал Гермониус был специально командирован с этой целью в Америку. Сафонов сообщает о переговорах по передаче германского оружия Юденичу. Без этой поддержки, само собой разумеется, не мог бы создаться северо-западный фронт, угрожавший одно время Ленинграду.

В такой же мере, как известно, и колчаковский фронт держался поддержкой антантовского империализма. Приводимые нами два донесения колчаковского уполномоченного Романовского (документы № 8 и 9) показывают роль Японии в организации интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке и в поддержке колчановщины. Романовский сообщает Колчаку: «Японское правительство настойчиво поддерживает перед союзниками необходимость признания вашего высокопревосходительства. Военный министр и генеральный штаб категорически заявили, что готовы помогать как войсками, так и оказывать нашей армии материальную помощь» (телеграмма от 26 июня). «Опасаться ослабления японской военной помощи не приходится, — сообщает Романовский в другой депеше, — можно привлечь японцев для дела снабжения армии патронами, порохом, снарядами на условиях широкого кредита».

Мы видим, что японские промышленники были более щедры и уступчивы по отношению к Колчаку, чем сейчас японские рыбопромышленники по отношению к советскому правительству.

Разумеется, так же, как французы и англичане, японские империалисты прежде всего стремились к закреплению влияния в избранной им «зоне» Дальнего Востока. Потому Япония одновременно через своего агента, Семенова, организовывала борьбу против Колчака, стремясь к прочному захвату Приамурья.

В какой мере «союзники» стремились к прочному захвату определенных частей нашей страны, экономически наиболее важных и выгодных для них, в какой степени интервенты хозяйничали в них совершенно так же, как в своих колониях, видно и из последнего приводимого нами документа — донесения белогвардейца Сергеева из Петровска. Интересно это донесение именно как свидетельское показание «с того берега». Для белогвардейцев, сталкивавшихся с интервентами, было совершенно очевидно, что интервенты меньше всего ставят перед собой задачу ограничиться поддержкой контрреволюции, а стремятся к прочному и неограниченному хозяйничанию на занятых ими территориях, превращенных фактически в полуколонии или колонии. Об этом-то и пишет откровенно Сергеев: «Далеко не двусмысленное поведение англичан, желавших как можно дольше высасывать все соки из каспийского водного транспорта и бакинских нефтехранилищ». Из всего письма ясно, что Петровск превратился в чисто английский порт и что англичане перешли на всем Каспии к колониальным методам управления.

Империалисты готовят новую интервенцию, готовят новый раздел «зон влияния». Пролетариат СССР и пролетариат всего мира не допустит прерращения своего социалистического отечества в колонию мирового империализма.

Печатаемые ныне документы взяты из архивов Колчака, Деникина и Миллера.

СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА ПОСЛА В ПАРИЖЕ В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ¹

от 20 марта [1919 г.] за № 506.

Генерал Гермониус просит передать: район действий южных армий разделен

¹ Подразумевается: «омского правительства», т. е. той контрреволюционной организации в Омске, которую возглавлял адмирал Колчак, именовавший себя «верховным правителем России».

на две зоны, восточная английская — Кавказ и Дон, западная французская — Крым и Украина. Так как фактически во французской зоне русских формирований пока нет, то французское военное министерство медлит отправкой снабжения. В английской зоне снабжения идет. № 81. Маклаков¹.

¹ Бывший посол Временного правительства в Париже, продолжавший и в дальнейшем оставаться послом различных контрреволюционных организаций

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА
УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИР-
МЕЙСТЕРА ШТАБА ВОЙСК НОВО-
РОССИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
Екатеринодар 21 июня 1919 г.

Сегодня [в] Севастополе меня посетил командир английского миноносца, который словесно передал мне объяснение командующего эскадрой о причине не прибытия английской эскадры на Севастопольский рейд, о чем я просил три дня тому назад. Он выразил сожаление, что не может выполнить мое желание вследствие принадлежности Севастополя к сфере французского влияния¹, и потому прибытие английских судов к Севастополю явилось бы со стороны англичан нарушением установленных между союзниками сфер влияния по отношению к русской территории. Однако англичане были бы весьма довольны, если явилась бы возможность соответственно изменить распределение таковых сфер, но почин не может исходить от них. Практическая необходимость в присутствии английской эскадры в данный момент на Севастопольском рейде исчезла, но одно сознание, что Крым и, в частности, Севастополь находятся во французской сфере, крайне неприятно, а возможное в силу этого появление французских сил в Крыму, в частности в Севастополе, может принести самые неблагоприятные последствия. Французы, после всего ими содеянного, до крайности непопулярны в войсках корпуса, а также и среди большей части населения Крыма. Поэтому ради самых существенных²... я осмеливаюсь ходатайствовать перед вами о нашем недопущении французов к берегам Крыма и о таком изменении так называемых сфер влияния, чтобы в Крыму приходилось иметь дело только с англичанами и чтобы английская эскадра могла, когда нужно, иметь стоянку на Севастопольском рейде.

Генлейт Добровольский

¹ Сфера влияния англичан на Черном море распространялась от меридиана Ялты на восток, а на запад от Ялты сфера влияния — французская. Эти размежевания создавали постоянные затруднения во взаимоотношениях как между французами и англичанами, так и между Деникиным и французами.

² В тексте пропуск.

ДОКЛАД¹
ВОЙСКОВОМУ КРУГУ ВСЕВЕЛИКО-
ГО ВОЙСКА ДОНСКОГО²

Члена Круга Георгия Ивановича
КАРЕВА

Во второй половине декабря 1918 г. я получил предложение от господина донского атамана принять участие в делегации при С. Д. Сазонове³, отправляемой г. атаманом для участия на международной мирной конференции⁴.

...В Севастополе и Одессе находятся войска союзников⁵. Во время нашего пребывания в Одессе туда привезли греков. Город разукрашен разными иностранными флагами. Впечатление такое, что это не русский город. Союзники забрали в Черном море все русские пароходы, так как вследствие военных потерь они имеют ныне весьма ограниченные перевозочные средства, и теперь без их разрешения никакой груз не может перевозиться в русские порты. Отношение союзников к русским далеко не уважительное... Во время пребывания нашего в Одессе делегация представила французскому командованию записку о положении Дона в борьбе с большевиками и усиленно настаивала

¹ Доклад печатается не полностью, с исключением тех мест, которые не касаются взаимоотношений белых и иностранцев.

² Войсковой круг «всевеликого войска донского» — контрреволюционная организация, возглавлявшаяся генералом Красновым, вначале стремилась получить поддержку от немцев, но после окончания мировой войны пыталась связаться с французами и англичанами. Союзники послали на Дон особую миссию, которая заявила донскому атаману, что союзники помогут ему всеми силами и средствами, не исключая посылки войск.

³ и ⁴ Сазонов, Сергей Дмитриевич, б. мин. ин. д. царской России; после революции был включен вначале в состав министерства ген. Деникина, а позже являлся мин. ин. д. Колчака. Находясь в Париже, он был представителем их обоих и входил в состав так называемого «политического совещания»: организации, состоявшей из бывших послов за границей, которая считала себя представительницей интересов России на международной мирной конференции в Версале в 1919 г., завершившей войну между союзниками и Германией (1914—18 г.), навязав Германии кабальный договор.

⁵ Десант союзников в Одессе относится к декабрю 1918 г. В средних числах декабря 1918 г. в Одессе появился французский консул Энно, объявивший себя главой представительства союзников. Вслед за Энно прибыли военные транспорты. К началу 1919 г., когда командование союзников предприняло серьезные шаги к развитию интервенции, Энно был отозван и на его место назначен ген. д'Ансельм. К концу марта 1919 г. количество иностранных войск в Одессе достигало 70.000 ч. Тогда же в Одессу прибыл французский ген. Франше д'Эспере, командующий военными силами на Востоке, который, опираясь на обещание французского премьер-министра Клемансо прислать в Одессу военные подкрепления, заявил, что союзники Одессы не сдадут. Однако под напором войск атамана Григорьева, перешедшего на сторону советской власти, уже 3 апреля 1919 г. д'Ансельм объявил об эвакуации союзниками Одессы. Поспешный уход французов вызван был также начавшимся брожением среди их войск и, в особенности, среди матросов, во главе которых был Марти.

на посылке войск непосредственно на Дон. При вторичном посещении французского штаба начальник штаба заявил миссии, что уже сделано распоряжение о посылке полка греков на Дон...

4 февраля мы были предварительно у начальника штаба английского главнокомандующего и передали ему свою записку. При этом нам были, между прочим, заданы такие вопросы: 1) знаем ли мы об объединении командования под начальством ген. Деникина, 2) когда мы выехали: до или после объединения командования, 3) знает ли ген. Деникин о нашем отъезде, 4) уполномочил ли нас атаман просить ген. Мильна¹ о помощи и 5) намерены ли мы обратиться также и к французам с просьбой о помощи или только к одним англичанам. Мы ответили на это следующее: 1) знаем, 2) после объединения командования, 3) без ведома Деникина, 4) атаман уполномочил нас просить представителей союзных держав и 5) просим о помощи только одних англичан. Беседа велась через нашего переводчика — русского.

На другой день, 5 февраля, от ген. Мильна нам был прислан автомобиль с офицером и предложением прибыть к нему в 12¹/₄ час. В штабе переводчик — английский офицер — предупредил нас, что главнокомандующий очень занят и может уделить нам только несколько минут. Когда мы затем вошли к ген. Мильну и изложили ему цель нашего посещения, он ответил нам следующее: 1) английское правительство решило иметь сношения только с одним русским генералом — Деникиным и через него сноситься с представителями высшего командования и власти южных областей России, 2) при ген. Деникине имеется для связи высший представитель английского командования в чине командира корпуса, через которого и возможно сноситься, и 3) английское командование уже решило теперь же отпустить для нужд русских войск боевые, технические и иные средства по расчету на 250.000-ую армию. Дон получил необходимые ему средства через ген. Деникина. Мы ответили ген. Мильну, что мы явились вовсе не с тем, чтобы

оспаривать полномочия ген. Деникина, но, тем не менее, должны заявить [что] наша война носит чисто политический характер... На юге России главный враг большевиков — донцы, и донской фронт играет самую важную роль; от положения донского фронта зависит исход борьбы на юге России, а между тем казаки изнемогают в этой неравной борьбе, почему им необходима немедленная и непосредственная помощь. Если нам сейчас не помогут, то Дон может погибнуть и тогда все дело борьбы с большевиками обречено на гибель, ибо без русских сил иностранцам чрезвычайно трудно победить большевиков.

Нам удалось убедить лорда Мильна в правильности наших положений и переменить ту формальную, не отвечающую жизни и интересам дела, точку зрения, на которой он стоял. Конкретно мы просили следующее: 1) назначить особого представителя английского командования при донском атамане, 2) из средств, назначенных для русских войск, отправлять количество, пропорциональное нашим силам, непосредственно на Дон в распоряжение донского атамана и первый транспорт, особенно танки и боевые припасы, послать возможно скорее и 3) немедленно отправить на Дон английские войска. Первые две просьбы лорд Мильн согласился исполнить, определенно заявив, что 1) отдельный представитель будет назначен на Дон и 2) необходимые припасы будут высылаться также непосредственно на Дон. Относительно же третьей нашей просьбы, он сказал, что отлично понимает опасность большевизма и необходимость серьезной борьбы с ним; что он уже писал в Версаль о необходимости послать войска в Россию, но решение этого вопроса задерживается в версальском совете; что теперь он снова напишет об этом и будет настаивать на скорейшем положительном решении. Мы снова настойчиво просили главнокомандующего немедленно помочь Дону посылкой хотя бы малого количества войск — с моральными целями. При этом случае я как член Круга и б. член войскового правительства счел нужным напомнить английскому главнокомандующему, что когда в конце 1917 г. донская делегация

¹ Английский генерал.

была у английского посла в России сэра Бьюкенена, то последний очень благодарил казаков за их верность долгу и союзникам и заявил, что англичане никогда не забудут этой заслуги казачества и оно всегда может рассчитывать в нужде на помощь англичан.

Лорд Мильн обещал написать об этом в Лондон английскому правительству, а с своей стороны сделать все возможное. Между прочим, ген. Мильн задал нам такой вопрос: «К чему стремятся донские казаки и думают ли они образовать отдельное государство?». Мы ответили так: «Донские казаки желают воссоздания единой России. Свое отдельное государство они будут иметь только до тех пор, пока в России не образуется законная, всенародно признанная, а не навязанная военной силой власть; для себя же казаки желают иметь на Дону полную независимость во внутренней жизни (переведено «автономию»).

...Еще за несколько дней до беседы с ген. Мильном, мы отправились к французскому верховному комиссару узнать о причинах нашей долгой задержки здесь. Самого верховного комиссара не оказалось (он в Севастополе), и мы были у начальника его штаба и у заведующего паспортным отделением полковника Фулона...

Член Войскового круга Вс. в. д.
Г. Карев.

6/19 февраля 1919 г.
Константинополь.

СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА
ПОВЕРЕННОГО [В] ДЕЛАХ В ЛОН-
ДОНЕ НА ИМЯ МИНИСТРА ИНО-
СТРАННЫХ ДЕЛ

от 25 апреля 1919 г., № 126. Лично.

В связи с прибытием английских подкреплений на Мурманск и успешным действием войск под командою ген. Айронсайд полагал бы желательным выражение верховным правителем через ген. Миллера благодарности за самоотверженную энергию, проявляемую этим английским генералом и его войсками в борьбе с врагами России. Может быть,

это возможно сделать в форме приказа верховного правителя, который Айронсайд мог бы прочесть своим войскам.

Набоков

ТЕЛЕГРАММА

ПОСЛАННИКА В ШВЕЦИИ САЗОНОВУ, ЩЕРБАЧЕВУ

Совещание¹ в Париже 23 мая 1919 г.
№ 259.

Настоящая телеграмма требует срочных распоряжений (ш)². Насколько самый характер военных событий на эстонско-петроградском фронте позволяет следить за ними, обстановка там представляется в следующем виде. Мы имеем дело со стремительным, смелым, неподготовленным и необеспеченным с флангов и тыла набегом, ставшим возможным лишь на общем фоне совокупности событий, разыгрывающихся вокруг столицы. Разумею: русское наступление на Повенец, карельский поход, финскую угрозу со стороны Белоострова и попытки большевиков эвакуировать столицу из-за Колчака. Руководителями экспедиции являются несколько кавалерийских офицеров (Булат-Балахович, Родзянко). Само предприятие — продукт созревшего убеждения в полной невозможности при помощи союзников в сколько бы то ни было определенном времени наладить дело организованно и всесторонне обеспеченным. События стихийно разворачиваются сами собой. Поспеть влить в них организованность нельзя. Исходя из этих соображений, придаю первостепенное значение срочному включению в особые инструкции адмирала Козень, командующего английским флотом в Финском заливе, ныне защищающим финские и эстонские берега от большевистских судов, двух пунктов: 1) предписания ему на случай занятия русским отрядом столицы иметь стоянку в Кронштадте, в виду громадного морального значения присутствия союзного флота для закрепления неподготовленного успеха и 2) предписания ему быть готовым эвакуировать

¹ Там называлось «русское политическое совещание» в Париже, см. прим. на стр. 68 к слову «Сазонсв».

² Шифром.

русско-эстонский отряд, в случае если вследствие удара ему во фланг он будет сброшен к морю. В случае если вам удалось бы добиться от союзников этой косвенной нам услуги, быть может, они согласились бы также, имея ее ввиду, соответственно усилить состав ныне оперирующей в Финском заливе эскадры, не ставя последнего в прямую связь с активными действиями против Петрограда ¹.

Г у л ь к е в и ч

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ПЕКИНА ОТ ПОЛКОВНИКА ТАТАРИНОВА

получена 11 августа 1919 г.

Передаю телеграмму военного агента в Англии: «Передайте Токио военному агенту телеграмму Геруа для генерала Головина:

Хотя Черчиллю удалось отстоять кредиты на военную помощь ², но, вынужденный сократить ее, он решил снабжать одну армию Деникина, передав снабжение других групп американцам. Имею основание полагать, однако, что англичане дадут Юденичу ранее обещанное, чего и будут добиваться. Пока Юденич продолжает нуждаться во всем. Участие финнов после невыбора Маннергейма отпадает, но силы Юденича, превышающие 60000, достаточны для наступательной операции, если дадут вооружение и снабжение. Хлопочу получить танки и аэропланы, что обещано. Обстановка осложнилась. Гермониус предполагает ехать в Вашингтон. Номер 144, Геруа. Номер 1685, Генерал Ермолов». 445.

Т а т а р и н о в

СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ИЗ ПАРИЖА

от 15 сентября 1919 г. № 2251 — 176.

Прошу доложить верховному правителю: прилагаю все усилия к снабжению Юденича всем необходимым, по-

¹ В ночь на 18 августа 1919 г. английскими катерами была произведена атака на Кронштадтский рейд. Катерами была потоплена база подводных лодок «Память Азова» и подорван линкор «Андрей Первозванный». Атаке предшествовала воздушная бомбардировка Кронштадта.

² Эта военная помощь белым, по свидетельству английского военного министра Черчилля, обошлась Англии в 100 млн. ф. ст., то есть около миллиарда рублей, а Франции между 30 и 40 млн. ф. ст.

стоянно настаивая как через наше посольство [в] Лондоне, так и чрез здешнюю английскую военную миссию на скорейшей и более широкой помощи со стороны Англии. В виду того, что осложняющееся внутреннее положение создает в этом отношении великобританскому правительству все большие затруднения, пришлось обратиться и к другим источникам. Некоторое количество вооружения удалось получить от Франции, но перевозка его задерживается вследствие трудности найти здесь тоннаж. По предварительном обсуждении вопроса со здешними американскими представителями мной был послан в Америку генерал Гермониус в надежде наладить доставку оттуда главных предметов обмундирования. Кроме того мы обратились к союзникам с просьбой выдать нам часть подлежащего передаче им по версальскому миру германского оружия, которое могло быть перевезено Юденичу сравнительно легко в виду близкого расстояния. На это обращение до сих пор окончательного ответа еще не получено, но переговоры продолжают. Копия в Стокгольм.

С а з о н о в

ТЕЛЕГРАММА ОМСК АДМИРАЛУ КОЛЧАКУ из Владивостока принята 27/6 1919 г.

Японцы встретили меня крайне любезно. Здесь наблюдается серьезное стремление установить хорошие отношения [с] Омском, и японское правительство настойчиво поддерживает перед союзниками необходимость признания вашего высокопревосходительства. Военный министр и генеральный штаб категорически заявили, что готовы помогать как войсками, так и оказывать нашей армии материальную помощь. Союзные послы также уверены, что японцы будут поддерживать порядок на Дальнем Востоке. Начальник генерального штаба заявил мне, что с момента признания правительства ¹

¹ Адм. Колчака. В действительности Япония придерживалась двойственной политики по отношению к Колчаку. С одной стороны, она внешне признавала его власть, с другой — вела с ним борьбу посредством своих агентов, главным обра-

необходимо будет оформить условия prolongации этой помощи, но я хотел вновь переговорить на эту тему. Ввиду особой важности вопроса подхожу к нему крайне осторожно и дал японцам высказаться первыми. По семеновскому вопросу¹ японцы высказали полную готовность помочь устранить наиболее нежелательных его сотрудников. Полагаю, что на них может указать Хорват. Достигнуто соглашение совместной работы нашей контрразведки [в] борьбе [с] агентами большевиков. Заявил пожелание скорейшего назначения японского полномочного представителя [в] Омск. Полагаю, что это легко достигнуть, если поднять вопрос этот одновременно [в] Омске. Считаю крайне нужным наладить дело широкой информации [о] наших делах посольства, военной агентуры, дабы влиять [на] общественное мнение Японии. [В] общем считаю пока атмосферу здесь нам вполне благоприятной. 2 июня, № 839. Токио. Романовский и²

ТЕЛЕГРАММА ОМСК НАШТАВЕРХ КОПИЯ МИНДЕЛ СУКИНУ

Японцы энергично настаивают перед союзниками [на] скорейшем признании правительства, [в] зависимости [от] чего находится окончательное разрешение вопросов, указанных [в] данных мне инструкциях. Однако независимо [от] сего опасаться ослабления японской военной помощи не приходится, ибо здесь здраво разбираются [в] общей опасности большевизма. Военное министерство, вероятно, на-днях выскажет определенно [по] этому вопросу. Можно привлечь японцев [для] дела снабжения армии

зом, атамана Семенова, которому она помогала оружием, деньгами и своим влиянием в его борьбе с Колчаком за «всероссийский» или, по крайней мере, за «всесибирский» престол. Цели, которые преследовала Япония в этой борьбе двух контрреволюционеров, заключались в том, чтобы, воспользовавшись Семеновым как прикрытием, захватить Приморье, Приамурье и Забайкалье, чему препятствовали другие заинтересованные в делах Дальнего Востока державы, в особенности САСШ, опасавшиеся чрезмерного усиления Японии на Дальнем Востоке.

¹ См. прим. 1. Борьба Колчака с Семеновым («семеновский вопрос») закончилась тем, что Колчак вынужден был под давлением Японии уступить и назначить Семенова помощником командующего войсками приамурского округа, т. е. фактически создать для Японии важный опорный пункт для настойчивого проведения политики захвата дальневосточных областей нашей страны.

² Ген. Романовский являлся уполномоченным Колчака в Японии по вопросам, связанным с привлечением Японии к снабжению армии Колчака боевыми припасами.

патронами, порохом, снарядами на условиях широкого кредита. Предполагаю, если понадобится [в] интересах дела, продлить пребывание здесь дней на десять, но прошу, ввиду чрезвычайной необходимости устроить ответный обед военным, увеличить отпущенный мне кредит еще на тысячу иен через военного агента. Видел два раза американского посла Морриса. Повидимому, под давлением доктора Тейслера и особенно Гарриса, который ныне играет большую роль [в] смысле информации, первый значительно изменился в лучшую для нас сторону. Вообще, если не произойдет неблагоприятных перемен на фронте, общая обстановка пока складывается для нас благоприятно. Токио, 8 июня [1919 г.], № 880.

Р о м а н о в с к и й

В МОРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ 1919 г.¹

...Мы уже загнездились в Петровске, не взирая на все козни англичан. Охрана рейдов в наших руках. Во главе кап. II ранга Апушкин. У него брандвахта «Мануфактура» (не правда ли, неприличное название) под синим флагом с андреевским в крыже, затем моторные катера: «Успех» на 5-6 узлов, в моторах сработался белый металл, ремонтируется после моего перехода из оп. пункта (Старо-Теречный), поставили на него пару пулеметов; «Петровск» — хороший большой катер на 12 узлов, мелкосидящий, удобно было бы на нем установить 75-м.м. ор. на корме и пару 47-м.м. с носу (только пушек нет), стоял пока без движения, недели через две заходит; есть еще три катера на ходу. Охрана уже дала кое-какие практические результаты.

Переброска броневиков и вооружения уральцам в Гурьев, произведенная не взирая на халатное конвоирование англичан на пароходах «Самет-Ага» и «Эдиссон», укомплектованных нашим составом под общим начальством кап. I ранга Пышнова, тоже большой плюс. Первый из двух пароходов уже благополучно

¹ Письмо начальника каспийской военной флотилии капитана I ранга Сергеева.

вернулся, а за второй очень беспокоюсь.

Отчего мне до сих пор не присланы результаты совещания Мильна с Деникиным, поскольку это касается Каспия? Ведь только зная эти результаты, возможно добиться чего-нибудь от англичан, каковые пока строят из себя «душек».

Здесь в Петровске работают большевистские агенты. Кое-кого мы уже успели подарестовать. Комендант города руссофоб полковник Магометов — негодяй, которого давно пора арестовать, но Пржевальский церемонится. Старик совсем одряхлел. Пора на покой. Власть надо передать нам или назначить военного губернатора. Радио в Александрийской (Коназ) сегодня заработало. Слава богу. Надо еще достать наши станции в Ашуре-Аде и в Энзели. Думаю поручить это «Самет-Ага», после недельного ремонта его в Баку. Очень сложны сношения с англичанами. Норрис все время будет отговариваться отсутствием инструкций от Сеймура. Вот с этим последним и надо было адмиралу непосредственно сговориться и просить дать категорическое приказание Норрису. В местных газетах появляются диаметрально противоположные сведения о политических соглашениях, имеются даже такие, что нас выгоняют за Сулак.

Необходимо, чтобы нас чаще и лучше информировали.

Устройство опорного пункта в Старо-Теречном и строгая работа нашей охраны в Петровске заставляют большевиков искать других мест высадки. Сегодня ночью приходит Норрис, завтра утром думаю с ним переговорить и, может быть, завтра же на «Самет-Ага» пойду в Баку. Ожидать чего-либо определенного от переговоров и от поездки не могу, ибо местные английские власти отговариваются отсутствием инструкций от адмирала Сеймура.

Невероятно сложная политическая обстановка, далеко недвусмысленное поведение англичан, желающих как можно дольше высасывать все соки из каспийского водного транспорта и бакинских нефтехранилищ, враждебные нам Дагестан и Азербайджан, слабость Пржевальского — вот при каких условиях приходится работать. Сюда нужно влить много денег и начать платить торговому порту, таможне и другим учреждениям, перешедшим на иждивение к англичанам и горцам. Все надо взять опять в свои руки...

1919 г. 1/V Порт-Петровск.

А. Сергеев

¹ Так в подлиннике.

Тройка.
Плакаты Дени

УКРАИНА И ФРАНЦИЯ

ЗАПИСКА ВОЕННОЙ МИССИИ ГЕН. ТАБУИ В КИЕВЕ¹

В момент, когда весь север России попал под большевистский режим, что означало анархию, социальную и военную дезорганизацию, полное бессилие перед Германией и, как следствие этого, очень близкий мир, естественно было, что Франция и ее союзники стремились с этого момента поддерживать различные автономные группировки, которые организовались на юге России: Украину, Бессарабию, казачьи области, Кубань, Кавказ. Хотя и в этих областях в значительной мере наблюдалась политическая, социальная и военная дезорганизации, но можно было надеяться, что здоровые элементы смогут остановить развитие анархии, перестроить на новых основах, организовать на федеративных началах новую Россию, которая имела бы решимость, если не продолжать активную борьбу, то, по крайней мере, сопротивляться врагу и отклонить позорный мир. Все это могло бы привести к сохранению России для будущего и служило бы интересам союзников.

Украина представляла для нас совершенно исключительный интерес своим значением, своим географическим положением и богатствами сельскохозяйственными и промышленными. Было необходимо срочно поддержать Украину для того, чтобы она могла образовать

блок с Румынией против главного врага. Ген. Бертелло и граф Сент-Олер имели намерение уже в момент провозглашения украинской республики (7/20 ноября) послать в Киев нескольких офицеров, откомандированных от французской миссии в Румынии, и поручить им внедрить на Украине французское влияние и сотрудничество с украинскими главарями в военной и экономической областях. 20 ноября комендант Денц был командирован в Киев. Полковник Маршаль, подполковник Шанпен и несколько других офицеров прибыли в Киев 6 декабря. На следующий день прибыл в этот город ген. Табуи, прикомандированный к группе армий юго-западного фронта, который через некоторое время был назначен шефом миссии в Киеве. Все они вместе с офицерами, приехавшими из Ясс, к которым присоединилось несколько офицеров из миссии в России, составили французскую миссию на Украине.

Одновременно ген. Бертелло отправил в казачьи области полковника Гущера и несколько офицеров. Некоторое время группа французских офицеров уже находилась в Одессе, во главе с Аркье; несколько позже другая группа была организована в Бессарабии, в Кишиневе, с лейтенантом-полковником д'Албиа.

Офицеры, приехавшие из Румынии, имели очень точные инструкции: делать все для того, чтобы помешать или

¹ См. ст. Б. Штейна «Первый этап французской интервенции на Украине». Документ печатается в сокращенном виде.

замедлить заключение мира, внушить доверие Украине, предложить ей помощь Франции.

Комендант Денц наметил первые ве- хи нашей политики и вошел в сношения с членами правительства и ответственными лицами различных национальностей, находившихся в Киеве (поляками, чехам и, сербам и т. д.). Его первые телеграфные донесения в Яссы давали довольно благоприятное впечатление о ситуации с известной, быть может слишком оптимистической, тенденцией.

Ген. Табуи со своим генеральным штабом обосновался в Киеве на следующий день после того, как Украина, следуя примеру северного и западного фронтов, заключила перемирие. Настроенные французских офицеров было несколько подавленное, заключение мира подорвало с самого начала то доверие, которое они готовы были оказать Украине.

Ген. Табуи полагал, что заключение перемирия диктует ему впредь до новых инструкций благоразумную сдержанность по отношению к правительству; он запросил, должно ли это обстоятельство изменить первоначальные инструкции; ожидая ответа, он прервал и велел прервать все официальные сношения с министрами.

12 декабря пришли инструкции из Ясс: ген. Бертелло сообщал, что согласно приказу, полученному из Парижа, французские офицеры, находящиеся на всей территории России, будут впредь зависеть не от главы миссии в России, а от главы миссии в Румынии. Политические инструкции ген. Табуи будут получать от гр. Сент-Олера при посредстве ген. Бертелло. Политические инструкции, сообщенные этого же числа, были следующие: «Перемирие не означает мир; Румыния была вовлечена в перемирие не столько по своей воле, сколько силою вещей и по инициативе ген. Щербачева; она не могла не подписать перемирия, когда все его подписывали, но она, повидимому, решила продолжать войну. Таким образом, необходимо со всей энергией продолжать намеченную работу: стараться выиграть время, задерживать мир, использовать

все средства для политической и военной организации здоровых элементов юга России».

Несколько позже другие инструкции сообщили, что с точки зрения дипломатической Франция и Англия разделили юг: Франция получила в качестве зоны влияния Украину, Бессарабию и, сверх того, Румынию; Англия в качестве зоны влияния — казачьи области, Кубань, Кавказ.

В силу этих инструкций ген. Табуи сделался формальным полномочным представителем держав Антанты на Украине, все представители других государств были ему подчинены, поскольку это касалось проведения данной политики.

Выше мы говорили о впечатлении, вызванном известием о перемирии между Украиной и Румынией. Необходимо сказать, что несколько дней спустя после нашего приезда в Киев плохое впечатление, возникшее у нас благодаря этому событию, несколько ослабилось после того, как украинское правительство объяснило в «ноте послам союзных держав в Петрограде» мотивы, по которым оно подписало это перемирие. Оно объявило, что остается на стороне западных держав и хочет не сепаратного, а всеобщего мира (12 декабря 1917 г.).

После восьми дней бездействия и некоторой сдержанности позиций, использованных, прежде всего, для организации миссии, возобновились ежедневные сношения между французскими офицерами в Киеве и членами правительства. Этим последним ген. Табуи говорил: «Франция и союзники очень хорошо расположены к вам; они доверяют Украине, которую намерены скоро признать официально; они готовы оказать ей возможную помощь; я уполномочен обсудить с вами ваши потребности и возможность их удовлетворить».

Вопреки нашим надеждам министры не приняли безоговорочно этих предложений. Они ответили: «Сначала признайте нас, а после этого мы будем работать вместе». Казалось, они не понимали, что события, которые развертываются в России в продолжение многих месяцев, подсказывают союзникам необходимость известной осторожности и что прежде, чем признавать официаль-

но Украину, Франция, естественно, ставит под некоторое сомнение ее искренность и требует гарантий.

Ответ, данный украинским правительством, не помешал французским офицерам из миссии продолжать общую работу с таким расчетом, чтобы в момент, когда будет объявлено об официальном признании, можно было бы без потери времени начать деятельное сотрудничество с Украиной.

Ген. Табуи во всех своих телеграммах, во всех донесениях настаивал на срочности официального признания Украины, так как, если этого не произойдет, Германия ее признает и возьмет под свое покровительство.

С другой стороны, ген. Табуи думал, что был большой смысл признать (и при том возможно скорее) Украину в границах, не определенных до конца, чтобы ничем не связывать себя в этом вопросе и сохранить свободу в будущем, поскольку речь идет о Польше, Румынии и казаках. Правильный подход к русской ситуации — и все об этом думали — заключался в том, чтобы сразу же после того, как события приняли дурной оборот, призвать японцев¹. Это можно было бы сделать сразу после бегства из Галиции, но и в декабре 1917 г. еще было время для этого. Не нужно думать, что такое решение было бы неприятно русским. Они склонились бы перед японской силой и притом легче, чем перед силой германской или австрийской.

31 декабря ген. Табуи получил сообщение, что он назначен комиссаром французской республики при украинской республике. Это не было официальным признанием, но украинское правительство считало, что это назначение равносильно признанию и молчаливо это приняло. Украинское правительство восприняло эту новость с удовольствием, но без энтузиазма. Было известно, что украинская политика вопреки нам была уже определена в направлении, по которому мы были бес-

¹ Антантовские империалисты, как видно из этого открытого заявления, с самого начала уже в 1917 г., решили вооруженной силой подавить Октябрьскую революцию. Так как продолжалась еще война и французские войска заняты были на фронте, они намерены были использовать японцев. В 1918 г. были использованы, как известно, чехо-словаки.

сильны следовать за ней. Было ли возможно сделать лучше и могло ли более быстрое признание изменить это направление? Я этого не думаю.

Из ноты послан от 12 декабря, из различных деклараций членов правительства, сделанных в это же время, казалось совершенно точно установленным, что Украина идет с нами против центральных держав и что она не хочет ничего кроме всеобщего мира. Однако необходимо сделать различие между внешними декларациями правительства и его тайными проектами. В действительности у правительства в декабре уже не было единодушия.

Какова могла быть политика французской миссии в Киеве в среде различных украинских партий? Сначала поддерживать партию молодых украинцев, явно франкофильскую, затем воздействовать на колеблющихся, на всех тех, кто не подвергся полному разложению, благодаря немецкой пропаганде и деньгам. Прежде всего необходимо было убеждать, что Германия не является победительницей, что в действительности она разбита или находится на пути к этому, о чем в России никто не догадывался.

Что касается торговли, то мы пытались им доказать, что они ошибаются: Германия возьмет их хлеб, но она бессильна дать им в обмен то, что им необходимо. Настроение, которое преобладало к концу года, — это настроение бессилия и, вследствие этого, страха.

Одна идея была выдвинута подполковником Шампеном: «Мы не можем помешать Украине заключить мир, — говорит он, — но мы должны напрячь все усилия, чтобы этот мир не слишком нарушал наши интересы; в частности, мы должны запретить впредь до заключения всеобщего мира всякую торговлю между Украиной и центральными державами».

Безусловным фактом является то, что около 10 января наше влияние в Киеве, столь значительное, стало падать. Вначале отношения с министрами были сердечные, они, быть может, были не вполне искренни, но они обещали нам ничего не делать против нас. После 10 января положение вещей меняется.

Министры проявляют по отношению к нам подчеркнутую осторожность; 4-й универсал, появившийся около 25 января, провозглашает принципы, абсолютно противоположные тем, которые вначале служили базой наших разговоров. Эти новые принципы: полная независимость Украины, немедленный мир с центральными державами.

Когда стало видно, что министерство принимает определенно австрийскую ориентацию, ген. Табуи стал думать только об одном, как свергнуть это правительство и заменить его правительством более благоприятным для наших интересов. Для этого он опирался на партию младоукраинцев, которая, казалось, могла дать ему все гарантии. Среди элементов наиболее влиятельных в этой партии назовем Маркатуна, гроссмейстера франкмассонов, ген. Скоропадского, главу вольных казаков и его адъютанта Кочубея. Киевские франкмассоны с нами связаны. Их мечта была добиться соединения их лож с французскими ложами, и они рассчитывали на нас, чтобы добиться этих результатов. Партия младоукраинцев хотела поставить во главе Петлюру. Что касается ген. Скоропадского, то он был в тесных отношениях с самостийниками, партией полной независимости Украины, но Украины, оставшейся с союзной Францией. Эта партия мечтала о союзе Украины с Австрией против Германии, о союзе, в который она хотела бы втянуть и западные державы. Однако, так как мы категорически отвечали, что считаем совершенно невозможным отделять Австрию от Германии и что со всех точек зрения

Франция не может менять свою политику с сегодня на завтра, ген. Скоропадский отказался от этой идеи австрийской политики и усвоил целиком точку зрения младоукраинцев.

В конце января разразился министерский кризис, довольно неприятный. Он совпал с 4-м универсалом, который явился декларацией нового правительства: полная независимость Украины, обещание немедленного мира, политика подчеркнутой демагогии.

В этот момент ген. Табуи получил уведомление об официальном признании Украины французским правительством. Однако именно в этот момент мы знали абсолютно достоверно, что украинское правительство готово заключить договор с центральными державами и предать союзников. Вот почему ген. Табуи считал, что не время доводить до сведения украинского правительства решение французского правительства, так как это не Украина, которую Франция и Англия хотели признать. Мотивы, в силу которых Табуи отложил сообщение о признании, были убедительны, а потому были одобрены. Французское правительство прибавило, что если Украина подпишет сепаратный мир, Франция и союзники прервут дипломатические отношения с ней.

Этот мир был подписан в день, когда большевики вошли в Киев. 12 февраля было получено сообщение, что украинцы возвращаются в Киев при поддержке австрийских армий. В этих условиях дальнейшее пребывание ген. Табуи в Киеве сделалось невозможным.

ОНИ НЕ МОГУТ ПЕРЕВАРИТЬ ТОГО ЧУДА, ЧТО РАЗОРЕННАЯ СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ПОБЕЖДАЕТ ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ГОСУДАРСТВА, КОТОРЫЕ СИЛЬНЕЕ ЕЕ. ОНИ НЕ ПОНИМАЮТ ТОГО, ЧТО ВСЯ СИЛА ЭТИХ ПОБЕД ЕСТЬ ОСНОВНОЕ УЧЕНИЕ КОМУНИСТОВ, КОТОРОЕ ГОВОРИТ, ЧТО СОБСТВЕННОСТЬ РАЗЪЕДИНЯЕТ, А ТРУД СОЕДИНЯЕТ.

Л е н и н

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ, НУЖНО
ПОНЯТЬ ВСЮ ГЛУБИНУ ИСТОРИИ
СТАРОВОГО БУРЖУАЗНОГО МИРА.

Ленин

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

О РУССКОМ ФЕОДАЛИЗМЕ, ПРОИСХОЖДЕНИИ И ХАРАКТЕРЕ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ¹

I

Может показаться, что вопрос о русском феодализме и о самодержавии является весьма мало актуальным после 1917 г. В феврале этого года было низвергнуто самодержавие, а Октябрьская революция выкорчевала окончательно последние корни феодального режима в той части нашей страны, где масса населения говорит на русском языке. Так что о «русском» феодализме говорить с тех пор как будто не приходится. Если советской власти в более позднее время случалось иметь дело с остатками феодализма, то это было, преимущественно, в Азии, а не в Европе, и эти остатки с «русским» феодализмом исторически не имели ничего общего. Во всяком случае, они не имеют никакого отношения к спорам марксистов и буржуазных историков о том, существовал в России феодализм или нет. Любой буржуазный историк, отрицающий наличие феодализма в России, не станет спорить, что в Азербайджане, например, до революции существовали феодальные отношения.

Мы сейчас увидим, только ли это соглашаются уступить нам буржуазные историки или они в своих уступках идут гораздо дальше. Но сначала кон-

чим вопрос об актуальности. Не стану скрывать, что до 1922—24 гг. и мне самому вопросы о русском феодализме и о самодержавии казались порешенными раз навсегда. Но в 1922 г. Троцкий выпустил свою книгу о 1905 г. и в предисловии к ней почти слово в слово повторил то, что говорил о происхождении самодержавия Милюков в своих «Очерках». А в 1924 г. по целому ряду пунктов — не во всем, правда, — к Троцкому присоединился т. Слепков.

Сначала мне показалось это случайностью — плодом фактической неосведомленности этих авторов. Я и принялся их, довольно наивно, поправлять, объясняя, как обстоит в действительности дело. Но уже в полемике с Троцким 1922 г. мне моя наивность стала ясна. Из ответов Троцкого было совершенно очевидно, что речь может идти не о случайной фактической ошибке, а только об известном мировоззрении, тесно связанном с практической политикой Троцкого. Последний так прямо это и сказал: с моим, говорил он, пониманием русской истории стоит и падает мое понимание Октябрьской революции и все прогнозы, какие я на этот счет делал. тов. Слепков такой декларации не сделал но это служит только лишним доказательством эклектичности всей его позиции. Он кое-что взял у Троцкого

¹ Эта заметка представляет собою сжатое изложение заключительных слов трех семинаров по истории народов СССР в ИКП истории и права: 20/XI и 24/XII 1930 и 16/II 1931 г.

М. Н.
Покровский

кое-что прибавил от себя, но и то и другое одинаково шло наперерез той концепции русской истории, какую до тех пор мы привыкли называть марксистской.

Так как политические ошибки и Троцкого и т. Слепкова давно выяснены, то нет никакой необходимости заниматься здесь критикой их общих установок. Но поскольку в числе их аргументов видное место занимают аргументы от истории, этих последних аргументов постоянно приходилось касаться. Тем более, что, во-первых, троцкистско-слепковское понимание русской истории имело известный успех, и их аргументация повторялась и продолжает повторяться в различных докладах, тезисах и т. д., а во-вторых, с легкой руки т. Слепкова это направление начало выступать как ортодоксальный ленинизм (Троцкий этого не делал — он признавал, что его концепция противоположна ленинской). При помощи выдернутых из контекста отдельных фраз Ленина, иногда даже слегка «подправленных» (смазан конец, опущено начало и т. п.) старались создать

у читателя представление, что Ленин якобы так же смотрел на русскую историю, как т. Слепков, и что, во всяком случае, та схема, которую принято называть марксистской, не имеет ничего общего с учением Ленина.

Спор о том или ином понимании русской истории превращался, таким образом, в спор о том или ином понимании ленинизма: уже этого одного достаточно, чтобы придать этому спору величайшую актуальность, как бы далеки ни были от наших времен те факты, на которые в этом споре приходится ссылаться. Ибо правильное понимание русской истории может опираться только на понимание ее Лениным: если уж Троцкий не соглашался пожертвовать своей схемой, раз она составляла часть его мировоззрения, то как же мы, ленинцы, можем выкинуть из нашего мировоззрения ленинскую историческую концепцию?

II

Та концепция русской истории, которую я выше назвал марксистской,

в основном, конечно, никогда не расходилась с ленинской — иначе был бы совершенно непонятен отзыв Владимира Ильича о «Русской истории в самом сжатом очерке», книге, где в очень популярной — именно поэтому очень заостренной — форме эта концепция изложена. Но совершенно ясно, что в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старые изложения этой концепции звучали весьма не по-ленински, а иногда были попросту теоретически малограмотны. Так, например, безграмотным является выражение «торговые капитализм»: капитализм есть система производства, а торговый капитал ничего не производит. «Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, то есть равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества... Денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительской стоимости»¹.

Но в основе всей общественной структуры лежит именно производство. «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»². Ничего не производящий торговый капитал не может определять собою характера политической надстройки данного общества: вот отчего совершенно неправильной является формулировка самодержавия как «торгового капитала в мономаховой шапке». Как бы велико ни было в ту или другую эпоху влияние

торгового капитала (громкость этого влияния в известные эпохи признают, как мы увидим дальше, и Маркс с Энгельсом, и Ленин), все же характер политической надстройки определяется производственными отношениями, а не обменом; мономахова шапка есть феодальное украшение, а не капиталистическое.

Нет никакого сомнения, далее, что мои старые формулировки грешат иногда смешением этого самого «торгового капитализма» с «товарным производством». Правда, опасность этого смешения я понимал еще, когда писал «Русскую историю с древнейших времен», то есть лет 20 назад, и местами делаю соответствующие оговорки, но недостаточно четко и недостаточно часто. Отсюда обычные недоразумения: объяснять, например, усиление феодальной эксплуатации крестьян в конце XVI в. влиянием «торгового капитала». Самый-то факт усиления феодальной (или рабовладельческой) эксплуатации под влиянием не торгового, но ростовщического капитала давно дан, в виде общей схемы, Марксом.

«Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт поедается феодалом и его челядью и во власть ростовщика попадают рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на рабочего. Обремененный долгами рабовладелец или феодальный сеньор высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают. Или же он в конце концов уступает свое место ростовщику, который сам становится землевладельцем и рабовладельцем, как всадники древнего Рима. На место старого эксплуататора, эксплуатация которого носила более или менее патриархальный характер, так как являлась, главным образом, орудием политической власти, выступает жестокий, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется»¹.

По существу те факты, которые я привожу в «Русской истории», великолепно укладываются в эту схему Маркса.

¹ «Капитал», т. III, ч. I, стр. 312.

² «Нищета философии», изд. ИМЭ, 1928, стр. 106.

¹ «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 137.

Но торговый капитал тут непричем или почти непричем (поскольку главный ростовщик того времени. монастыри занимались попутно и торговлей в крупных размерах). Рынком сельскохозяйственных продуктов торговый капитал завладел лишь гораздо позже.

Наконец, не приходится и этого скрывать, в первых редакциях моей схемы был недостаточно учтен и факт относительной независимости политической надстройки от экономического базиса — позабыты были слова Энгельса: «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Сила (то есть — государственная власть) это есть точно так же экономическое могущество» («Die Gewalt (das heisst die Staatsmacht) ist auch eine ökonomische Potenz») ¹. «Экономический материализм» не был еще мною изжит на все сто процентов, когда я писал и «Русскую историю», и «Очерк истории культуры», и даже «Сжатый очерк». Вы увидите, как мне придется теперь на этих же словах Энгельса настаивать (в другой комбинации их повторяет и Ленин), отстаивая мою схему в ее окончательном виде.

Свободна ли эта «окончательная» схема от ошибок? Никак не могу этого обещать. Она свободна от тех ошибок, которые я успел заметить и исправить, но могут быть ошибки, которых я еще не заметил. Моим утешением служит то, повторяю, что в основном, схема не была антиленинской уже с самого начала, когда еще в ней присутствовали все перечисленные выше безграмотности. В исправлении этих безграмотностей мне чрезвычайно помогли семинары ИКП, но очень мало мои противники. Тут французская поговорка, что «от столкновения мнений рождается истина», совершенно не оправдалась. За единственным исключением «торгового капитализма» я от своих противников ни в чем никаких полезных указаний не получил. Вместо того чтобы от Маркса и Ленина критиковать мои ошибки, они занимались доказательством совершенно недоказуемых вещей, либо вроде того,

что к возникновению русского самодержавия и абсолютизма вообще торговый капитал не имел никакого отношения, либо того, что самодержавие представляло не торговый, а промышленный капитал (оно не представляло, разумеется, прямо ни того, ни другого), либо того, что феодальные методы продукции исключали всякую возможность товарного хозяйства, либо того, что у нас феодализма вообще не было, а была какая-то особая формация «крепостного хозяйства». В основе всего этого лежало чисто метафизическое, антидиалектическое представление о том, что в каждой данной стране в каждый данный период должна безраздельно господствовать какая-нибудь одна система хозяйства, — раз показываются признаки какой-нибудь другой системы, значит, вся схема неверна. Отсюда погоня за «чистым» империализмом, «чистым» феодализмом и т. д. Позабыта была маленькая вещь — то, что по Ленину составляет «душу живу» марксизма: «учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии» ¹.

Все относящиеся сюда вопросы рассматривались на семинарах ИКП конца 1930 г. — начала 1931 г. в порядке тех тем, которые обсуждались на том или другом семинаре. В таком порядке шли и «заключительные слова». Но так как стенограмма этих последних, до такой степени неудовлетворительна, что напечатать ее оказалось невозможно, пытаться воспроизвести дававшиеся объяснения в том именно порядке, в каком они давались на семинарах, значило бы задать себе лишний и совершенно ненужный труд. Я предпочитаю, поэтому, давать вопросы и ответы в логическом как порядке, они вытекали один из другого.

III

Но прежде всяких вопросов необходимо прежде всего сказать два слова о самом термине «феодализм». Он имеет разный смысл в исторической литературе и в марксистской теоретической литературе. Для последней феодализм есть общественно-экономическая ф о р-

¹ «Письма», перев. Адоратского, стр. 313, изд. 1923 г.

¹ «О некоторых особенностях исторического развития марксизма», соч. т. XV, стр. 71. Разрядка моя. М. П.

м а ц и я, характеризующаяся определенными методами производства. Для историков феодализм не только это, а еще и определенная политическая система, известная форма государства. У меня, поэтому, в определение «феодализма» введены и политические признаки: связь государственной власти с землевладением и иерархия землевладельцев.

Почему буржуазные историки берут феодализм с политического конца, это не требует объяснений. Но почему и марксистам «русским историкам» пришлось отчасти подчиниться этой постановке, это объяснить нужно. Дело в том, что господство у нас в старину феодальных методов продукции буржуазные историки не оспаривали. Не кому другому, как Виноградову, принадлежит известное определение, что «в XIII в. от берегов Темзы до берегов Оки господствовала одна и та же система хозяйства». Тут с ними не о чем было спорить. Но они утверждали, что политические плоды у нас эта система не дала, что у нас на основе феодальных методов производства развилось не феодальное государство, как во Франции, Англии или Германии, а совершенно особый тип надклассовой власти, объединявший все общество, без различия классов, на задаче обороны страны от внешнего врага. В этом-де основное «своеобразие» русского исторического процесса. Чтобы проложить дорогу марксистскому пониманию царизма как феодальной по своему происхождению власти, и приходилось уделять так много места доказательствам того, что у нас был и политический феодализм, а не только феодальные методы хозяйствования.

Теперь перехожу к вопросам и ответам на них.

В основе феодальных методов производства лежит натуральное хозяйство. Феодальное имение ставит себе потребительские задачи — удовлетворение своих потребностей. Отсюда, говорят, совершенно ясно, что феодальная формация и товарное хозяйство — две вещи совершенно не совместимые. А поскольку у нас феодальные методы производства господствовали на очень широком про-

странстве до самого начала XX столетия, значит, говорят, наша деревня, по крайней мере, жила до этого времени в условиях натурального хозяйства. А поскольку сельскохозяйственная продукция была основной в нашей стране, весь тип хозяйства был у нас ближе к натуральному, средневековому, чем к современному, капиталистическому.

Это утверждение имеет колоссальное практическое значение. «Примитивная экономическая основа» лежит в основе всех построений Троцкого. С другой стороны, утверждение т. Бухарина, что у нас социалистическая революция разразилась раньше, чем в других странах, именно потому, что здесь было «самое слабое звено цепи» — Россия была наименее развитой капиталистической страной (Ленин против этого места написал, как известно: «Неверно: с средне слабых. Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»), исходит, по существу, из аналогичного представления. Троцкий, основываясь на этом, утверждал, что говорить о переходе России к социализму без государственной помощи овладевшего властью западно-европейского пролетариата могут только люди «с совершенно особенным устройством головы». Тов. Бухарин проявил в вопросах социалистического строительства необычайную «осторожность» и самый крайний скептицизм. И то и другое тесно связано с охарактеризованной сейчас исторической концепцией.

Спрашивается: верно ли, что господство феодальных методов продукции, наличность феодализма как общественно-экономической формации, и ключает возможность товарного хозяйства в какой бы то ни было мере?

Возьмем одну из наиболее известных характеристик развития крепостного хозяйства у Ленина. «Возьмем за исходный пункт дореформенное крепостническое хозяйство. — Основное содержание производственных отношений при этом было таково: помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каж-

дого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял в с е п р и б а в о ч н о е время работать на себя, на барщине. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отметить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системе не может быть и речи. «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более, как н а т у р а л ь н о й з а р а б о т н о й п л а т о й, служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина. — Но вот вторгается товарное хозяйство. Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплуатации труда крестьян, затем затруднительность системы наделов, так как помещику уже невыгодно наделять подрастающие поколения крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнее отграничить раз навсегда крестьянскую землю от помещичьей (особенно ежели отрезать при этом часть наделов и получить «справедливый» выкуп) и пользоваться трудом тех же крестьян, поставленных материально в худшие условия и вынужденных конкурировать и с бывшими дворовыми, и с «дарственниками», и с более обеспеченными бывшими государственными и удельными крестьянами и т. д. — крепостное право падает»¹

К о г д а «вторгается товарное хозяйство» в помещичье имение? Совершенно ясно, что еще до 1861 года, до «освобождения крестьян». «Крепостное право падает» именно в результате этого вторжения. Когда и м е н о началось «вторжение», Ленин здесь не говорит, и это дало повод некоторым товарищам, стремящимся ограничить «зло» товарного хозяйства, говорить, что описанные Лениным явления имели место не ранее первой половины XIX в. Но Ленин говорит только (т. III, стр. 140), что «производство хлеба помещиками на продажу о с о б е н н о р а з в и л о с ь (у Ленина «развившееся», раз-

¹ Соч. Ленина, т. I, стр. 349 и 350 («Экономическое содержание народничества»).

рядка моя. М. П.) в последнее время существования крепостного права»: особенно развилось, но существовало, значит, и раньше. Вообще же в марксистской литературе хронологическую границу начала этого процесса отодвигают довольно далеко вглубь прошлого. Энгельс, в одном из вновь опубликованных отрывков «Анти-Дюринга», говорит: «Россия является доказательством того, как производственные отношения обуславливают политические отношения силы. До конца XVII в. русский крестьянин не подвергался сильному угнетению, пользовался свободой передвижения, был почти независим. Первый Романов прикрепил крестьян к земле. Со времен Петра началась иностранная торговля России, которая могла вывозить лишь земледельческие продукты. Этим было вызвано угнетение крестьян, которое все возрастало по мере роста в ы в о з а, ради которого оно происходило, пока Екатерина не сделала этого угнетения полным и не завершила законодательства. Но это законодательство позволяло помещикам все более и более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался»¹.

Как далеко шло это развитие товарного хозяйства внутри феодальной формации? Вплоть до образования уже тогда и там к л а с с а к а п и т а л и с т о в. «В крепостном обществе, по мере развития торговли, возникновения всемирного рынка, по мере развития денежного обращения возникал новый класс — класс капиталистов» (ср. там же дальше: «Крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму»)².

Значит ли это, как думает т. Малышев, что работающее для рынка крепостное, барщинное хозяйство было теми воротами, через которые в сельское хозяйство России проникал капитализм? Совсем не значит, конечно: это были не в о р о т а, а б а р ь е р; именно потребности товарного хозяйства, не

¹ «Анти-Дюринг», 1930 г., стр. 349 и 350.

² Ленин, из лекции «О государстве», («Новые статьи и письма», стр. 98 и 103).

удовлетворявшегося и не могшего удовлетвориться барщиной, и заставили наиболее передовых помещиков поставить в середине XIX в. вопрос об устранении этого барьера. Движение самих крестьян очень ускорило эту операцию, побудило весь класс помещиков пойти за наиболее прогрессивными (в экономическом смысле) из своих собратий: без этого дело не кончилось бы в четыре года; но если бы хотя часть помещиков и притом часть влиятельная не была заинтересована в ликвидации барщинного хозяйства, именно в интересах развития капитализма, то барщина могла бы быть уничтожена только в результате победоносной крестьянской революции: «крестьянская реформа» была бы невозможна.

Но «реформа» толкала в направлении к товарному хозяйству не только помещика (удержавшего, заметьте, в своем имени массу остатков феодализма: отработки, порка крестьян и т. д.), а и крестьянина. «Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим). Никаких иных историко-экономических элементов, по этому взгляду, в «Положении»¹ нет. «Наделение производителя средствами производства» есть пустая прекраснодушная фраза, затушевывающая тот простой факт, что крестьяне, будучи мелкими производителями в земледелии, превращались из производителей с преимущественно натуральным хозяйством в товаропроизводителей. Насколько сильно или слабо было при этом развито именно товарное производство в крестьянском хозяйстве разных местностей России той эпохи, это вопрос иной. Но несомненно, что именно в обстановку товарного производства, а не какого-либо иного, вступал «освобождаемый» крестьянин. «Свободный труд» в замен крепостного труда означал, таким образом, не что иное, как свободный труд наемного рабочего или ловкого самостоятельного производителя в условиях товарного производства, то есть в буржуазных общественно-экономиче-

ских отношениях. Выкуп еще рельефнее подчеркивает такой характер реформы, ибо выкуп дает толчок денежному хозяйству, то есть увеличению зависимости крестьянина от рынка»¹.

Как далеко зашел крестьянин по этому пути ко времени кануна революции 1905 г., когда кое-кому из нас еще мерещатся «примитивные экономические условия» и преобладание хотя бы в нашей деревне натурального хозяйства? В 1899 г. Ленин писал на этот счет: «Численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства, — вероятно, не более одной пятой доли дворов (что соответствует приблизительно трем десятым населения), причем это отношение, разумеется, сильно колеблется в разных местностях. Но по своему значению во всей совокупности крестьянского хозяйства — в общей сумме принадлежащих крестьянству средств производства, в общем количестве производимых крестьянством земледельческих продуктов — крестьянская буржуазия является безусловно преобладающей. Она — господин современной деревни»².

В то же время сельский пролетариат «рабочий с наделом», давал, по Ленину, «не менее половины всего числа крестьянских дворов, что соответствует приблизительно 4/10 населения»³.

$3/10 + 4/10 = 7/10$: почти три четверти крестьянства к концу XIX в. было захвачено товарным хозяйством. На долю натурального остается одна четверть: можно ли при таких условиях говорить о преобладании и до-товарных отношений?

IV

Итак, в течение очень продолжительного периода времени, полутора-двух столетий, на территории нашей страны существовали феодальные методы производства (=натуральное, по своей целевой установке, хозяйство) и товарное хозяйство, сначала в виде исключения, потом все чаще и чаще. Первые мешали развиваться второму, второе разлагало первые, сначала, до 1861 г., медленно, потом быстрее, но до конца не

¹ Ленин, «По поводу юбилея», собр. соч., изд. 3, т. XV, стр. 93 и 94.

² Там же, т. III, стр. 128.

³ Там же, стр. 129.

¹ Положение 19 февраля 1861 г. М. П.

разложило их даже в XIX столетии. Достаточно от феодализма осталось даже и к 1917 г. Тем не менее, назвать наше хозяйство «натуральным» не только в эту последнюю эпоху, но и вообще после 1861 г. можно только в совершенном забвении исторических фактов и учения Ленина.

Спрашивается, имел ли этот факт (развитие в недрах феодального общества товарного хозяйства) какие-либо политические последствия? В сущности, спрашивать это — значит уподобляться буржуазным историкам, которые феодальные методы продукции у нас признавали, а наличность феодального государства нет. Само собою разумеется, что экономика должна была иметь политическое отражение, что если товарное хозяйство разлагало феодализм как экономическую систему, то оно должно было как-то видоизменять и политическую систему феодализма.

Этим видоизменением феодального государства под влиянием товарного хозяйства и был абсолютизм, говоря точнее — бюрократическая монархия. Это уточнение совершенно необходимо, ибо и власть вавилонских царей, и власть римских цезарей, и власть Наполеона I — это все абсолютизм, но социальная база этих абсолютизмов весьма различна. Здесь имеется в виду та разновидность абсолютизма, которая характерна для эпохи разложения феодального хозяйства и в свою очередь характеризуется тремя основными признаками: наличностью бюрократии, постоянной армией и системой денежных налогов.

У нас очень принят — особенно среди молодежи — рассматривать русское самодержавие как чисто феодальную форму власти, как классическую, можно сказать, форму феодального государства. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что в наших вузах, комвузах и даже ИКП очень мало занимаются средними веками (марксисту и они нужны!) и поэтому о настоящем «классическом феодализме» не имеют понятия. В этом классическом феодализме произвола сколько угодно, но абсолютизма там нет. Экономическая независимость

натурального хозяйства дает на практике огромную политическую независимость владельцу феодальной вотчины. Принудить его к повиновению, ежели он не хочет повиноваться, можно только открытой силой, а ее непустишь в ход каждый день, да и применение открытой силы тоже зависит в эту эпоху от натурального хозяйства, то есть от готовности других феодальных вотчинников повиноваться «сюзерену». Отсюда необходимость для последнего договариваться со своими «вассалами», фактически не предпринимать ни одного серьезного шага без их согласия, созывать более крупных феодальных землевладельцев на совещания (наша боярская дума) и т. д.

Об абсолютизме при таких условиях речи быть не может; вот почему, хотя власть московских царей и российских императоров не только феодального происхождения, но и имела своим назначением поддерживать феодальные методы продукции, была политической оболочкой «внеэкономического принуждения», объяснить только из условий натурального хозяйства эту власть никак нельзя.

Ленин никогда не смешивал абсолютизм и феодализм. Характеризуя по поводу балканской войны 1912 г. порядки Восточной Европы, он говорит: «В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегия крепостников-помещиков) и подавление национальностей»¹.

Ленин постоянно указывал на их ошибку тем товарищам, которые отожествляли самодержавие с верхушкой феодального общества. «... классовый характер царской монархии несколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника. Эту ошибку — забвение самодержавия и монархии, сведение ее непосредственно к «чистому» господству верхних классов —

¹ Ленин, собр. соч., изд. 1-е, т. XIX, стр. 16.

делали отзовисты в 1908—09 гг. (см. «Пролетарий», прилож. к № 44), делал Ларин в 1910 г., делают некоторые отдельные писатели (напр., М. Александров), делает ушедший к ликвидаторам Н. Р-ков»¹.

На чем же держалась эта независимость «бюрократии»? Разбирая статью Н. Николина «Новое в старом», Ленин дает на это вполне ясный ответ. «Вполне верно и чрезвычайно ценно здесь подчеркивание Н. Николиным связи «бюрократии» с верхами торгово-промышленной буржуазии. Отрицать эту связь, отрицать буржуазный характер современной аграрной политики, отрицать вообще «шаг по пути превращения в буржуазную монархию» могут только люди, совершенно не вдумывавшиеся в то новое, что принесено первым десятилетием XX в., совершенно не понимающие взаимозависимости экономических и политических отношений в России и значения III Думы»².

И тут же еще раз прибавляет, что «забвение громадной самостоятельности и независимости «бюрократии» есть главная, коренная и роковая ошибка» тех, кто в этом забвении повинен. «Бюрократия» и есть то, что вносит новые черты в феодальную физиономию самодержавия, и это потому, что бюрократия как со своей социальной базой связана не с феодальным натуральным землевладением, а с товарным хозяйством и нарождающейся буржуазией.

Это — старая мысль Ленина. Цитированные сейчас статьи относятся к 1911 г. Но вот что он писал еще в 90-х годах: «Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная бюрократия, которая *de facto* (на деле, фактически *Ред.*) и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические приви-

легии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества». И далее, в статье о Струве: «Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это — бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует и из истории (бюрократия была первым политическим оружием буржуазии против феодалов, вообще против представителей «старо-дворянского» уклада, первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев, «мещанства») и из самых условий образования и комплектования этого класса, в который доступ открыт только буржуазным «выходцам из народа» и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей. Ошибка автора тем более досадна, что именно российские народники, против которых он возымел такую хорошую мысль ополчиться, понятия не имеют о том, что всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение, обращаться к которому с точки зрения интересов производителя только и в состоянии идеологи мелкой буржуазии»¹.

Итак, самодержавие, оставаясь, повторяю, не только по происхождению, но и по назначению феодальным учреждением, уже очень рано через свой аппарат, бюрократию, оказывалось связанным с товарным хозяйством и нарождающимся буржуазным миром. Для метафизика это непереносимо: ежели буржуазное учреждение, так буржуазное, феодальное, так феодальное. Или — или. Диалектик же отлично знает, что историческое развитие «полно противоречий»: и что не будь этих противоречий, пожалуй, не стоило бы заниматься историей.

Само собою разумеется, что без товарного хозяйства нельзя себе представить и такого учреждения как постоянная армия — содержание в казармах

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 304, «О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев».

² Там же, стр. 309

¹ Ленин, собр. соч., т. I, стр. 186 и 291—292

сотен тысяч людей, не занятых производительным трудом, для прокормления которых нужно было сосредоточивать огромные массы съестных припасов, для одевания которых приходилось в массовом масштабе изготавливать ткани, для вооружения которых нужно было иметь металлургическую и химическую промышленность. Нельзя себе представить и системы денежных податей, а она существовала у нас попеременно с натуральными с Ивана Грозного, в более или менее чистом виде с Петра I.

С каких пор начались эти связи феодального самодержавия с товарным хозяйством? По Ленину — еще до Петра. Относящийся сюда отрывок из «Что такое друзья народа?» может считаться очень известным. Но его необходимо все же привести, во-первых, для полноты, а во-вторых, потому, что антиленинцы, когда им нужно, легко забывают самые известные ленинские цитаты. Оспаривая мнение Михайловского, что «национальные связи — это продолжение и обобщение связей родовых», и показав, что уже «в эпоху московского царства» (то есть в XVI в.) родовые связи сменились территориальными, Ленин продолжает: «Только новый период русской истории (примерно, с XVII в.) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями. почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹.

Так, по Ленину, еще с XVII в. уже не просто товарное хозяйство, а именно торговый капитал приобретает политическое значение. Чрезвычайно любопытно сравнить с этим то, что писали на этот счет Маркс и Эн-

гельс в своей критике Фейербаха в 40-х гг. «Мануфактура и вообще производство получили огромный толчок благодаря расширению сношений, вызванному открытием Америки и морского пути в Индию. Новые, ввезенные оттуда, продукты, в особенности массы золота и серебра, вступившие в обращение, радикально видоизменили взаимоотношения классов и нанесли жестокий удар феодальной земельной собственности и рабочим; предприятия разных авантюристов, колонизация, а главным образом, ставшее теперь возможным и все более и более совершавшееся расширение рынков и превращение их в мировой рынок породили новую фазу исторического развития, которой мы не будем здесь подробно заниматься. Благодаря колонизации новооткрытых земель торговая борьба народов друг с другом получила новую пищу, приобретаемая вместе с тем и большие размеры и более ожесточенный характер... Второй период наступил в середине XVII столетия и тянулся почти до конца XVIII. Торговля и судоходство расширились быстрее, чем мануфактура, игравшая тогда второстепенную роль; колонии начали становиться крупными потребителями; отдельные народы только путем продолжительной борьбы сумели удержаться на открывшемся мировом рынке. Этот период начинается законами о мореплавании и колониальными монополиями. Путем тарифов, запрещений, трактатов устраняли по возможности конкуренцию чужих народов; а в последнем счете решения и исхода конкурентной борьбы искали в войнах (в особенности, в морских войнах). Могущественнейшая морская держава, Англия, получила перевес в торговле и мануфактуре... Народ, первенствовавший в морской торговле, и в смысле колониального могущества обладал, естественно, и самой обширной — как количественно, так и качественно мануфактурной промышленностью. Купцы, а в особенности арматоры, более всех других требовали государственной охраны и монополий; правда, и ма-

¹ Ленин, собр. соч., т. I, изд. 1, стр. 83 и 84.

ну фактуристы требовали — и добивались — охраны, но в политическом значении они постоянно уступали купцам... XVIII в. был веком торговли. Пинто говорит нам (?) определенно: «Le commerce fait la marotte du siecle» и также: «depuis quelque temps il n'est plus question que de commerce, de navigation et de marine» («Торговля — это конек нашего времени; с некоторого времени только и говорят, что о торговле, мореплавании, флоте») ¹.

Ленин не читал этой вещи, которая была опубликована после его смерти. Да и она берет тот же вопрос с другого конца: у Ленина выясняется значение торговли и торгового капитала для внутреннего роста государства, у Маркса и Энгельса для международной политики. Но суть одна и та же: говоря словами Маркса и Энгельса, «торговля отныне приобретает политическое значение».

Но раз торговый капитал стал политической силой, естественно, является вопрос: что же, на феодальное самодержавие он имеет какое-нибудь влияние или нет?

Сначала установим словами Ленина влияние капитализма на развитие самодержавия вообще. В своей статье «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве» Ленин пишет: «Что власть в России XIX и XX вв. вообще развивается «по пути превращения в буржуазную монархию», этого не отрицает Ларин, как не отрицал этого до сих пор ни один вменяемый человек, желающий быть марксистом. Предложение заменить прилагательное «буржуазный» словом «плутократический» неверно оценивает степень превращения, но принципиально не решается оспаривать, что действительный «путь», путь реальной эволюции, состоит именно в этом превращении. Пусть попробует он утверждать, что монархия 1861—1904 гг. (то есть, несомненно, менее капиталистическая по сравнению с современной) не представляет по сравнению с эпохой николаевской, крепост-

ной, одного из шагов «по пути превращения в буржуазную монархию»!

Итак, феодальное по происхождению самодержавие имело постоянную тенденцию развиваться в сторону буржуазной монархии, то есть в сторону компромисса с капитализмом. Могли теоретически быть достигнуты такой компромисс? Да, мог. «Могут быть и бывали исторические условия, когда монархия оказывалась в состоянии уживаться с серьезными демократическими реформами, вроде, например, всеобщего избирательного права. Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства учрежденные».

Был ли он достигнут в России? Столыпинщина была последней попыткой такого компромисса. «Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути. Помещичья монархия Александра III пыталась опираться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни; революция разбила в конец такую политику. Помещичья монархия Николая II после революции пыталась опираться на контрреволюционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; крах этих попыток, несомненный теперь даже для кадетов, даже для октябристов, есть крах последней возможной для царизма политики».

Неудача столыпинщины была роковой для самодержавия, доказав, что оно потеряло всякую способность прилаживаться к экономическому развитию. «Наше положение и история нашей государственной власти — особенно за последнее десятилетие — показывают нам наглядно, что именно царская монархия есть средоточие той банды черносотенных помещиков (от них же первый Романов), которая сделала из России страшилище не только для Европы, но теперь и для Азии, банды, которая до-

¹ Архив М. и Э., т. I, стр. 238 и 239. Разрядка моя М. П.

вела ныне произвол, грабежи и казнокрадство чиновников, систематические насилия над «простонародьем», истязания и пытки по отношению к политическим противникам и т. д. до размеров совершенно исключительных»¹.

Но эти пределы приспособляемости самодержавия к капитализму определялись не только свойствами самодержавия, а и свойствами капитализма. К каким формам капиталистической эксплуатации крепостническое самодержавие могло приладиться? Ответ на это Ленина мы имеем в его характеристике партии октябристов: «Не отличаясь ничем существенным в теперешней политике от правых, октябристы отличаются от них тем, что кроме помещика эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию, которая так перепугалась пробуждения рабочих, а за ними и крестьян, к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков. Есть такие капиталисты в России — и их очень не мало, — которые обращаются с рабочими ничуть не лучше, чем помещики с бывшими крепостными; рабочие, приказчик — для них та же челядь, прислуга»².

«Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический («реалистический, демократический, активности полный капитализм»), писал Ленин Горькому в 1911 г. «Международный пролетариат теснит капитал двояко: тем, что, из октябристского превращает его в демократический, и тем, что выгоняя от себя капитал октябристский, переносит его к дикарям. А это расширяет базу капитала и приближает его смерть. В Западной Европе уже почти нет капитала октябристского; почти весь капитал демократический. Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и в Азию.

Русская революция и революция в Азии — борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом»¹.

«Октябристский» капитал — это капитал, сложившийся в недрах феодальной формации, сжившейся с нею, пользовавшийся, где можно, ее методами эксплуатации. Это, конечно, не только торговый и ростовщический капитал, но это его ближайший потомок. Не даром для Ленина октябристы — это партия «старозаветных купцов». Это не случайная обмолвка. Несовместимость самодержавия и высших, более совершенных, форм капиталистической эксплуатации Ленин прекрасно понимал еще до начала первой революции, 1905 г., и вот что он тогда писал: «Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием интересы буржуазии как класса, интересы интеллигенции, без которой немыслимо современное капиталистическое производство. Поверхностным может быть повод либеральных заявлений, мелок может быть характер нерешительной и двойственной позиции либералов, но настоящий мир возможен для самодержавия лишь с кучкой особо привилегированных тузов из землевладельческого и торгового класса, а отнюдь не со всем этим классом»².

Из всех форм капитала к самодержавию ближе всего был торговый капитал, опираясь на который самодержавие росло, опираясь на который феодальное государство чисто средневекового типа переросло в бюрократическую монархию. Без феодализма вообще не было бы самодержавия. Без торгового капитала власть феодального монарха не пошла бы дальше Ивана III. А самодержавие дало не только Петра I, но и Александра II и даже псевдоконституцию Столыпина. Дальше по своей феодальной природе оно приспособляться не могло и пало.

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, изд. 3, стр. 130, 225 и 247.

² Там же, стр. 483.

¹ Там же, стр. 58 и 59.

² Ленин, собр. соч., т. VII, стр. 30. Разрядка моя М. П.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ИСТОРИИ САСШ

«Глубокое лицемерие и внутреннее варварство буржуазной цивилизации неприкрыто лежат перед нашими глазами, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не в ее доме, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она ходит нагой».

Маркс, «Письма об Индии и Китае».

Комиссия американского сената во главе с Фишем «открыла» в СССР «принудительный труд».

Самые невежественные американские буржуа, самые твердолобые английские джентльмены, самые воинственные французские поджигатели новой войны, самые подлые социалфашистские прохвосты стали внезапно радетелями «угнетенных» советских рабочих.

Существует ли принудительный труд теперь? Существует, вне всяких сомнений. Только не в СССР, где труд превратился в «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства», надо искать «принудительный труд», а в странах капиталистического наемного рабства, в шахтах Уэльса и Рура, в бойнях Чикаго, в «фордизированных» заводах Европы и САСШ, в колониях порабощенных и эксплуатируемых горсточкой «культурных» империалистических стран.

На принудительном труде основана вся прошлая история капитализма, в том числе и американская. Мы и хотим напомнить здесь гг. Фишам некоторые факты из их собственной истории, из истории Америки, когда она была еще английской колонией.

Хищническое истребление индейцев, негритянское рабство, наконец, труд б е л ы х р а б о в — таковы были те три «кита», на которых держались успехи Америки в колониальный период ее истории.

Во всей части Америки, расположенной северней Мексики, было первоначально до 500 тыс. индейцев.

Разделенные по племенам индейцы были по сути дела объединены только цветом кожи; разделял их язык: многие племена не могли объясняться между собой иначе, как жестами. Английские колонисты превосходно использовали и знания индейцев и их слабости. Индейские тропинки подготовили дорогу торговцам; эти тропинки стали родоначальниками проезжих, а затем и железных дорог. Индейцы обучили колонистов разведению табака, хлопка; они кормили на первых порах белых своими припасами, учили их охоте, рыболовству и т. д. В начальный колониальный период торговля с индейцами играла довольно существенную роль в хозяйстве колонистов. Но очень скоро между индейцами и колонистами начались непрерывные войны. О жестокости, проявленной в этих войнах, не приходится много говорить. В войне 1637 г. в течение одного только часа было убито 700 индейцев (племени

пекводов) всех возрастов. Руководитель масачусетского отряда, добрый пуританин и член бостонской церковной общины, самолично приказал утопить 37 военнопленных индейцев. Даже квакеры Пенсильвании не отставали в зверской жестокости по отношению к враждебным племенам индейцев. В 1755 г. в Пенсильвании была назначена сумма в 130 долларов за голову индейца враждебного племени и 50 долларов за голову индейской женщины. «Каждый индеец — плохой индеец, только мертвый индеец — хороший индеец»; «убить индейца так же мало значит, как раздавить вошь», — подобные, бывшие в ходу поговорки лучше всего характеризуют действия колонистов в отношении индейцев.

Одновременно со всеми попытками оттеснить индейцев, используя силу оружия, формальные «покупки» и искусное разделение племен между собой, колонисты делают попытки превратить индейцев в рабов. Несмотря на эти попытки, использование рабов-индейцев в колониях не могло быть успешным. В первых, этому мешала физическая слабость индейца, его неприспособленность к работе в сельском хозяйстве, его свободолюбивая натура, наконец, трудность его поимки, если он убегал в леса или степи. Второй причиной, препятствовавшей распространению индейского рабства, были интересы меховой торговли с индейцами.

Гораздо большее значение, чем индейское рабство, в хозяйственной жизни американских колоний играло рабство негров. Если в начале XVIII века в Америке насчитывалось 30 тыс. негров, то к 1790 г. число их возросло до 750 тыс. Буржуазные историки уделяют исключительное внимание совершенно пустяковому вопросу о том, капер какой страны открыл эру работорговли в Америке (это напоминает аналогичные споры о виновниках мировой войны). Нас интересует другое: какую роль негритянское рабство играло в развитии капитализма и каково было положение негров? О степени заинтересованности английского капитализма в монополии работорговли много говорить не приходится. Достаточно прочитать те строки «Капитала» (т. I, стр. 753), в которых говорится о Ливерпуле, выросшем на почве торговли рабами.

По безусловно преуменьшенным данным буржуазного историка Луи Брентано за сто лет, предшествовавших запрещению работорговли американским конгрессом, число негров, выве-

На корабле англий-
ского работорговца
XVIII века

зенных английскими судами в колонии, составляло минимум 3 млн. Сюда надо еще добавить сотни тысяч, если не миллионы, негров, умерших в пути.

В одном 1771 г. перевозкой негров из Африки было занято 200 английских судов. Нетрудно видеть, какой толчок давала работорговля кораблестроению. К концу XVIII века постройка и оборудование хорошего судна, вместимостью в 300—400 рабов, стоили около 70 тыс. рублей; такое судно давало за один только рейс от 60—200 тыс. руб. прибыли. Недаром поэтому английские купцы и английские власти так цепко держались за свою монополию работорговли. Еще в 1750 г. верхняя палата целых 14 дней обсуждала вопрос о лучших методах работорговли. Работорговля вошла крепко в цепь «трехчленной» торговли: из Вест-Индии доставлялась патока, которая в Новой Англии перерабатывалась в ром; ром отправлялся в Африку и, разбавленный водой, обменивался на рабов; эти же последние часто добывались посредством прямой охоты за ними, сначала единичной, потом «организованной» и посредством налетов подкупленных и более воинственных негритянских племен на другие, более слабые. Добытые таким способом рабы

затем продавались южно-американским плантаторам или же отправлялись в Вест-Индию.

Каково было положение негров? Хозяин нес по отношению к негру только одну обязанность: давать ему «достаточное» пропитание и одежду. Но понятие «достаточное» допускало самые широкие толкования. Рабочее время негра составляло от 14—16 часов (в Каролине по закону 1740 г. не более 15 час. летом и 14 часов зимой, в Георгии, под угрозой штрафа в 3 ф., не более 16 часов в день). Однако и это законодательное ограничение длины рабочего дня фактически не было подвержено никакому контролю. Вдобавок негр не мог жаловаться на своего хозяина, не мог также быть свидетелем. Особенно тяжелы были условия труда негров в Южной Каролине, где работа производилась на заразных рисовых болотах. Рисовый плантатор Южной Каролины был заинтересован в предельной эксплуатации рабского труда. Никакая жестокость не могла ему казаться чрезмерной, ибо ему было гораздо выгоднее заменить свежими силами надорвавшихся в заразных болотах рабов, могущих вдобавок удрать или взбунтоваться. Раб не мог иметь никакой собственности, даже завещанной.

Если в некоторых местах плантаторы и позволяли рабам иметь свои небольшие хозяйства, то это делалось, главным образом, для сокращения издержек самого хозяина: благодаря подобному дополнительному хозяйству раб мог частично прикармливаться из средств, созданных им или его семьей работой сверх положенной на плантации. С другой стороны, эти клочки земли больше связывали раба с поместьем и заполняли его малейший досуг, отвлекая от каких бы то ни было «вредных» или опасных мыслей. Юридически положение негра не было ничем обеспечено. Хозяин мог женить негра, развести его с женой, разединить женатых, продать детей. Во всех колониях рабам было запрещено покупать и продавать что-либо без особого письменного разрешения на то со стороны хозяина. Негр не мог сам наниматься на работу, не мог кредитоваться или кредитовать других. Браки белых с неграми были строжайше запрещены, часто под угрозой штрафа. Дети рабынь тоже должны были быть рабами; как только они подрастали, их использовали обыкновенно для легкой работы при доме — для корма птиц или на картофельных полях.

Положение негров вызывало среди них ряд попыток заговоров и восстаний. Так, заговор рабов был раскрыт в 1712 г. в Нью-Йорке, 21 негр был казнен, из них 13 сожжены; в 1741 г. там же был обнаружен новый заговор; мы видим попытки восстаний негров и в Мериленде в 1695, 1739 и 1745 гг.; в Каролине в 1738 г. негры делают попытки вступить в союз с индейцами, французами и испанцами. Под угрозой негритянских бунтов колонии усиливают ограничения для рабов: последним воспрещается выходить на улицу после 9 часов вечера, воспрещаются собрания, ношение оружия, посещение питейных мест. Из опасения мятежей было воспрещено обучать негров чтению и письму: в Южной Каролине и Георгии уже в 1740 и 1755 гг. был издан закон, запрещающий под угрозой штрафа в 100 ф. ст. обучение рабов. Христианская религия была целиком представлена на службу дела «приручения» негров; пасторы должны были им внушать, что бог требует повиновения и работы, что это он разделил людей на господ и рабов и нельзя ничего изменять в этом порядке помимо божьей воли. В переводе на житейский язык эти догмы христианской церкви означали право каждого белого требовать паспорт у любого встретившегося ему негра и задерживать его, по своему усмотрению. И уж нечего, конечно, говорить о тех карах, которые обрушивались на беглых негров: церковь вознаграждала индейцев не только за поимку черных рабов живьем, но и за их скальпы.

Выдающуюся роль в создании американского богатства сыграли, несомненно, белые рабы. По сообщению губернатора Виргинии Беркли, число белых рабов в этой колонии в 1671 г. было в три раза больше, чем число рабов-негров. Джон Р. Коммонс считает, что, вероятно, около половины всех иммигрантов колониального периода Америки были белые рабы. Из кого состояли эти белые рабы?

Наиболее многочисленный разряд белых рабов — это так называемые «сервенты», или «законтрактованные». Агенты плантаторов, капитаны торговых судов или переселенческие маклеры нанимали этих белых рабов под таким условием: за доставку в Новый Свет они продаются в рабство на обусловленное число лет. Обычно эти агенты и маклеры разрисовывали «Новый Свет» в виде страны, где течет молоко и мед. Они поражали воображение несчастных «контрактующихся» своим роскошным образом жизни и беззастенчиво заманивали их в петлю рабства. За каждого белого раба агенты получали обычно один дукат.

Другая категория белых рабов — это продаваемые в рабство должники, обязавшиеся возместить одолженные им деньги трудом, бедняки, преступники (в особенности политические), военнопленные. Наконец, когда указанными категориями «законтрактованных» все-таки не был удовлетворен спрос колоний на рабочую силу, стали прибегать к прямому выкрадыванию людей — детей и взрослых.

Еще в 1674 г. было установлено, что такими специалистами по выкрадыванию людей ежегодно похищалось до 10 тыс. человек. Эта «не столь честная, сколько прибыльная» работа была правильно организована. Дети и взрослые, безразлично, заманивались или силой уводились на суда, стоящие в гавани, где продавались колониальным купцам, или же держались взаперти, пока не найдется подходящий купец. Нам незачем описывать подробно условия перевозки «законтрактованных» белых рабов в Новый Свет. Страшная смертность в пути недаром заставила Мирабо назвать корабли с рабами «странствующими могилами». За умерших в пути родственников должны были отслужить оставшиеся в живых члены семьи. Если родители умирали в пути, дети продавались в рабство до 21 года. Нам незачем также распространяться о том, какую выгоду извлекали английские купцы, занимавшиеся торговлей «сервентами», если транспортирование белого раба через океан обходилось не более 6—8 фунтов стерлингов (нынешний ф. ст. соответствует 10 руб.), то средняя продажная цена «законтрактованного» в Америке составляла 40—60 фунтов стерлингов. По прибытии в Америку белые рабы обычно продавались оптовым покупателям. Чаще всего эта продажа происходила в порту, а газеты афишировали время прибытия судов с грузом подлежащих продаже белых рабов. Если к приходу судна с указанным живым грузом не появлялось оптовых покупателей, то белые рабы продавались агентам, которые скрывали пассажиров вместе и затем распродавали их в розницу в различных поселениях. Цена белого раба целиком зависела от колебаний спроса и предложения. Лица интеллигентных профессий обычно продавались очень плохо, обученные ремесленники гораздо лучше. Немцы продавались дороже ирландцев, чаще убежавших. Женщины ценились выше мужчин.

В каком положении находились белые рабы в Новом Свете? Обычный срок службы «сервентов» был от 3 до 6 лет, реже (в виде исключения) 6—8 лет. Однако в виде штрафа

Рис. Фред Эллиса

хозяин мог продлить срок службы белого раба. Содержание белых рабов было обычно хуже содержания негров. Причина в том, что черный раб служил вечно, а у белого хозяин должен был выжимать все соки в течение определенного контрактом времени. Скверный паек из кукурузной муки и воды, подслащенной патокой, штрафы, розги и телесные наказания — вот обычные условия содержания белых рабов. Как и у негров, брак белых рабов находился в зависимости от хозяина. За разрешение жениться (женщин среди белых рабов было меньше, чем мужчин) законтрактованный должен был вносить своему господину определенный выкуп. Как видим, белые рабы во многих отношениях находились в крепостном состоянии, весьма близком к рабству.

Законодательство колоний установило ряд суровых наказаний для беглых белых рабов. В Мериленде беглецов приговаривали к смертной казни, в Северной Каролине их объявляли вне закона, в Южной Каролине пойманные беглецы открыто бичевались. Тяжелые телесные наказания накладывались только за самовольный переход к другим владельцам. Позднее стали практиковать увеличение сроков службы. При повторном бегстве белого раба открыто бичевали и прикладывали к щеке клеймо «беглец».

В Виргинии в 1659 г. был издан закон, по которому раз пойманный беглец должен всегда носить короткие волосы, чтобы его легко было узнать. Все свободные белые должны были в тех же полицейских целях иметь особые удостоверения.

Но никакие полицейские мероприятия не

могли остановить неудержимой тяги белых рабов в огромные просторы Запада.

Если институт белого рабства в конце концов (и раньше негритянского рабства) был уничтожен, то этому содействовал ряд обстоятельств. Во-первых, на юге белые рабы встретили серьезную конкуренцию со стороны негритянского труда. Так как крупный плантатор юга вынужден был ввозить средства а по ценам, которые все повышались, то, естественно, он искал максимально дешевой рабочей силы и находил ее в лице негров. Во-вторых, хотя зависимость «законтрактованных» белых рабов была гораздо более мягкой в северных колониях, а условия их труда у северного фермера гораздо более удовлетворительными, чем у южного плантатора, — все-таки и здесь рост хозяйственной жизни и рост индустрии сделали невыгодными белое рабство и потребовали «свободного» наемного рабочего. В-третьих, в том же направлении действовало удешевление стоимости переезда, сокращавшее сроки службы «законтрактованных» белых рабов. Все указанные причины привели в конечном счете к исчезновению белого рабства и к замене его негритянским трудом на юге, «свободным» наемным трудом в северных и средних колониях. В ускорении ликвидации института «сервентов» большую роль сыграла также война за независимость, в течение которой многие «сервенты» вступили в ряды войск и получили освобождение.

Белое рабство было уничтожено. «Сервенты» остались жуткой страницей в прошлом САСШ. Но на смену этой открытой форме белого рабства пришла иная по внешности, но не менее суровая по существу форма рабства: система

наемного рабства, на которой зиждется капиталистический строй. Не кто иной, как буржуазный профессор Зомбарт, описал положение современных наемных рабов САСШ в следующих словах: «Ни в одной стране мира, говоря объективно, рабочий не эксплуатируется капитализмом в такой степени, как в САСШ. Ни в одной стране мира рабочий не обливается таким кровавым потом в тисках капитализма; нигде он так быстро не истощается до смерти, как там...»

Кроме верхушки американских рабочих, на долю которых только и падают все блага «американизма» (гроде разваливаемых ачалгетами капитализма автоматических аппаратов для сигар на фабриках, «тщательно обставленных домов рабочих» и т. д.)—положение массы полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, массы эмигрантов и негров по сути дела продолжает оставаться положением наемного или даже прямого рабства.

Массовость, серийность, стандартизация производства, конвейерная система сделали работу на заводе еще более однообразной, чем она была прежде; она еще более низвела рабочих на степень «инструмента для инструментов». Интенсивность и темпы этой работы таковы, что они порождают «американский» темп изнашиваемости рабочего организма, преждевременной старости, выталкивания старших рабочих из производства. К 40 годам американский рабочий уже обычно настолько истощен, что не может дать требуемого от него капиталистической системой в Америке. И его безжалостно выбрасывают предприниматели.

Государственное бюро труда в Мэриленде недавно провело анкету об «омолаживании» состава рабочих на предприятиях штата Мэриленд. Анкету заполняли с а м и п р е д п р и н и м а т е л и. Вот ее результаты. Какой возраст чаще всего встречается среди рабочих? Для всех мужчин — 22 года, для всех женщин — 18 лет. 80% рабочего состава обследованных предприятий — не старше 44 лет, при этом более половины всех женщин не перешагнуло 25 лет. Как выжатый лимон, из производственного процесса безжалостно выбрасываются те, чьи мускулы и чья кровь расхищены до предела капитализмом.

Само мэрилендское бюро в своем заключении об «омолаживании» пишет так: «В некоторых случаях предприниматели объяснили введение возрастных ограничений своим желанием иметь «новую кровь».

Сюда надо еще добавить почти полное отсутствие социального страхования и фабричного законодательства, десятки тысяч убиваемых и изувечиваемых на «комфортабельных» конвейерах и агрегатах американских предприятий.

Сюда нужно добавить постоянную резервную армию из миллионов безработных, которая сейчас в условиях кризиса выросла до 10 млн. только в городах.

Кроме этого следует указать на тот огромный полицейский и военный аппарат и ту армию частных сыщиков («пинкертонов») и штрейкбрехеров, которую держит наготове

американская буржуазия против своих «свободных» рабочих.

Описанные нами условия труда «белых рабов» вовсе не исчезли. Достаточно заглянуть в так называемые «Компани таунс», т. е. в небольшие городки и местности, где рабочие целиком зависят от находящегося там предприятия. Решительно все в таком городишке зависит от этого предприятия. Рабочие живут в домах, принадлежащих капиталисту; последний является владельцем магазинов одежды, мебели, съестных припасов, и рабочие вынуждены покупать только в этих магазинах по повышенным ценам. Условия труда — каторжные. Из числа надсмотрщиков компании создают «ассоциации стрелков», назначение которых — расправляться самым зверским образом со всякого рода проявлениями недовольства рабочих.

Приглядимся к консервным заводам Аляски. Рабочие для этих консервных заводов вербуются из безработных в С. Франциско и других портах Тихого океана.

Рабочий, подписавший кабальный контракт на 5 месяцев, находится фактически в рабской зависимости от администрации завода и лишен элементарных гражданских прав. Вот договор, который ему приходится подписывать: «Я обязуюсь работать верой и правдой все время, включая воскресенье и праздничные дни, как того потребует хозяин. Если я покину завод без разрешения и захочу искать работу где-нибудь в другом месте до истечения срока действия договора, я могу быть возвращен силой и должен уплатить 50 долларов штрафа... За участие в забастовке во время рыболовного сезона компания... может удержать в свою пользу весь мой заработок... Я обязуюсь принимать всякую пищу, приготовленную китайским поваром, и не имею права устраивать беспорядки во время еды или выбрасывать поданную мне пищу. За нарушение этого правила обязуюсь уплатить штраф в 5 долларов».

Разве подобные условия труда в стране долларов не являются точным воспроизведением «белого рабства»!

Этот строй «свободного» труда захватывает и детей. В Калифорнии один из крупнейших владельцев хлопковых полей, набожный католик, ведет теперь пропаганду через прессу и попов за то, чтобы дети, начиная с самых маленьких, побольше вовлекались в изнурительную работу по собиранию хлопка.

Благочестивый католик считает, что дети сами «любят» такую работу и что им будет полезно пребывание «на свежем воздухе».

Наряду с белым рабством негритянское рабство, «отмененное» в 1865 г. в той или иной форме, на деле продолжает существовать и в современных САСШ. Негр, задолжавший белому, обязан на него работать до тех пор, пока белый не сочтет свой долг отработанным, причем кредитор заставляет своего должника выполнять какую угодно работу без ограничения рабочего дня. Больше того, он имеет право продать своего должника другому белому.

В этой стране сохранились еще и крепко держатся многие зверские пережитки прямого

негритянского рабства. Негры, в особенности на юге, должны ездить в отдельных вагонах трамвая и железных дорог. Они не могут останавливаться в отелях для белых или посещать театры белых. Нередки случаи зверской расправы с представителями этой «низшей расы». Так, в 1922 г. в «цивилизованной» стране гг. Фишей было 45 линчеваний негров. Сотни тысяч негров-арендаторов на юге САСШ фактически находятся теперь на положении крепостных. Из 926 тысяч негритянских фермеров САСШ, зарегистрированных последней переписью, около девяти десятых живет в южных штатах. Три четверти из них — арендаторы. Вместе с семьями они фактически прикреплены к земле. Лишь небольшая часть негритянских арендаторов выплачивает арендную плату деньгами. Значительное большинство отдает помещикам установленную долю урожая, обычно не менее половины. Помещик обычно настолько опутывает негра-арендатора всевозможными формами кабальной зависимости (снабжает инвентарем, скупает урожай и т. д.), что арендатор остается вечным должником.

Известно немало случаев, когда помещики убивали негров-арендаторов при попытке последних убежать с плантаций. Несколько лет назад в штате Джоргия один плантатор был осужден за убийство 11 негров-арендаторов.

В марте 1930 г. один плантатор штата Луизиана был приговорен к 18 месяцам тюрьмы после того, как он откровенно признался, что он приказал цепями негра-арендатора к дереву, чтобы помешать ему убежать с плантации.

— За что вы меня посылаете в тюрьму! — воскликнул с негодованием подсудимый по оглашению приговора.

— Я обращаюсь с неграми так же, как обращаются с ними все в нашей стране.

Господа Фиши ищут «принудительный труд» в стране строящегося социализма. Пусть лучше оглянутся они на свое собственное вчера и на свое собственное сегодня.

РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

Революционные массы громят и жгут монастырь в Мадриде.

В № 3 «БОРЬБЫ КЛАССОВ» БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:

Р. Минлос — Испанская революция.

Ц. Фридлянд — 125 лет революции.

К. Маркс — об Испании.

Э. Пелузо — За Пиренейским хребтом.

Что читать по истории Испании.

О. ЧААДАЕВА

РАБОЧИЕ ДОЛЖНЫ САМИ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ СВОЕГО КЛАССА

Маркс, Энгельс и Ленин неоднократно подчеркивали значение революционного опыта борьбы пролетариата и призывали к его изучению. В предисловии к брошюре «Крестьянская война в Германии» Энгельс писал, что немецкое рабочее движение имело перед собой опыт революционной борьбы французских рабочих: «Оно (т. е. немецкое рабочее движение) имело возможность просто обратиться к себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать».

Ленин постоянно обращал внимание русских рабочих на необходимость учиться на опыте борьбы международного пролетариата. В период подготовки к первому штурму самодержавия он писал в 1901 г. в журнале «Заря», что пролетариат России должен «воспринять в свое движение не только непрклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западно-европейскими и русскими предшественниками».

С того времени российский пролетариат приобрел опыт трех революций. Последняя из них явилась первой в мире победоносной пролетарской революцией. Он приобрел далее опыт гражданской войны, когда в упорной и ожесточенной борьбе, ценой лишений, страданий, жертв, — он завоевал и укрепил

свою диктатуру. В последние годы он обогатился невиданным в мире богатейшим опытом строительства социализма.

Теперь задачей пролетариата является изучить, обобщить и передать свой богатейший исторический опыт новым, молодым поколениям рабочего класса в СССР и международному пролетариату.

Помочь ему в этом должна наша историческая марксистско-ленинская наука, прежде всего те исторические кадры, которые занимаются изучением истории пролетариата. Но последние могут это сделать только при активной помощи живых носителей боевого опыта страны Советов — непосредственных участников революций и социалистической стройки.

Одна из научных исторических организаций — Секция истории пролетариата СССР Института истории при Коммунистической Академии — учла всю важность привлечения к разработке истории пролетариата самих рабочих.

Секцией уже выпущены два сборника автобиографий рабочих—участников революции 1905 г. — двух московских предприятий: завода «Серп и Молот» и «Трехгорной м-ры».

В связи с подготовкой к пятнадцатилетнему юбилею революции 1917 года на тех же двух предприятиях Секцией ведется работа по собиранию автобиографий рабочих — участников Октябрьской революции.

Секция истории пролетариата поставила также вопрос об изучении «нового в рабочем классе», имея в виду исторически обобщить происходящую на наших глазах невиданную в мире перестройку и перевоспитание рабочего класса в процессе социалистической переделки экономики и всех социальных отношений в стране Советов, вступившей в фазу социализма. В разрешение этой задачи должны также включиться сами рабочие, идущие в рядах авангарда — ударники, члены бригад по изучению техники, культармейцы, организаторы бытовых коммун и т. п. Запись автобиографий этих рабочих явится одним из решающих звеньев в развертывании всей работы по изучению «нового в рабочем классе».

В Москве и Ленинграде (в частности, на «Красном Путиловце») первые попытки в этом направлении встретили живейший отклик со стороны рабочих, общественных и партийных организаций. Надо полагать, что такой же отклик будет повсеместно, если проявить некоторую инициативу и руководство в этом движении.

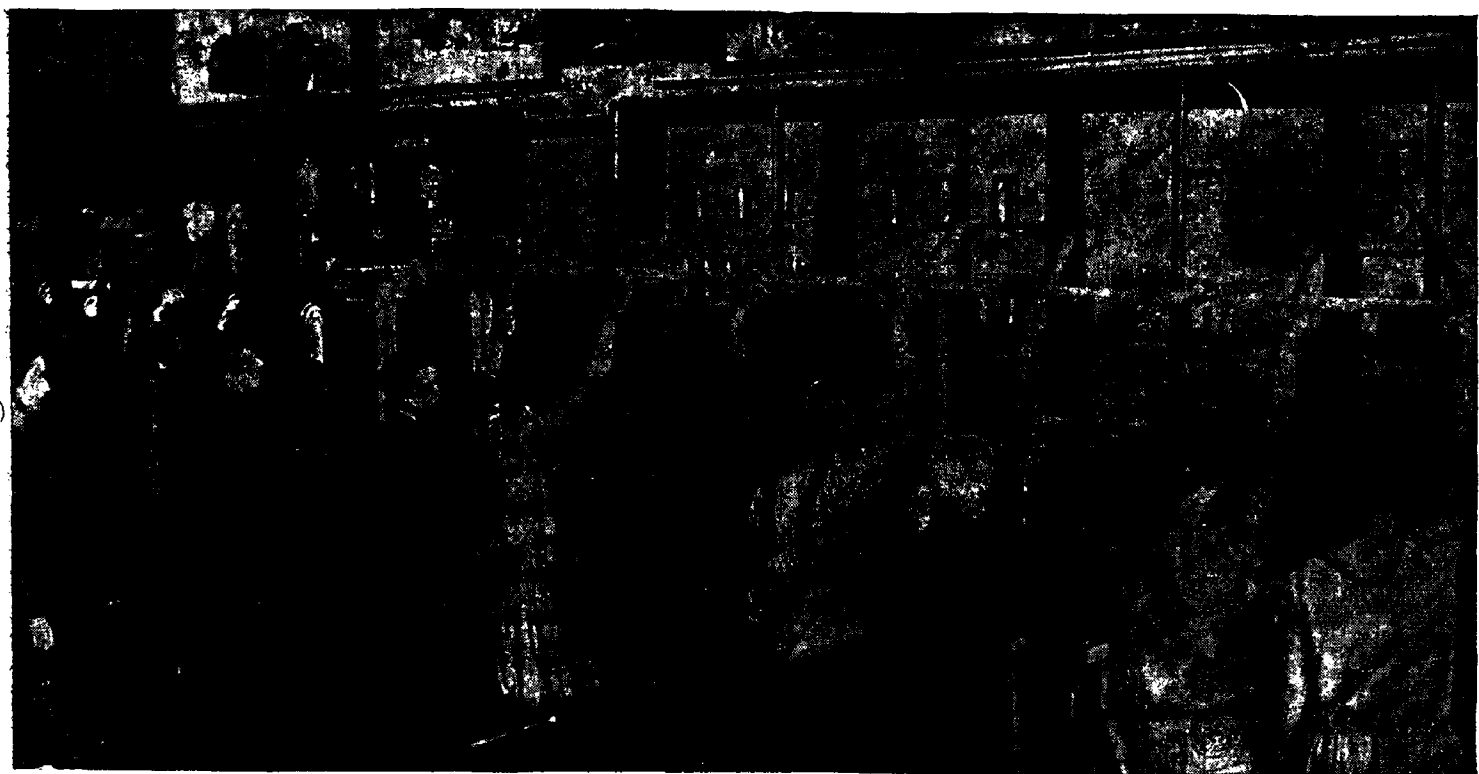
Задача историков-марксистов — возглавить эту работу и подвести под него научно-организационную базу, широко

использовать данные первых опытов и начинаний по привлечению самих рабочих к освещению своих героических побед и поражений в прошлом.

Широко привлечь рабочих к составлению истории своего класса, переводя при этом лучшие образцы на иностранные языки, это значит по-настоящему, по-большевистски организовать передачу нашего революционного опыта международному пролетариату. Наш массовый журнал «Борьба классов» может и должен помочь выполнению этой задачи.

На страницах «Борьбы классов» будут печататься отдельные автобиографии рабочих или наиболее интересные места из них, воспоминания участников борьбы и строительства, документы, фотографии и прочие материалы, характеризующие опыт пролетарской борьбы до и после Октябрьской революции. Рабочий класс СССР по возможности шире должен быть привлечен к этому большому делу — к написанию истории своего героического прошлого и настоящего¹.

¹ Со всеми запросами о практической постановке этого дела и о сборании автобиографий рабочих (по единому плану и вопроснику, разработанному анкетно-географической комиссией), просим обращаться по адресу: Москва, Волхонка 14, Коммунистическая Академия, Секция истории пролетариата

Работа по методам Цита в школе ФЗУ на Ярцевской фабрике

1905 ГОД НА ЯРЦЕВСКОЙ ФАБРИКЕ

На ярцевской фабрике (б. ф-ка Хлудова) рано началось рабочее движение. Первая забастовка на фабрике Хлудова произошла в 1880 г. Положение рабочих ярцевской фабрики было необычайно тяжелым даже для того времени. Расценки были крайне низки, а постоянные вычеты и штрафы еще более снижали заработок.

Комиссия уездного земства, осматривая фабрику в 1879 г., характеризовала следующим образом санитарные и жилищные условия: «Квартиры фабричных рабочих—ужасные вертепы нищеты, насквозь пропитанные миазмами отхожих мест и всяческих нечистот. В одной 9-аршинной избе—27 рабочих. Половину избы занимает огромная русская печь, углы завалены мешками с мукой, а под полом хранятся запасы картофеля. Вместо столов бочки из-под селедок и грязные скамейки из неструганных досок. Казармы—громадный сырой корпус в три этажа, разделенный, как гигантский зверинец, на клетки, битком набитые жильцами».

И это тяжелое положение рабочих владелец фабрики вздумал еще ухудшать, пользуясь промышленным кризисом и общим наступлением капитала. В 1880 г.¹ 9 сентября на фабрике было вывешено объявление о снижении расценок на десять проц. Объявление всколыхнуло всю ярцевскую фабрику. Была прекращена работа и выделены руководители забастовки.

Для «успокоения» забастовщиков хозяин вызвал из Смоленска губернатора и военную силу, а чтобы выиграть время, вступил с рабочими в переговоры. Было даже вывешено объявление об отмене снижения расценок. Но как только из Смоленска прибыл военный отряд, объявление было снято, солдаты окружили фабрику и началась расправа с рабочими. Руководители стачки были арестованы, пришлый «буйный элемент», серпуховские и егорьевские рабочие, были выгнаны с фабрики и отправлены на родину по этапу.

В 1901-02 гг. в Ярцеве был организован социал-демократический кружок. Организатор его — рабочий Николаев (Григорий Ланин), участник стачки 1880 г.

Кружок просуществовал недолго. Весною 1902 г. его выдал один из участников. Руководители Григорий Ланин и студент Александров были арестованы, и весь кружок распался.

Движение в Ярцеве как будто заглохло. До 1905 г. не было ни забастовок, ни каких либо других «беспорядков». Но на фабрике была уже прослойка рабочих социал-демократов, которые при подъеме волны рабочего движения в апреле 1905 г., в ответ на попытку снизить расценки, быстро организовали рабочих и дружно провели забастовку. Было предъявлено тридцать пять требований, и все они были удовлетворены. Через несколько дней после окончания забастовки полиция удалось устроить погром, в котором приняли участие «охранники» Хлудова и пришлые крестьяне-плотовщики, работавшие по сплаву леса. Под предлогом участия в погроме были арестованы руководители забастовки Бессудов и Музырев.

Ярцевская фабрика является сейчас одним из крупнейших предприятий II текстильного треста. На фабрике работает 5224 чел. Большинство из них — старые кадровые рабочие, не связанные с землей; на фабрике работают часто целыми семьями.

На фабрике ярко выявился общий процесс социалистической реконструкции. Выстроены новый корпус для ткацкой почти на 2000 станков. Вновь оборудована механическая мастерская на 500 чел., снабжающая станками все предприятия II текстильного треста.

За два года пятилетки сделан ряд новых силовых установок — расширена электростанция.

В 1929 г. выстроен новый корпус ткацкого зала, где установлено 1094 станка.

Значительно повысилась производительность труда: работают на шести станках (еще два года назад работали на двух), соответственно этому и промфинплан в последние месяцы 1930 г. выполнен с превышением. 88% всей фабрики и 90% партийцев участвуют в соцсоревновании и ударничестве. Превосходно работает так называемая «молодежная фабрика» (ткацкая), на которой активнейшую роль играют комсомольцы.

Особенно трудно разрешение жилищного вопроса. До революции рабочие фабрики Хлудовых жили в невероятных квартирных условиях. Об этом с поразительной яркостью говорят воспоминания рабочих. Об этом же молчаливо свидетельствуют существующие и сейчас казармы, мрачные и тесные, темные и сырые, в «каморках» которых ютилось по несколько семейств. Рабочие постепенно выводятся из казарм. Ликвидируется «кочное распределение». Широко развернуто жилищное строительство. В лесу под Ярцевом вырос целый поселок.

Резко изменившиеся жилищные условия, общественное питание, механическая прачечная, сеть яслей и детских садов (правда, пока недостаточная), довольно хорошо поставленная медицинская помощь, ряд мерсприятий по охране труда — создают совершенно новую обстановку для ярцевского рабочего.

При фабрике существуют три школы фабрично-заводского ученичества на 300 учеников.

Вся эта работа, борьба за промфинплан ведется под руководством партийной организации.

Ярцевские рабочие хорошо помнят свое участие в революции 1905 г. и свою забастовку. Их воспоминания мы и приводим ниже.

¹ Публикуемый материал подготовлен для печати и передан редакции Секцией истории пролетариата Об-ва историков-марксистов. В основу положен отчет г. Б. Граве о поездке в Ярцево для проведения юбилейной кампании 1905 г., предпринятой по командировке культпропа ЦК и Об-ва историков-марксистов.

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОЧИХ УЧАСТНИКОВ ЗАБАСТОВКИ 1905 ГОДА

ЯРЦЕВСКАЯ ФАБРИКА

Т о в. Е п и ф а н о в (ткацкое отделение). Тут собрались все старики рассказать о том, как мы теперь живем и как жили раньше. Я — уроженец Московской губ., родился в 1877 г. На фабрике родился и там же воспитывался. У нас в семье было 6 чел. детей — 4 сына и 2 дочери. Отец с матерью работали на 20 руб. Мы хлеба не ели вволю. Когда нас вырастили, в 1887 г. я пошел работать. Работал полный день, 4 часа учился. В 1903 г. я был квалифицированным рабочим. Ходил я как-то с товарищами, они меня спрашивают: «Какую партию поддерживаешь?», я же не понимаю, что это значит, и отвечаю: «Я ткацкий подмастер». Я не знал, куда итти и в какую партию попасть. Я ответил им: «Я покамест нигде; где, брат, половчей, там, брат, и я буду». В одно прекрасное время решили забастовать — на Хлудова все обижались. Вывесили плакат, чтобы остановили фабрику. Пароль у нас был: «Нарезная палочка». Эта палочка указывала, где будет митинг. Собралось нас в лесу тысяч около пяти. В том районе было 5 фабрик, и решили остановить фабрики на месяц. Побыли мы на митинге долго и вышли все вместе, чтобы смену не пустить на работу. Выходим, а навстречу нам стражники. Наш организатор, парень боевой, кричит нам: «Не волнуйтесь, боевыми стрелять не будут», но мы дрожим. Остановились — и ни с места. Тогда велели нам разойтись в две стороны, а стражников пустить в середину. Стражники начали лупить по нас из боевых, меня чуть не задели — шлепнулся я в болото и лежу, слышу — тихо стало, пошел дальше. Встречаю двух товарищей, — у одного перебита рука, у другого ляжка, а в больницу итти нельзя. Я был связан с крестьянством, в 6 час. мне надо было итти на работу, выбрался я на дорогу и пошел. Вдруг навстречу мне два казака, я здорово перепугался, но они увидели около

опушки двух товарищей и пустились к ним, я же пока добрался на фабрику. Прихожу на фабрику, меня встречает «шпик», спрашивает меня: «Ты где был?» Я говорю: «В деревню ходил». — «А почему у тебя на шапке иголки от сосны? Страхни их, а то неловко». На фабрику я не пошел, там стояла сотня казаков и никого не пропускала. Я пробрался к реке, лег отдохнуть и проспал смену, а вопрос был поставлен тогда так: кто опоздал на 5 минут или кто не вышел на работу, тот соучастник забастовки; таким образом, и я стал соучастником. 1 200 семейств тогда уволили.

Т о в. Ю д и н (механическая мастерская). В 1905 г. здесь в Ярцеве условия жизни были ужасные. Все старики знают это. Вера Александровна Хлудова была религиозная, она преследовала нерелигиозных, мстила им и даже выбрасывала с фабрики. Рабочие были разбиты на три группы: служащие, мастеровые и фабричные. Самые большие привилегии имели служащие, им давали хорошие квартиры, большое жалование, они жили, что называется, как у Христа за пазухой. Мастеровые же жили в худших условиях, но хуже всего было фабричным. В каморке жило по 10—15 чел. с семьями. Свины теперь так не живут, как жили раньше фабричные. Несмотря на то, что мы не были развиты, мы все-таки чувствовали, что нужно что-то требовать. Я помню, что у нас в то время был социал-демократ Марголин. Устраивали собрания в «Борку», разбрасывали прокламации, и вот, в марте месяце вспыхнула забастовка.

На другой день губернатор Смоленский прислал солдат. Боролись прядильщики и ткачи за свои требования стойко. Провокаторами оказались мастеровые и служащие. Один служащий выскочил в окно, когда мы снимали служащих конторы. После этого прядильщики начали выгонять котельщи-

ков, там тоже были штрейкбрехеры. Администрация отправила этих штрейкбрехеров в имение Гута, так как боялись, как бы рабочие им чего-нибудь не сделали. Продержали их там, пока рабочие не успокоились. Эту забастовку мы выиграли. Во время этой забастовки во главе были Бессудов и ткач Володька Сундуков.

После забастовки был погром; если бы в то время рабочие поняли, что такое погром, безусловно, никто бы не пошел, но рабочих ввела в заблуждение газетка, которая появилась в Ярцеве, а масса все же была темная. Разгромили все в пух и прах, по всему Ярцеву были разостланы ковры из ситца. Потом был обыск, награбленное отбирали, но никого не наказывали, такое было распоряжение правительства. После этой забастовки мне уже не пришлось больше участвовать в ярцевских событиях, меня выслали в 24 часа, и я уехал в Москву. Я счастлив, что мне пришлось участвовать во всех забастовках, которые были в то время. Мне пришлось участвовать в московских забастовках, строить баррикады на Красной Пресне, после этого я поехал в столицу нашу, в Ленинград. В 1917 г. мне пришлось участвовать в Февральской и Октябрьской революции.

Еще я хочу сказать, что теперь некоторые рабочие обижаются на жизнь, а если сравнить теперешнюю жизнь с прежней, когда у нас было и масло, и мясо, и конфеты — всего в магазинах было вдоволь. Но кто это кушал? А теперь мы уже попробовали хорошего и жалуемся, если чего-нибудь недостает. А сколько мы тогда работали? Мы работали по 12 часов. 12-ти лет я поступил на фабрику: 8 час. работал, а 4 час. учился и получал 4 руб. в месяц. Как можно питаться хорошо на такие деньги? Наши воспоминания надо передать молодежи, которая жалуется на жизнь. Надо им рассказать, как мы жили, как мы питались и как с нами обращались.

Г о р ш к о в. Действительно, 25 лет — срок довольно большой, чтобы запомнить все, но все же я постараюсь рассказать, как жили в то время рабочие. В Ярцеве жизнь была ужасная.

Жилищные условия были невыносимые. Жили по 10-12-15 человек в каморке. Спали не только на кроватях, но и под кроватями. Нельзя было тогда мечтать об этажерке, негде было поставить сундучок. Люльки висели на пружинах, и все жидкое из люлек падало на кровати и на спавших. Условия работы были трудные. Материалы приходилось чуть ли не самому покупать. Сломается ли челнок по вине машины или по вине рабочего, все равно приходилось самому покупать. Еще очень тяжело было со штрафами; все это порождало недовольство.

Немного нас раскочахла японская война 1904 г.; она не прошла бесследно для ярцевских рабочих. Стали выписывать газету, и те неудачи, которые преследовали армию, всколыхнули рабочих. С одной стороны, японская война, с другой — нажим со стороны предпринимателей — все это страшно волновало рабочих. Фабрикоуправление предъявило ультиматум: скидку в 10% заработной платы. А у рабочих и так накипело — и решили забастовать. Я работал ткачом, был еще молодым, но все же участие в забастовке принимал.

• Предъявили предпринимателям ряд требований, что-то до 35. Собрались мы возле домика Лушина (это был управляющий квартирами), притиснули его к стенке и начали ему предъявлять свои требования. Он нас успокоил, говоря, что сделает все, что можно будет, а на завтра прибыла рота или две солдат. Мы собрались у фабрики. Самыми консервативными были контора и механический отдел, они были привилегированными в смысле квартиры, заработной платы; клубом они могли пользоваться, а мы нет. Вот, значит, схватили наших ребят, Бессудова и Володьку, и увели в паровую, а мы схватили камень и бросились туда отбивать наших ребят. наших ребят выпустили, иначе было бы кровопролитие.

9 января тоже встряхнуло нашу ярцевскую фабрику: расстрел не сыграл той роли, на которую рассчитывали, он не устрасил рабочих, а наоборот, всколыхнул их. Мы стали революционнее, стали готовиться к революционным боям. Мы собрались в

бору, туда приехали ораторы из Смоленска — это первый раз, когда мне пришлось встречаться с людьми революционными. Собралось нас на этот митинг тысяч пять, набрали мы с собой початков, намочили их в масле и устроили иллюминацию. Ораторы говорили о тех безобразиях, которые творит царизм, о тех жертвах, которые понес рабочий класс, о тех лишениях, которые терпит рабочий. Очень много говорили, выбросили красные флаги и с песнями пошли к городу.

Вдруг кто-то крикнул: «Казачи!» Все бросились кто куда, осталось только человек 300. Многие приходили только на третий день — вот как перепугались казаков. А мы 300 человек, направились к фабрике, прошли по Московской, разошлись по квартирам и нигде казаков не видели. Опыт пятого года не прошел бесследно, рабочие организовались и продолжали борьбу до самой революции.

Е л и с е е н к о в. Революционная волна 1905 г. не прошла мимо ярцевской фабрики. В плохих условиях жили ярцевские рабочие. Месячный заработок ткача был 10-11 рублей, выплата производилась раз в месяц. Существовала фабричная лавка, которая снабжала рабочих, и вот, хочешь ли не хочешь, а приходилось брать все, что лавка давала. Расчет производился два раза в году: в октябре и на пасху. Для того чтобы дожидаться полочки после приемки мастерами работ, нужно было ждать два месяца. Денег для расчета не хватало, и проходила иногда неделя, а то и полторы. Когда началось революционное движение, в Ярцеве существовали две маленькие группы: социал-демократы и социал-революционеры. Возглавляли социал-революционеров Пырик и Степанов, два учителя, один из торговцев, другой из крестьян. С.-д. группу возглавляли смоленские товарищи: Марголин, Мазуров, Бессудов, Бадекин, так что митинги, которые происходили прежде чем начать стачку, проходили в организованном порядке. Ярцевская фабрика в тот период работала так: женщины работали 12, а мужчины 10¹/₂ часов. Решили забастовать,

Тов. Елисеенков, участник стачки 1905 г. Теперь председатель Райпрофсовета

когда пойдет мужская смена, не пустить ее на фабрику. Вот какие требования были предъявлены.

Я некоторые из них записал, кроме требований цеховых: 8-часовой рабочий день, охрана женского труда, выдача двухнедельного пособия по родам, потому что у нас были такие случаи, когда женщины рожали у станков и их выносили на носилках вместе с ребенком в родильный приют, и большая часть, конечно, умирала. Охрана детского труда — дети работали 8 часов и 3 часа учились! Выдача заработной платы — 2 раза в месяц. Улучшение жилищных условий — квартира давалась на рабочий номер; собирали 12 номеров, не считая детей, и давалась каморка. Таким образом, в одной комнате собиралось по 20 и больше человек. Одна смена уходит на работу, а другая приходит и ложится на ту же постель: своей постели не было.

Основное требование было не увольнять никого после стачки. Всех требований было около 40.

Стачка проходила оживленно. Началась она 18 марта и продолжалась до самой пасхи. Сюда прислали войско для

Прежние жилища
рабочих Ярцевской
фабрики

охраны фабричного имущества, но оно простояло около недели, и его вывели. После забастовки начался погром. Дело было вот как: на последней неделе великого поста была привезена провокационного характера газета, призывавшая к погрому, но погром не удался. Когда же пришли плоты и с ними много деревенских крестьян, погром начался. Крестьяне объединились, громили лавки, брали все, что им надо было. Это послужило поводом ввести к нам войско. После окончания стачки священник Геронтий служил молебен. Революционное движение юркнуло в подполье, так как были нагнаны и «фараоны» (городовые), и стражники, и жандармы, и 4 роты солдат. Все это не давало возможности устраивать революционные стачки до 1907 г.

Дроздов (ткацкое отделение). Расскажу о забастовке 1905 г. Главным образом, мы собирались за Шумным мостом.

Первое собрание прошло благополучно: на первом собрании доклад делал т. Розанов; второе собрание было на кладбище в Хатынях; третье собрание под городком, а четвертое собрание под Шумным мостом. Сидели мы и об-

суждали свои дела, у всех были брошюры, прокламации; вдруг наши патрули, которые были расставлены, известили нас, что нас оцепляют конные солдаты. Мы бросились кто куда. Прокламации мы доставали в Смоленске, а потом раздавали их по фабрике. В ткацкой я их подкладывал под ящик, где лежит уток. Один из наших, Филипп Васильев, разбрасывал прокламации по вагонам.

После забастовки я пришел с работы в казарму, ко мне приходят и говорят: «Вас зовут в контору». В конторе меня схватили солдаты и повели в белую школу, там уже был Володька Сундуков. Привели туда также Сыча Василия Иванова, сидели мы в белой школе сутки. Володьку Сундука увели куда-то, а нас на завтра окружили солдаты и повезли на станцию. В вагон с нами посадили человек 20 конвойных. В Смоленске пришло конвойных человек 150, а когда вывели всего только трех человек, они были очень удивлены и сказали: «Мы думали, приведут человек 200». Посадили нас в тюрьму в одиночку. Первые два дня нас не трогали, а потом начали водить на допросы и заставляли указывать сообщников, и вот в результате мои зубы выбиты.

Продержали нас 1 год 8 мес. в одиночке и выпустили без всякого суда. Паспорта нам не давали, на фабрику не брали, даже не пускали на двор фабрики. Приехали мы в Ярцево и не можем даже с семьей повидаться. Работал я на линии, очень мучился. Стали за меня хлопотать товарищи, выдали мне паспорт и взяли на работу, но все же смотрели на меня, как на собаку.

С о р о к и н а (ткацкое отделение). Я расскажу только о том, как пришлось мне познакомиться с революционерами. Мне было 19 лет, я работала рядом с Сундуковой женой и женой Бессудова. Бессудов часто приходил на станки и давал нам прокламации разносить. Даст нам пачку прокламаций, чтобы мы раздавали их по казармам, а также и по деревням. К моему мужу приезжал паренек один, он у нас часто ночевал, еще приходил один и часто занимались в моей квартире. Я, правда, не знала, что они обсуждали до тех пор, пока к нам пришли с обыском. Рядом с нами жила учительница Каверзнева; она всегда приносила им пакеты, которые они читали и о которых толковали, но я, как женщина, была очень занята: приходила с работы, ходила в прачечную, а потом опять на работу. Я была хорошей ткачихой, получала

9—10 руб. в месяц. Когда я вышла замуж, мы жили по 60 человек в каморке, в 85-й казарме, вокруг комнаты были нары, на этих нарах мы спали и обедали. Когда кубовщик подметал пол, он той же метлой сметал нары, на которых мы обедали. Грязь была ужасная, горшки не мылись, жили тут больше всего деревенские. Когда горшок протухнет, его выбрасывали или отправляли в деревню. После забастовки мы стали жить лучше, увеличили заработную плату, не брали платы за квартиру, начали больше внимания обращать на рабочих. Спасибо тем ребятам, которые начали забастовку. Мы же им только помогали.

После пасхи был у нас погром. Конечно, сознательные рабочие в погроме не участвовали, а несознательные таскали, что могли. Володька и другие агитировали, чтобы вещи сдавали обратно, некоторые так и сделали — сдали вещи, а другие бросали их в Вось.

Л а р ч е н к о в (ткацкое отделение). Перед забастовкой мы устраивали собрания. Последнее собрание у нас было в курашихином доме, окна были заставлены щитами, был выставлен дозор. С нами был т. Кирпичев; мы решали, когда именно начать забастовку. Вдруг нам докладывают, что собирается полиция. Мы все разбежались, остался

Участники забастовки 1905 г. Слева направо (начиная сверху) 1. Дроздов, 2. Кореньков, 3. Корольков, 4. Горшков, И. Г., 5. Ласкова М., 6. Белозерский Т. В., 7. Степанов М., 8. Ващенко, 9. Абраменков, 10. Галактионова, 11. Лосев, 12. Новиков Г. И., 13. Слободина, 14. Захаренков, 15. Ларченков, 16. Давыдова, 17. Балекин Яков, 18. Неизвестно, 19. Спиридонов, 20. Бессонова

лько Кирпичев, а у него остались все бумаги. Направился он домой через мост. Там его остановили, а он бумаги бросил в реку; обыскали его, но ничего не нашли; хотя он и был провокатором, но все же бумаги он уничтожил. Кроме привозных прокламаций у нас были и свои; мы работали в 90-й казарме в подвале, сами печатали и разносили. У нас были такие, которые выбрасывали прокламации из окна казармы, когда смена приходила; рабочие идут и подбирают их. После забастовки нас выбросили с фабрики. Рабочие дали нам по 5 руб. 75 коп. на дорогу. 6 лет нас не пускали в ворота фабрики.

А в д е е н к о в (ткацкое отделение). Я поступил на работу в 1876 г. За инструменты нам приходилось платить: за челнок 90 коп. высчитывали, за вилку — 25 коп., за щипцы — 15 коп., за крючек — 10 коп., вот за все это платили сами ткачи, в то время как теперь дают это даром.

Я расскажу, как я записался в социал-демократическую партию. Раз товарищи мне говорят: «Пойдем в лес за грибами». Я им поверил; вижу — у них в корзинке полбутылки и закуска. Приходим в лес, сидят двое и спрашивают нас: «Куда вы, граждане?» А мы отвечаем: «За грибами». — «Идите влево». Приходим, сидят отдельными кучками, закусывают все, потом начали все соединяться вместе, пришел оратор и начал говорить. Когда кончилось, Кольцов меня спрашивает: «Ну что, понравилось?» и записал меня в социал-демократическую партию.

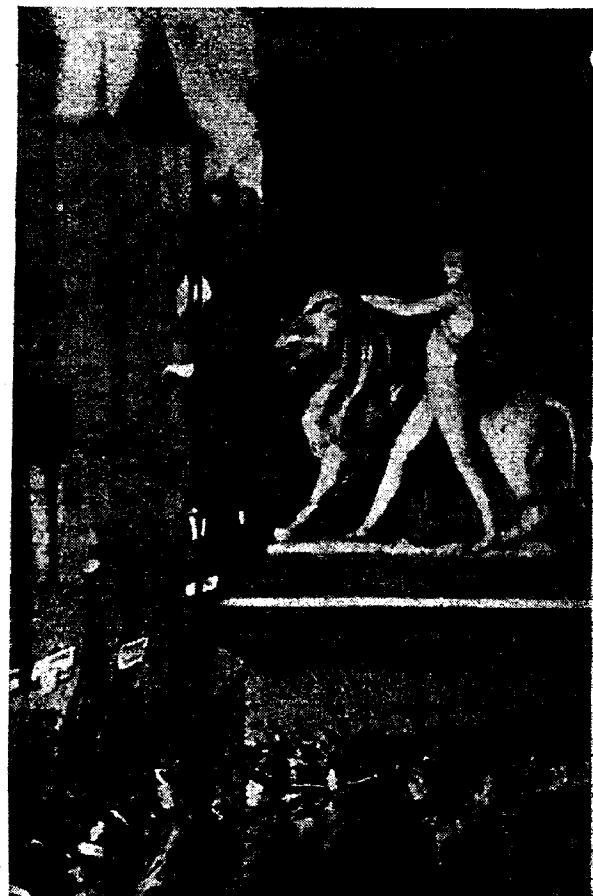
П а н о в (ткацкое отделение). Я хочу сказать немного о себе, в чем я участвовал. Я стоял как-то в домике за баней; у меня были два раза с обыском; я брал прокламации и разносил их. Я наклеивал их на крылечки. Тогда в Ярцеве у нас было три городских. Вдруг собака нашего соседа залаяла; я вышел, вижу — идут два городских; я догадался, что идут ко мне. А у меня были прокламации, я их всегда клал под укладку. Вынул я прокламации и бросил в кипящий самовар. Пришли, обыскали, но прокламаций не нашли. Жена дрожит и спрашивает: «Куда ты

дел прокламации?» Я откручиваю кран самовара, а оттуда не вода идет, а чернила. Еще раз у меня были с обыском, но тоже ничего не нашли.

Г у с е в. Хотя я моложе многих, но очень многое помню. Я работал концевщиком; после работы нас заставляли подметать проходы, и хотя Вера Александровна была религиозная, но мы заканчивали работу в воскресенье часов в 8—9. Когда приходили домой, то уже звонили в церковь. Из рабочих ходили только старики, молодые бывали в церкви мало. В то время у рабочих стало назревать недовольство. В марте мы стали находить прокламации, около фабрики. Нашли прокламации, подняли их и тихонько прочли. Там было написано о Куропаткине. Начали говорить о забастовке. К половине второго вышедший из фабрики Ванька стал говорить, что завтра мы должны остановить фабрику и предъявить свои требования, а кто не захочет выйти, того будем гнать. Назавтра мы, молодежь, хотя и не состояли ни в каких кружках, пришли к старой ткацкой. По первому гудку рабочие стали подходить, а по второму гудку начали подходить больше и зашли на фабрику. Осталась только маленькая горсточка людей, мы стали у дверей и никого не впускали. Начали выглядывать из прядильной фабрики и тоже стали выходить оттуда. Собрались мы и пошли к хозяйскому дому. Володька командовал нами, он был хороший командир. Велел остановить паровую, выгнать из конторы конторщиков, некоторые из конторщиков бросились лезть через форточку, а мы им говорили: «Идите вместе с нами». Но они с нами не пошли. Собрались на горке и наблюдали, что будет. Их узнать было легко, потому что они были хорошо одеты. Около хозяйского дома мы никого не нашли, дом был пуст.

Рабочие требования были удовлетворены. Тогда послали за отцом Геронтием, и он сказал: «Я сегодняшнюю ночь сильно плакал, потому что рабочие прекратили работу». Но он плакал не об этом. Он плакал, потому что рабочие сорганизовались и вышли победителями.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОГО МАЯ

1 мая сорок лет назад. Сверху (налево)—расстрел в Фурми 1881 г.; направо—демонстрация в Брюсселе; внизу — парижская полиция разгоняет шествие на площади Бово. Из французских журналов 1891 г.

ЛЕНИН НА МАЕВКАХ

В связи с 1 мая вспоминается несколько маевок, в которых принимал участие Владимир Ильич.

Помню маевку в 1899 г. в ссылке в селе Шушенском. Кроме нас в селе Шушенском жили польский рабочий с.-д. Проминский, с большой семьей, и питерский рабочий финн Оскар Энгберг. Утром пришел к нам Проминский. Он имел сугубо праздничный вид, надел чистые воротнички и сам весь сиял, как медный грош. Мы очень быстро заразились его настроением и втроем пошли к Энгбергу, прихватив с собою нашу знаменитую рыжую охотничью собаку Женьку. Женька заразилась нашим настроением и радостно тьякала. Итти надо было вдоль речки Шуши. По реке шел лед. Женька забиралась по пояс в ледяную воду и вызываясь лаяла по адресу мохнатых шушенских сторожевых собак, не решавшихся войти в такую холодную воду. Оскар взволновался нашим приходом. Мы расселись в его комнатешке и принялись дружно петь.

«День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь, раздайся, удалая,
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить!
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом,
Гоп-га! гоп-га!».

Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже 6 человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек. Проминский продолжал сиять. Когда вышли в поле на сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расстелил его на земле и встал на голову. Дети за-

визжали от восторга. Вечером собрались все у нас и опять пели. Пришла и жена Проминского и девочки Проминского, к хору присоединились и моя мать и наша домашняя работница Паша.

А вечером мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие.

Помню майскую демонстрацию в Мюнхене в 1902 г. В первый раз социал-демократам было разрешено полицией праздновать 1 мая, по городу разрешалось лишь пройти, а речи говорить, петь можно было лишь за городом. Демонстрация была довольно большая, но она не носила никакого внушительного характера. Молча, спешным шагом проходила демонстрация по улицам Мюнхена. Никаких флагов, плакатов не было. Прохожие останавливались и с любопытством смотрели на этих куда-то спешивших людей. Из карманов у многих торчала редька. Публика запаслась редькой, чтобы всласть поесть ее с пивом в том загородном трактирчике, куда направилась демонстрация. В трактирчик мы не пошли, отстали от демонстрации, а пошли по привычке бродить по улицам Мюнхена, чтобы заглушить чувство разочарования, которое невольно закралось в душу: хотелось принять участие в боевой демонстрации, а не в демонстрации с разрешения полиции.

Ни в Лондоне, ни в Париже нам не пришлось принимать участия в боевых демонстрациях.

Помню еще рабочее первомайское собрание в Кракове в 1913 г. Оно происходило на краю города в так называемом «Звежинце». Толпа была не очень велика, стояла, сгрудившись около оратора. На горке был укреплен красный флаг. Преобладали крестьяне с соседних деревень, были рабочие-ремесленники (крупных фабрик в то время

**Н. К. Крупская 1907 г.
Стирсуден**

в Кракове не было), городская беднота. Толпа напоминала русскую толпу, и потому этот митинг как-то волновал. Выступал Дашинский. Из его речи мне запомнилось его антирелигиозное выступление. Он говорил, как католическая церковь дурачит рабочих и особенно влияет на женщин. Весной католическая церковь убирает церковь цветами и тем привлекает туда женщину. Выступление не носило классового характера, имело мало отношения к празднику 1 мая, но все же касалось важного большого вопроса. Зная, как были опутаны в Галиции в то время рабочие и крестьяне влиянием католической церкви, нельзя было не почувствовать положительного значения этой речи. В ней все же были боевые нотки, хотя и не говорилось

о международной борьбе рабочих. Ильичу митинг понравился, несмотря на всю его первобытность.

Май 1917 г. Мы приехали еще только что из-за границы. Сотни тысяч рабочих, солдат заливали улицы Петрограда. Я тогда лежала, не могла подняться с постели. Ильич выступал на Охте и Марсовом поле. Первый раз принимал он участие в такой грандиозной демонстрации, демонстрации масс, охваченных революционным настроением. Он вернулся домой глубоко взволнованный. Рассказывал мало, да и трудно ведь словами было передать то, что в тот момент было пережито. Но лицо было взволнованное, изменившееся какое-то. Оно стоит у меня перед глазами.

ВЕДДИНГ

Кровавое майское дерево взросло на берлинском асфальте в 1929 г.

Но его корни тянутся к первому мая предыдущего года. Маевка 1928 г. была последней, на которой социал-демократы и коммунисты выступали совместно под знаком профсоюзного единства. Социал-демократы и коммунисты демонстрировали о т д е л ь н о под собственными знаменами, лозунгами и плакатами, направляясь к о б щ е м у месту собрания, на так называемый Трептовский луг, в пролетарском квартале Нейкельне. Эти отдельные процессии явились для вождей профсоюзов и социал-демократической партии весьма знаменательным симптомом. Несмотря на статистические данные и результаты выборов, доказывавшие, что большинство берлинских рабочих, повидимому, принадлежит социал-демократической партии, социал-демократическая демонстрация была очень жидкой, а лозунги о «промышленной демократии», об «эволюции», о «мире в промышленности под руководством коалиционного правительства и союза рабочих предпринимателей» — встретили более чем холодный прием. М а с с ы б ы л и с к о м м у н и с т а м и, и население Нейкельна приветствовало коммунистические лозунги классовой борьбы.

Здесь впервые в широком масштабе обнаружилось начинающееся революционизирование и радикализация германского рабочего класса, сделавшие такие гигантские шаги с тех пор. Здесь впервые социал-демократы увидели, что началось расслоение германского пролетариата, что совершается переход не только в кругах трудящихся, бывших до сих пор нейтральными, но и среди радикальных социал-демократических элементов, перелом в сторону классовой борьбы под коммунистическим руководством.

Профсоюзные вожди объявили после 1 мая 1928 г.:

— Больше не будет майских демонстраций в Берлине!

После первого мая 1928 г. в том же месяце происходили выборы. Благодаря выдвинутым заведомо демагогическим лозунгам, как например, «Против постройки броненосца», «Против коалиции с буржуазными партиями» — социал-демократии удалось одержать «видимый» успех, она собрала свыше 9 миллионов голосов, но эта победа была не ровной, а с изумительными скачками и изгибами; в Берлине число голосов рабочих в крупных промышленных районах, поданных за коммунистов, возросло, число полученных социал-демократии — снизилось. Берлин, бывший до сих пор цитаделью социал-демократии, сдал позиции. С тех пор Берлин является центром радикализации и с тех же пор он является центром социал-демократического нажима.

После выборов социал-демократия образовала коалиционное правительство. Герман Мюллер сделался канцлером, Гильфердинг, Зеве-ринг и Виссель получили портфели в кабинете. Социал-демократия начинает проводить в жизнь противоположное тому, что она выставила в своей программе. Не только был принят проект постройки броненосца «А», не только были исполнены все желания правящих классов, но «социальные завоевания» рабочих очутились под ударом благодаря ряду новых законов, направленных против рабочих.

Разочарование и возмущение масс росли необычайно. Особенно высоко поднималась волна протеста в Берлине. Одна за другой следуют массовые демонстрации, насчитывающие свыше полумиллиона участников. Социал-демократия лихорадочно вооружается против бунтующего города. Под руководством бывшего профсоюзного лидера Цергибеля реорганизуется берлинская полиция. Ядро ее набирается из враждебных рабочему классу сыновей провинциальных кулаков, фашистски настроенные офицерские кадры обучают этих полицейских тактике уличных боев. Десять миллионов марок стоит вооружение полиции крупнокалиберными револьверами, пулеметами, минометами, особо сконструированными броневиками, большими и маленькими боевыми автомобилями.

Несмотря на то, что демонстрации революционных рабочих проходили спокойно и производили большое впечатление только благодаря своей многочисленности и революционному подъему, 13 декабря 1928 г. Цергибель издал приказ о запрещении демонстраций.

Уже с самого начала это запрещение было ярко выраженной провокацией. План сводился к тому, чтобы благодаря грубым полицейским налетам создать напряженную атмосферу и затем создать предлог для роспуска пролетарских организаций и принятия репрессивных мер. Союз красных фронтовиков должен был быть разогнан, коммунистическая партия — загнана в подполье.

В течение лета и осени 1928 г. полиция делала всякие попытки спровоцировать массы. Все было напрасно. Пролетарии проявляли образцовую дисциплину, и все чаще можно было на улицах Берлина во время полицейских атак слышать громкие призывы:

— Товарищи, не давайте себя спровоцировать!

Но именно, потому что провокация не удавалась, потому что популярность компартии в Берлине росла со дня на день, социал-демократия сделала последнюю попытку вызвать серьезные беспорядки. Это было весной 1929 г. Цергибель распространил запрещение демонстраций и на 1 мая.

Это явилось неожиданностью.

Первое мая 1929 г. было как раз сороковой годовщиной майского празднования. Таким образом 1 мая, — правда, уже как мелкобуржуазный, мещанский, «кофейный» праздник, — все же считалось одной из неотъемлемых традиций германской социал-демократии. Еще в вильгельмовские времена, в кровавых стычках с полицией Ягова, рабочий класс завоевывал себе право выйти на улицу. Еще в 1910 г. после нелегальной уличной демонстрации в Мабите, где был убит один рабочий, «Форвертс» в № ст 11 апреля выступал за «свободу уличных демонстраций».

«Этот день утвердил нашу победу, которая подготовлена нашими прежними «незаконными» демонстрациями. В то же время блестящий успех этого дня является резкой критикой прусской системы, которая хочет полицейскими атаками запретить то, что является правом народа».

А в 1929 г., именно под социал-демократическим господством, рабочему классу было запрещено выйти на улицу!

Резкий протест берлинских рабочих прозвучал с небывалым единодушием. Агитация компартии за майские демонстрации, невзирая на запрещение Цергибеля, всколыхнула широчайшие массы населения вплоть до боевых слоев социал-демократии. На предприятиях возникли майские комитеты, в которых заседали рабочие различных партийных направлений, в том числе и социал-демократы. У всех была общая цель — расчистить 1 мая улицы для демонстрации.

Буржуазия и часть социал-демократии ожидали снятия запрещения под нажимом рабочей общественности. «Левая» социал-демократия обращала внимание «товарища Цергибеля» на то, что он своим упорством подготавливает кровавую баню.

Но полицейско-социалисты работали в противоположном направлении. Им нужна была такая баня, и они хотели подготовить ее возможно старательнее. С помощью буржуазной желтой прессы во главе с «Форвертсом» велась в течение недель погромная агитация против коммунистов. Сообщалось, что предстоит всеобщее восстание коммунистов в Западной Европе по приказу из Москвы; 1 мая в Берлине явится прологом к этим событиям; повсюду действуют «московские эмиссары».

Наиболее ярким проявлением травли надо считать статью «Форвертса» с «достовернейшим» извещением о том, что районное руководство Берлин-Бранденбургской организации компартии решило, во что бы то ни стало уложить двести человек во время уличных боев 1 мая. В полицейской школе в Бранденбурге, «ученики» которой были вытребованы в Берлин на этот день, офицеры муссировали слухи, что целью коммунистического восстания является в первую очередь уничтожение полицейских. Предыдущие стычки рабочих с полицией были изображены как страшные «зверства», рассказывали о том, как коммунисты выкололи глаза одному полицейскому (!).

28 апреля Цергибель раскрыл свои настоящие замыслы в следующих строках своего приказа:

«К мирному населению Берлина, особенно к женщинам и детям, обращаюсь с настойчивой просьбой воздержаться без особой нужды от хождения по улицам».

Итак, во что бы то ни стало полиция решила стрелять.

Еще в последнюю минуту, 30 апреля, центральный орган компартии обратился с прямым воззванием к полицейским:

«Мы, коммунисты, говорим вам, полицейским, что классово-сознательные рабочие, которые выйдут завтра на улицу под знаменами компартии, не имеют никакого желания вызвать столкновения; поэтому они будут демонстрировать без оружия. Вам предстоит показать, что вы тоже не являетесь безвольными орудиями военщины. Не стреляйте!».

1 мая выпало на будний день, на среду.

Серые фасады домов пролетарского квартала нарядились по-праздничному в красное. Просто красный цвет — это цвет социал-демократических знамен. Красное с серпом и молотом — коммунистическое убранство. В рабочих кварталах оно преобладало.

Несмотря на штрейкбрехерские лозунги социал-демократов, предприятия остановились, и с 9 часов утра рабочие были на улице.

Невероятное количество полицейских — 15 тыс. вооруженных! — запрудило город; полиция была вполне снаряжена для ведения войны. Каждый полицейский имел не только резиновую дубинку и револьвер, но и винтовку за плечом.

Для проведения запрещенной демонстрации революционные массы ввели новую тактику так называемых «летучих колонн». Эта тактика потом привилась по всей стране.

В течение утра составились в различных частях Берлина быстро и неожиданно отдельные демонстрации. Знамена и плакаты с лозунгами были сперва припрятаны под пальто. Все утро Берлин был взволнован пением революционных песен и стройным шагом демонстрантов.

Несмотря на всю свою многочисленность, полиция не могла сорвать демонстраций. Но по телефонным вызовам шпииков и доносчиков полиция появлялась повсюду, где только обнаруживались демонстранты, и с необычайным напором набрасывалась на массы. Атаки и избиения были более жестоки, чем когда либо. До полудня полицейские отряды рыскали по всему городу, с севера на юг, с востока на запад. Гнусность этих избиений не поддается описанию. Но демонстрировавшие массы соблюдали дисциплину, не оказывали никакого сопротивления, рассеивались для того, чтобы на следующем углу вновь собраться и шагать дальше. Они не хотели дать себя спровоцировать.

В течение часов офицеры наускивали своих полицейских и солдат на безоружных демонстрантов, в сумасшедшем темпе носились по городу полицейские грузовики, доотказа набитые людьми. В результате лихого налета инвалидов войны, женщин, детей, избитых до

потери сознания, волокли к врачам, к родным, в больницы.

Вот только один случай. Свидетельница, мелкая служащая, «барышня» из бюро, дает показания:

«Неподалеку от меня стоял г о с п о д и н. Он вышел из универсального магазина Тица,— это было на Александерплац, «в аристократической» части города,— и в тот же момент он получил удар по голове, от которого совершенно остолбенел. Когда он открыл рот, чтобы сказать что-то, он получил второй удар, от которого свалился без сознания. Другой полицейский хотел его поднять, но первый сказал ему: «Пусть собака валяется здесь, это одно притворство!». В заключение он получил еще пинок ногой, от которого перевернулся на другую сторону. Я охотно бы помогла бедняге, но у меня нехватило сил. Рядом лежал старик, точно так же избитый...»

Так досталось «господину». Можно себе легко представить, что выпало на долю рабочих!

Несмотря ни на что, провокация не удалась. Полиция возобновила свои атаки, но массы прорвались в центр города и мирно закончили там демонстрацию. Затем они направились обратно в рабочие кварталы.

Тут для социал-демократов возникла «опасность», что первое мая, несмотря на предпринятую погромную агитацию, не закончится кровавой баней, и поэтому они не стяжают славы усмирителей вооруженного восстания.

Надо было начать убивать с холодным расчетом.

И они начали там, где можно было это проделать решительней: в «самых красных» частях города, где все население бурлило на улице.

Техника убийства, тоже вновь изобретенная, но узаконенная с тех пор, свелась к следующему: полицейский автомобиль проезжает мимо. Полицейские соскакивают с него, бегут по улице, выхватывают револьверы, кричат: «Очистить улицу!» и прежде, чем кто-нибудь двинется с места, начинают стрелять. Падают убитые и смертельно раненые. Это случилось так неожиданно, что участники демонстрации даже не понимали, каким образом произошло нападение.

От неожиданности массы заколебались. Улицы опустели. Только в окнах появились головы любопытных, напуганных стрельбой. Под предлогом, что стреляют из окон, полиция начала обстреливать фасады домов.

«Закреть окна!» — раздавался приказ, и в ту же секунду гремел ружейный залп. Первой жертвой этой новой военной техники явился старый социал-демократ, верный член организации «имперского флага». Это было в Веддинге, на Кезлинерштрассе.

Еще один случай. Свидетель из Нейкельна дает показания:

«Я подошел со своей сестрой к окну, чтобы выглянуть на улицу. Мы заметили броневик, за которым шел грузовой автомобиль с 15—16 полицейскими. Моя мать подошла к другому окну, чтобы закрыть его. Когда полицейский

автомобиль проехал мимо окна, моя мать упала от выстрела. Пуля убила ее наповал. Я видел, что полицейские держали револьверы наготове. У них не было ни малейшего повода к стрельбе, потому что улица была совершенно пуста».

Среди убитых были старушки, маленькие девочки, одноногие инвалиды!

Один из городских врачей дал показания: «Из четырех мертвых, привезенных в анатомический музей, было два инвалида. У одного была ампутирована конечность ноги, у другого бедро. Оба были убиты выстрелами в спину».

Так как полиция все время повторяла свои налеты, рабочие должны были что-то предпринять. Под вечер на улицы вышли массы, готовые к обороне.

В Веддинге и Нейкельне на улицах, населенных исключительно революционным пролетариатом, возник «баррикадный квартал». Рабочие строили преграждения для полицейских автомобилей.

Так Кезлинерштрассе в Веддинге и Принци-Ханджериштрассе в Нейкельне стали центром пролетарской обороны.

Баррикады возникли главным образом там, где удалось достать свободные строительные материалы у рабочих, бастовавших в майский день. Камни для мостовой, балки, канализационные трубы, перевернутые афишные колонны и фонарные столбы были нагромождены поперек улиц.

Находившиеся на баррикадах рабочие были вооружены только камнями, и только потоком камней могли они встретить атакующую их полицию. Как только обнаружались первые признаки сопротивления, трусливая орда полицейских с воем стала отступать, убирая пулеметы и минометы. Но оружие нападавших и оборонявшихся было неравно; все же взятие баррикад продолжалось до поздней ночи.

Затем последовали дни борьбы. С четверга до воскресенья, со второго до пятого мая происходило «умиротворение» бунтующих рабочих кварталов. Снова прибегли к испытанному средству военной лжи: хотя полиция первого мая не потеряла ни одного человека убитым, а если и были раненые из ее числа, то только благодаря полицейским случайным выстрелам, были пущены по городу фантастические слухи о множестве полицейских трупов, подобранных на улице, о стрельбе коммунистов с крыш разрывными пулями.

Цергибель ввел «осадное положение» для этих улиц.

Он приказывает жителям двух наиболее населенных частей Берлина:

«С 9 часов вечера до 4 часов утра воспрещается всякое движение по улицам; выходящие на улицу окна должны быть плотно закрыты, свет в комнатах, расположенных к улице, должен быть потушен. Владельцы квартир подвергают себя опасности, так как их окна могут быть обстреляны полицией с улицы».

Это распоряжение, касающееся ночного времени, а вот и для дневного:

«Днем никто не может стоять на улицах, в подворотнях и у парадных подъездов. Полиции поручается следить за тем, чтобы никто не находился на улице больше, чем ему это не-

обходимо. Лица, которые без определенной цели будут ходить по улицам, будут арестовываться... Все лица, которые не будут соблюдать этих правил, ставят под удар свою жизнь».

Три дня и три ночи вела полиция охоту за населением в баррикадных кварталах. Обстрел окон сделался своеобразным спортивным занятием, а головы пролетариев — удобными мишенями. Не трудно было добиться того, чтобы улицы сделались безлюдными. Каждого, кто появлялся в воротах, убивали. Каждого, кто открывал окно для проветривания, убивали. Три женщины, развешивавшие белье на балконе, потому что жизнь шла своим чередом, были убиты хорошо прицелившимися стрелками.

Свидетели дали показания:

«3 мая в Нейкельне были убиты три женщины полицейскими выстрелами на балконе их жилища: сорокалетняя Мария Репнер и той же п у л е й двадцатилетняя Эрна Кеппен и шестидесятилетняя Елизавета Шейбе. Все три женщины выполняли домашнюю работу. Полиция обстреливала не только балконы, но и закрытые окна, как только за стеклом был виден какой-либо человек. Так, 3 мая в Нейкельне была убита сорокалетняя Клара Лангская».

Об этом дне сообщал «Форвертс»:

«Вчера улицы весь день держались полицией под обстрелом в целях самозащиты».

Всякое движение на улицах, обращенных в театр военных действий, прекратилось. По улицам слонялись только полицейские шпики и репортеры буржуазных газет.

6 мая полиция могла сообщить итоги своей победы:

31 — у б и т, 81 — т я ж е л о р а н е н, 2.000 — а р е с т о в а н н ы х.

Берлинские события вызвали во всем мире громкое эхо. Рабочие всех стран прониклись уважением к бойцам и презрением к зачинщикам террора и их марионеткам-полицейским.

Эти дни убийств рабочих имели большое значение для судеб германской социал-демократии. Выстрелы Цергигеля помогли расшатать основы партии во всем государстве. Выборы 14 сентября 1930 г., на которых почти во всех промышленных городах Германии социал-демократы отдали большинство голосов компартии, явились расплатой рабочего класса и за кровавую маевку.

Радикализация рабочего класса, отход масс под знамена советской Германии пошли ускоренным темпом, тогда как социал-демократы хотели задержать это революционизирование при помощи расстрелов.

В прологе зреющей германской пролетарской революции кровавая маевка 1929 г. занимает выдающееся место.

Уличные бои 1929 г. в Берлине. Полиция усмиряет демонстрирующих рабочих

ПЕРВОМАЙСКАЯ СТАЧКА В ЦАРСКОЙ РОССИИ

1. Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Этот лозунг впервые был подхвачен рабочими царской России сорок лет назад — во время первой пролетарской маевки 1891 г.

Сорок лет назад в нашей стране только небольшая группа сознательных и передовых рабочих могла воспринять этот боевой призыв «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса.

Впервые рабочий класс царской России непосредственно соприкоснулся с интернациональной классовой борьбой пролетариата других стран.

В дальнейшем день пролетарской солидарности против эксплуатации капитала для рабочего класса царской России являлся актом все более и более серьезной и упорной политической борьбы с самодержавием.

«История поставила теперь перед нами, — писал об этом Ленин в «Что делать, — «ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой-бы то ни было другой страны.

Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».

Таким образом, празднование 1 мая в России превратилось уже 40 лет назад в общепролетарское дело громадного интернационального значения. Самодержавие и буржуазия с одинаковым трепетом ждали этого дня и с одинаковой беспощадностью расправлялись с первомайскими демонстрациями.

Правительство усиленно готовилось к 1 мая, производило массовые обыски

и аресты, усиливало надзор за типографиями, увеличивало отряды полиции и казаков на улицах. Буржуазия предусмотрительно увольняла подозрительных и опасных для нее революционно-настроенных рабочих, наполняла своими шпионами и соглядатаями мастерские, цеха и даже рабочие уборные, покупала обещаниями и мелкими уступками наиболее отсталых рабочих и еще более приближала к себе верных и преданных мастеров.

Рабочий всюду — на улице, в фабричной казарме, в производственном помещении — чувствовал себя, словно находился в огромной тюрьме. Царская Россия и была такой огромной тюрьмой для миллионов рабочих и крестьян.

Но именно в этих условиях быстро рос и закалялся характер пролетариата, как класса-бойца. Самая мирная демонстрация и самая законная экономическая стачка быстро превращались в орудие политической и революционной борьбы пролетариата. Свинец, нагайка, полицейский застенок вместе с фабрикантскими прижимками довершали политическое воспитание сознательного рабочего, превращая его в социал-демократа.

День 1 мая каждый год отмечал новую веху в развитии и приближении революции в России. 1 мая как бы сигнализировало ее скорое наступление.

В этом, прежде всего, и заключается огромное значение первомайских годовщин дооктябрьского периода и их основное отличие от западно-европейских маевок, приобретающих до войны все более и более мирный, реформистский характер.

Первая маевка в России была организована на одной из рабочих окраин Петербурга так называемым брусневским

кружком марксистов-рабочих и студентов в 1891 г.¹

На этой маевке присутствовало до 200 рабочих. Движение тогда еще не было массовым, и число сознательных борцов было еще невелико. Но уже выступавшие на первой маевке четыре оратора-рабочие умели формулировать свои политические требования и понимали их связь с классовой борьбой пролетариата.

Гораздо более широкие размеры приняло празднование 1 мая в Польше. Польский пролетариат к этому времени представлял крупную общественную силу и имел свою революционную организацию—«Пролетариат». Под ее руководством 10 тыс. рабочих Польши приняли участие уже в первой маевке 1890 г., которую польский пролетариат праздновал одновременно с западно-европейским. Маевка 1891 г. была гораздо более значительной. В этот день в одной Варшаве бастовало свыше 10 тыс. рабочих. В Лодзи прекратили работу 3 тыс. текстильщиков крупнейшей фабрики Познанского. Эта первая крупная маевка в Польше ознаменовалась кровавыми столкновениями с войсками и казаками. В Жирардове рабочие и даже работницы, участвовавшие в праздновании 1 мая, были подвергнуты публичному телесному наказанию. Такая же участь постигла и участников лодзинской стачки 1892 г., превратившейся в настоящее восстание.

Лодзинская стачка всколыхнула весь польский пролетариат, который ответил за пролитую кровь целой волной стачек и демонстраций протеста. Под их впечатлением первомайское празднование 1893 г. приняло особенно массовый и всеобщий характер. Откликнулись и организованные рабочие Петербурга, прислав польским товарищам открытое письмо:

«Друзья и братья,—писали они,—с биением сердца мы, ваши товарищи, с далекой Невы, из этой столицы мрака, рабства и угнетения, из этого логовища царя-деспота, страшного врага всего того, что есть добро, правда, прогресс,

того царя, который вместе с барами, попами и полицией держал нас в рабстве, который вот уже сто лет сдерживает прогресс вашей бедной родины и освободил вас от ваших панов только затем, чтобы отдать вас в руки капиталистов и фабрикантов, по требованию которых высылают против вас целые полки солдат и казаков,—из этой столицы царя-изверга шлем вам, братья польские рабочие Лодзи и других городов, свой горячий привет от глубины души и сочувствие в вашей борьбе с этим подлым капиталистическим строем...»

Первомайский праздник принимал все более массовый и революционный характер, особенно в национально-угнетаемых районах. Пролетариат здесь был сильнее и сплоченнее и энергично реагировал на двойной гнет—экономический и национально-политический—со стороны фабрикантов и самодержавия.

В середине 90-х г. происходит поворот и в рабочем движении России, особенно в Петербурге. Приезд Ленина, создание им из рабочих кружков петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, его участие в руководстве стачками—сразу подняли движение на более высокую ступень. Сидя в тюрьме, Ленин написал к первомайскому празднику 1896 г. прокламацию, которая оказала громадное влияние на рост сознания петербургских рабочих и была толчком к их объединению и участию в знаменитых стачках 1896 г.

К майскому празднику 1897 г. Союз борьбы выпустил две новых прокламации и подвел в них итоги стачечной борьбы минувшего года.

«Стачки закалили нас,—гласила одна из прокламаций,—доказали нам, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих и что нам не на кого надеяться, кроме как на самих себя».

Грандиозные размеры приняло майское движение в 1899 г. в Либаве и, особенно, в Риге, где оно привело к настоящему сражению рабочих с войсками.

Полоса политических демонстраций 1900—1901 гг. свидетельствовала о дальнейших успехах в политическом пробуждении пролетариата.

«Активное участие рабочих в политических демонстрациях,—пишет, оцени-

¹ Брусневская группа соц.-демократов была организована в Петербурге, главным образом из студентов технологов под руководством М. А. Бруснеза в начале 1899 г.

вая демонстрации, революционная «Искра»,—придало им совершенно особое значение и открыло новую эпоху в русской истории».

В 1900 г. широкие размеры приняла первомайская демонстрация в Харькове, где участвовало около 10 тыс. чел. Демонстрации произошли в Варшаве, Домброве Вильно, Минске и других городах. Весьма значительной была несмотря на проливной дождь демонстрация в Тифлисе. Знамена с лозунгами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «8-часовой рабочий день!» были написаны на трех языках: русском, грузинском и армянском. Ораторы выступали каждый на родном языке. Эта демонстрация произвела громадное впечатление на многонациональный пролетариат Закавказья, присоединив его к общепролетарскому движению.

Но особенное значение для политического пробуждения рабочего класса имели события, вызванные первомайской стачкой на Обуховском заводе. 1 мая на работу не вышла большая часть рабочих завода. Помощник начальника Иванов, увидя почти пустые мастерские, стал грозить всем рабочим расчетом.

«А, гулять, — кричал он, — 1 мая праздновать! Расчет, всем расчет!

Но дать расчет 2000 праздновавшим рабочим администрация не могла и уволила 26 ч., наиболее политически сознательных и активных рабочих. Рабочие запротестовали и потребовали либо возврата уволенных, либо расчета всех баствовавших:

— Несправедливо это, братцы! Гуляли все, так пусть всех и рассчитывает, или тех обратно примет.

Восьмитысячная толпа рабочих дружно оставила работу и потребовала возврата уволенных. К обуховцам присоединилась часть рабочих других заводов. Администрация в панике вызвала отряды жандармов и казаков. Рабочие встретили их градом камней из-за наскоро устроенных баррикад и двухэтажных флигелей. Дети, подростки, женщины помогали взрослым рабочим, извлекая под выстрелами камни из мостовых. Но устоять против превосходивших численно и технически военных частей, рабочие не могли. Над рабочими была учинена небывалая расправа, вы-

завшая протест международного пролетариата и волну демонстраций протеста других предприятий в Петербурге и других городах.

Еще шире развернулось майское движение в следующем году. Особенно крупные первомайские стачки и демонстрации произошли в 1902 г. в Саратове, Сормове, Нижнем-Новгороде и Вильно. В Саратове демонстранты были избиты нападшими на них переодетыми полицейскими, а одетые в форму городовые спокойно наблюдали «драку в публике». В Сормове рабочие, привязав к палкам красные платки вместо знамен, двинулись с завода на улицу, но были окружены ротой солдат. Знамя, которое нес рабочий Петр Заломов, было отобрано, а знаменосец арестован и предан суду, на котором он произнес сильную речь против самодержавия. В Вильно губернатор фон-Валь за распространение первомайских прокламаций распорядился публично высечь розгами нескольких рабочих. В ответ на эти издевательства сапожник Леккерт ранил фон-Валя. Сечение розгами повторилось и в других городах—в Минске, Екатеринославе, на Воткинских заводах, поднимая новую волну пролетарского возмущения и протеста.

Чем ближе подходила революция 1905 г., тем выше поднималась волна первомайских стачек и демонстраций.

В 1900 г. они насчитывались единицами, в 1901 г. их было уже 18, в 1902 г.—36 и в 1903 г.—63. Даже в 1904 г. несмотря на войну демонстрации 1 мая произошли в 77 городах и местечках. 2. Первомайская стачка в годы первой революции

Отдельные стачки и демонстрации в революцию 1905 г. превратились в массовую революционную стачку, в которой неразрывно сливались экономические и политические требования пролетариата. Стачка, даже экономическая, в условиях революции, становилась средством борьбы с самодержавием. Еще более боевой характер и особенно серьезное политическое значение приобретала в революционное время первомайская стачка.

В отношении характера празднования 1 мая в этом революционном году большевики и меньшевики давали раз-

Первомайская листовка Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса

личные установки. Большевики и меньшевики сходились на одном: не призывать пролетариат к немедленному вооруженному восстанию 1 мая. Но меньшевики «в ожидании 1 мая» ограничивались гаданиями и сомнениями: «Что-то будет? Отложит ли наш пролетариат свои демонстрации до 1 мая старого стиля или теперь же выйдет на улицу?» А большевики, призывая рабочих к празднованию 1-го мая, рекомендовали ясную тактику: «1-ое мая не может быть еще днем всеобщего вооруженного восстания... Но у нас есть способ ознаменовать международный праздник пролетариата: объявить 1 мая всеобщую забастовку...»

В то же время большевики давали

указания, что там, где пролетариат более подготовлен и где местный комитет найдёт возможным, там возможна и вооруженная демонстрация.

Отсутствие единства в действиях большевиков и оппортунистическая тактика меньшевистских организаций сказались на практике разрозненных, нешироких первомайских выступлений пролетариата в 1905 г.

И все же, несмотря на то, что майское движение представляло довольно пеструю картину, 1 мая в 1905 г. было огромной демонстрацией против самодержавия. Празднование произошло не в один день, одни праздновали по новому стилю, другие по старому. В общем ра-

бочие бастовали и демонстрировали в 1905 г. в 177 городах и местечках.

Первомайская забастовка всего интенсивнее развернулась в Польше, в Прибалтике и в Белоруссии.

Между тем в политическую борьбу втягивались самые темные и самые отсталые пролетарские массы. Ленин насчитывает в мае 220 тыс. стачечников и видит в майском движении второй подъем после январского (в январе было 440 тыс. стачечников). Особенно внушительно развернулась первомайская демонстрация в Польше. Майские дни в Варшаве принесли новую всеобщую стачку и повторение январских кровавых событий.

Войска расстреливали уличные демонстрации, вызывая крайнее ожесточение рабочих. Число жертв исчислялось сотнями. Такие же кровавые столкновения произошли в мае 1905 г. в Лодзи, Калише, Гродно, Ревеле, Ростове, Самаре и др.

В крупных промышленных центрах местные власти энергично готовились к первомайским выступлениям, решившись задержать их самыми жестокими мерами расправы. Зато в глухой провинции, где полиция и местные власти были слабы, почти повсеместно состоялись революционные массовки и политические демонстрации. Всеобщие стачки в 1905 г. были проведены в таких до сих пор слабых пунктах, как Армавир, Двинск, Гродно, Пинск, Самара. Первомайские демонстрации стали устраиваться даже в мелких деревнях и отдаленных фабриках.

Первомайская стачка в России, отражая поднимавшуюся волну революции, указывала на то, что пролетариат накопляет силы для новой всеобщей стачки и для ее перехода в вооруженное восстание.

Совсем другую картину дает празднование 1 мая в 1906 г. В этом—втором году революции—1 мая праздновалось всей Россией с громадным единодушием. Но силы революции уже были сильно истощены за год колоссального революционного напряжения.

Всеобщие стачки в 1906 г. происходили только в Варшаве, Лодзи и др. промышленных городах Польши. В варшав-

ской демонстрации принял участие весь город: фабрики, мастерские, магазины, даже аптеки были закрыты. Стояли трамваи и извозчики. Стояли поезда. На телеграфных проволоках висели красные флаги.

«Еще раз варшавский пролетариат показал всю глубину своей революционной энергии, еще раз он стал силой, которая покорила весь город...»—писала революционная печать, оценивая итоги Варшавской маевки 1906 г.

Удачно прошли забастовки в Белостоке, Вильно, Ковно, Риге и Двинске. В менее крупных и непромышленных городах стачка носила характер почти всеобщей забастовки.

В некоторых губерниях в первомайском празднике принимали участие и крестьяне.

В Москве, несмотря на запрещения генерал-губернатора и на истощение пролетариата после декабрьского поражения,—в день 1 мая бастовало 50 тыс. металлистов и все типографии. В Петербурге в первомайской забастовке участвовало свыше 100 тыс. рабочих.

1 мая 1907 г. было отмечено только разрозненными и частичными первомайскими забастовками. Наиболее ярко первомайская годовщина в 1907 г. прошла в Москве, где ее поддержали забастовкой крупнейшие заводы и типографии.

В Петербурге первомайская стачка охватила 236 заводов и около 90 тыс. рабочих. Но полиция наводняла все рабочие кварталы и немедленно разогнала всякие попытки устроить собрание или митинг.

Наступали годы тяжелой реакции. Пролетариат отказался на время от прямого революционного натиска и копил силы для новой революции.

3. Первомайская стачка между двумя революциями

В годы реакции 1908—1911 г. пролетариат отмечал свой интернациональный праздник мелкими, разрозненными, частичными стачками.

Разгром социал-демократических организаций и усиленная провокация дали возможность охранке систематически срывать каждое первомайское выступление в крупнейших городах. Только в 1908 г. в Донбассе 50 тыс. горнозавод-

ских рабочих Юзовского района отметили 1 мая большой политической стачкой.

Картина резко меняется с 1912 г., в годы нового революционного подъема.

Ленские события как раз незадолго до 1 мая всколыхнули всю пролетарскую Россию и подняли ее к протесту и борьбе...

«Утро первомайского праздника, — писала одна из выпущенных к 1-му мая социал-демократических листовок, — займется зарей, обгащенной кровью расстрелянных рабочих на далеких приисках Лены. Разве вся жизнь русских рабочих и крестьян не есть массовый ленский расстрел, не есть кровавая расправа, в которой гибнут миллионы людей?»

Западно-европейские братья уже открыто ведут свою социалистическую борьбу с буржуазным строем!

Русским рабочим мешает царизм!»

И рабочие — в своих первомайских стачках и демонстрациях 1912 г. — требовали с новой силой устранения самодержавия.

В первомайской стачке по всей России в 1912 г. по правительственному сообщению было 100 тыс. участников. На самом деле их было вдвое больше: около 270 тыс.

Маевка в 1913 г. прошла под непосредственным влиянием «Правды» и большевиков, распространившей воззвания о значении 1 мая на новом этапе революционного подъема.

«Революционное движение пролетариата в России поднялось на высшую ступень; — так оценивал Ленин новый этап борьбы в связи с первомайскими стачками 1912 г., — пролетариат создал свои «майские комитеты» и встал на борьбу с революционной платформой, достойной класса, которому суждено освободить человечество от наемного рабства».

В 1913 г. Ленин еще резче и определеннее повторил ту же идею о руководящей роли пролетариата в надвигающейся революции, первой ласточкой которой он считал маевку революционного пролетариата: «Эта маевка, — писал Ленин в июне 1913 г., — как молния в хмурой и тусклой, тоскливой атмосфере

прорезала воздух... Перед миллионами нового поколения демократов встали опять во всем своем величии задачи грядущей революции и обрисовывались силы руководящего ею передового класса».

В 1913 г. по всей России бастовало около полумиллиона рабочих. Еще выше поднялся революционный вал перед 1 мая 1914 г. Общее количество бастовавших в этот день исчисляется в 500 с лишним тысяч, но эти сведения далеко не полны.

Полиция напрягает все усилия, прибегает к обыскам, арестам, налетам на собрания рабочих, закрытию газет, захвату литературы, чтобы не допустить маевки или сократить ее размах.

Большевики, возглавляя стачечное и в частности майское движение в своих листовках провозглашали: «Да здравствует 1 Мая!», «Да здравствует вторая революция в России!» Грянула мировая война. Распался оппортунистический II Интернационал. Массовыми арестами, разгромом организаций, мобилизациями, новой волной экономического и политического гнета пролетариат снова подавлен.

Революция была отсрочена, но не снята с очереди.

Всего через три года пролетариат встречает первую маевку в условиях «демократических» свобод и начинает борьбу за мировую революцию, за социализм.

Сорок лет назад пролетариат царской России примкнул к интернациональной борьбе пролетариата за 8-часовой рабочий день и за политические свободы.

Теперь пролетариат СССР успешно достраивает фундамент социалистической экономики первого в мире государства пролетарской диктатуры, возглавляет — под руководством Коммунистического Интернационала — борьбу международного пролетариата против империализма и против социал-фашизма как его орудия и опоры. Старый лозунг «Коммунистического манифеста» в программе Коминтерна звучит уже настоящим боевым кличем:

— Пролетарии всех стран и трудящиеся народов Востока, собирайтесь под знаменем Коммунистического Интернационала!

И. КУЗНЕЦОВ

О ПОЛОЖЕНИИ И ЗАДАЧАХ НА ФРОНТЕ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОКА

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ В ИКП ИСТОРИИ, ПРАВА И СОВСТРОИТЕЛЬСТВА

Товарищ Сталин еще во время X съезда выдвигал в качестве одной из важнейших задач подготовку, выращивание марксистских кадров для Востока. За прошедшие десять лет среди народов Востока происходил быстрый рост парторганизаций, вместе с тем и марксистских кадров. Этого мы никак не можем недооценивать. Но эти кадры, по преимуществу, практические работники социалистического строительства. Теоретические кадры, к сожалению, на много отстали в росте.

На дискуссии в ИКП по докладам тт. Сафарова и Таболова обнаружилось, во-первых, что на фронте востоковедения и по сей день еще очень мало марксистских теоретиков. На этом участке подчас совершенно свободно разгуливали буржуазные «ученые», которые, конечно, занимались восточными вопросами совсем не с точки зрения революции и борьбы за социализм. Иногда выступая под маской «марксистов» (Гурко-Кряжин и др.), они портили, срывали дело марксистско-ленинского, действительно научного изучения вопросов революционного движения в колониальных и полуколониальных странах, как и вопросов социалистического строительства на советском Востоке. Их влияние сказывалось и на отдельных звеньях партийных кадров—востоковедов.

Находились люди, которые, например, говорили о том, что в Китае, Индии и др. странах колониального и полуколониального Востока руководство революционным движением принадлежит национальной буржуазии, что там никакого пролетарского руководства нет. Эти востоковеды совершенно забывали, недооценивали революционизирующего влияния Советского Союза. Они же защищали такое оппортунистическое положение, что колониальные страны (например, Индия) растут под покровительством буржуазии великодержавных стран. Англии, Франции и др. Колонии якобы «цивилизуются» настолько, что становятся конкурентами метрополий. Некоторые переоцени-

вали капиталистическое развитие колоний настолько, что упускали из виду массу всякого рода пережитков феодальной эксплуатации и недооценивали, таким образом, крестьянские массы, как резерв и армию революции, способные вести борьбу и победить под руководством рабочего класса.

На дискуссии один из этой «школы» т. Ирандуст сам должен был признать, что они стояли «на основе системы правых взглядов». Но, к сожалению, эти же тт. Иранский и Ирандуст на дискуссии так и не сумели окончательно вскрыть и исправить свои «правые взгляды»; они пытались замазать свои ошибочные позиции, говоря больше о том, что-де и мы писали кое-что верное.

Есть среди востоковедов еще и «лево»-оппортунистические элементы, которые прямо и идут по направлению Троцкого. Им не терпится. Они хотят, чтобы в колониях и полуколониях сразу же была пролетарская революция, не признавая того, что социалистическая революция не делается по одним добрым пожеланиям отдельных фантазеров. Революция начинается, как буржуазно-демократическая: сначала идет борьба за ликвидацию феодально-крепостнического строя; в этих условиях за рабочим классом может идти на борьбу вся крестьянская масса. На этом первом этапе, тем более при гнете империалистических стран, до некоторой степени может участвовать в борьбе и национальная буржуазия. В дальнейшем же, по мере того, как революция вскрывает и доказывает широчайшим миллионным массам роль и тактику отдельных классов, по мере роста организованности и боеспособности рабочего класса, эта революция может перерасти под руководством коммунистической партии в социалистическую революцию. Ничего этого «леваки» не признают и толкают массы на всякого рода авантюристические «вспышки», что может только вредить делу революции.

Отсюда нужно сделать такой вывод, что одной из главных задач, стоящих перед марксист-

стами-востоковедами, является борьба с правыми и «левыми» шатаниями в своей собственной среде. Без этого невозможно ни на шаг серьезно двинуться вперед в деле изучения проблем зарубежного Востока. Без ленинской постановки и серьезного изучения конкретных вопросов революции в колониях и полуколониях научные кадры не выполнили бы самых главных задач, которые ставит перед нами партия.

Несколько своеобразно, но по существу такого же характера шатания замечаются и в области изучения вопросов национальной политики партии, в частности, вопросов социалистического строительства на советском Востоке. И здесь находит место известное влияние великодержавной буржуазной профессуры (Бахрушин, Любавский и др.), которая открыто защищает, оправдывает, восхваляет колониальное угнетение многих народов Советского Союза военно-феодальным царизмом. И здесь отражается влияние некоторых бюрократических элементов советского аппарата, которые защищают великорусский шовинизм, выдвигают, например, требование ликвидировать автономные области и республики (Тоцкий). Подпевалы великорусских шовинистов, встречающиеся среди коммунистов, отрицают развитие национальных культур, социалистических по содержанию, совсем не учитывают национальные моменты при постановке практических и теоретических вопросов социалистического строительства, презрительно относятся к коренизации аппарата и т. д.

Заметна также активизация местных националистов. Часто идеологи национализма буржуазии того или иного народа, многонационального кулачества, идут на поводу у великодержавных шовинистов. И те, и другие против советской власти, против строительства социализма. Проф. Губадуллин, например, открыто защищает пан-тюркизм, иначе говоря, отрыв тюркских народов от Советского Союза и объединение их под властью тюркских буржуазных и феодальных элементов. Некоторые националисты создают теорию «мирного вращивания феодализма в социализм». И вместе с тем уклонисты к местному национализму стараются не замечать того коренного перелома в жизни народов СССР, который произошел в процессе Октябрьской революции; они подменяют большевистский принцип областной автономии оппортунистической идеей «культурно-национальной автономии», т. е. стараются в угоду той или иной буржуазии раздробить

рабочий класс и трудящиеся массы исключительно по национально-культурным признакам. Эти же уклонисты не придают должного значения руководящей роли пролетариата СССР; они против насыщения национальной культуры социалистическим содержанием, они ориентируются на капиталистическую культуру Запада или феодальную культуру Востока.

Таким образом, и здесь находит свое яркое отражение обострение классовой борьбы. Значение этой дискуссии заключается в том, что она помогла по косточкам разобрать положение на востоковедном фронте. Эта же дискуссия важна еще со стороны проверки состава кадров марксистов-востоковедов и организации их для дальнейшего наступления. Дискуссия дала тот практический вывод, что необходимо самым скорейшим образом объединить марксистов-востоковедов единым планом и руководством, изжив раздробленность, параллелизм в деле востоковедения.

В итоге дискуссии бюро ячейки ВКП(б) при ИКП сделало ряд конкретных выводов относительно дальнейших задач, стоящих перед востоковедами. Ведя самую решительную борьбу со всякого рода уклонами, антиленинскими, антипартийными толкованиями вопросов зарубежного и советского Востока, вместе с тем «марксистское востоковедение должно поставить задачей своей научной работы, в первую очередь, обобщение опыта колониально-революционных движений с точки зрения большевизма в интересах передачи большевистского революционного опыта молодым компартиям колоний и полуколоний. Единство теории и практики должно быть осуществлено на основе большевистской партийности востоковедения. В решительной борьбе с буржуазным востоковедением и его социал-фашистским крылом, в борьбе на два фронта, против правого и «левого» оппортунизма — необходимо осуществить подлинную перестройку всей научно-исследовательской работы по проблемам колониальных революций». (Из резолюции бюро ячейки ИКП).

Что касается работников, занимающихся изучением национальной политики партии и осуществлением ее, то от них требуется решительный поворот, перестройка работы в сторону практической помощи партии. Необходимо заняться обобщением опыта социалистического строительства в республиках и нацобластях на основе учения Ленина, Сталина, на основе решений съездов партии.

Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи.

Ленин

ИНТЕРВЕНТ ТАРЛЕ ПОД ЗАЩИТОЙ ВОСТОКОВА

Г-н Востоков продолжает в «Славянском мире» («Le monde Slave», декабрь 1930 г. и февраль 1931 г.) свой обзор положения исторических наук в СССР¹. Можно не сомневаться в том, что эта работа ляжет в основу какого-нибудь враждебного нам выступления со стороны буржуазных историков Запада. Мы уже указывали, что выступление Востокова—звено идеологической подготовки интервенции. Разумеется, «беспристрастный летописец» как будто бы совершенно далек от милитаристической агитации. Он готов даже признать, что марксистское «направление» имеет право на существование. Но действительная цель его статей—добиться изоляции советских историков, противопоставить им единый фронт буржуазной науки, создать враждебное к СССР отношение.

Что именно в этом главная задача востоковского документа, показывает открытая и откровенная защита интервента Тарле. Тарле—видный русский буржуазный историк, империалист и реакционер в годы войны, непримиримый враг большевизма, в 1917 г. доходивший до утверждений, что борьба нашей партии против войны является для немцев «неожиданным историческим счастьем», о котором «не мечтал Гинденбург», приветствовавший восстановление смертной казни Керенским и требовавший беспощаднейшей, суровейшей репрессии против рабочих и крестьян. После нашей победы в гражданской войне Тарле внешне пытался приспособиться к советскому режиму и даже выдавал себя «за марксиста». В 1927 г. Тарле выпустил книгу «Европа в эпоху империализма». В ней он разоблачил себя, защитив все ту же империалистическую, антантофильскую позицию, с которой он выступал и в годы войны: Франция, Англия и Россия не несут ответственности за возникновение мировой войны, вся вина падает исключительно на Германию. В период подготовки новой империалистической войны и интервенции был очевиден политический смысл оправдания поджигателей первой мировой войны. Историки-марксисты, в первую голову М. Н. Покровский, резко выступили против Тарле. Обоснованность их политического обвинения совершенно отчетливо выяснилась во время процесса «промпартии», когда оказалось, что Тарле намечался Рамзиным в министры иностранных дел. Совершенно ясно, что человек, готовившийся в министры милостью интервентов, должен был всячески обелять и защищать империалистов Франции и Англии против обвинения их в ответственности и виновности за возникновение мировой войны.

¹ См. в № 1 «Борьбы классов» ст. А. Г. «Беспристрастные летописцы».

Г-н Востоков пытается всячески защитить «Евгения Васильевича Тарле», заходя в своем усердии так далеко, что путает даже имя своего защитного. Тарле, по его словам, был «в полном расцвете» своего научного гения», книга его отличается «мастерством изложения», «обилием материалов», «пленительным стилем», «знанием источников», «серьезным фактическим основанием». Востоков рекомендует книгу как «первоклассное произведение».

Востоков настолько усерден, что готов превратить Тарле в марксиста и врага Антанты.

«Очевидно, что Антанта в такой же мере, как и Германия, могла быть недовольна Евгением Васильевичем (?) Тарле. Если его обвиняют в антантофильстве, то не потому, что опираются на факты».

Разумеется, г-н Востоков напрасно представляет себя таким смиренным страдотерпцем: если бы Тарле действительно обвинял Антанту, менее всего он находился бы сейчас под защитой «Славянского мира». Мы напомним только одно высказывание, которое совершенно точно показывает, что Тарле всегда оставался верен интересам антантовского империализма и защищал даже русский царизм:

«Нелепые стремления Вильгельма II и его друзей доказать, будто Антанта (и в частности, Россия) начала войну именно от того с самого начала, и осуждены были на безнадежную неудачу, что ни Антанта вообще, ни в особенности Россия в 1914 г. не желали войны ни в каком случае, вследствие ясно сознаваемой несовершенной подготовленности. Германия не была в полной боевой готовности, и ждать далее ей становилось невыгодным...».

Даже о фракции самых завзятых империалистов в России, причем под ними он понимает людей, психически неменяемых, «ставящих перед собой задачи, которые во все и не нужны». Тарле пишет, что «немедленно, в 1912, 1913, 1914 гг. никто из сторонников этого течения также войны не желал»¹.

Приведенная нами выдержка достаточно ясно показывает, что ни у Антанты, ни у Пуанкаре, ни у самых оголтелых русских эмигрантов не могло быть никаких оснований для недовольства Тарле, который полностью в своих исто-

¹ Жур. «Былое» за 1922 г., ст. Е. Тарле «Германская ориентация и Дурново в 1914 г.».

рических работах всячески выгораживал Антанту и русский царизм.

Разумеется, г-н Востоков так активно защищает Тарле, потому что его хозяева располагают совершенно достаточными доказательствами — и не из литературных работ — преданности Тарле интересам антантовского империализма.

Востоков разъясняет, что Тарле хотел дать «социологическое» общее объяснение вопросу о виновности в войне. Советские же марксисты «создают культ героев... и легенды о преступлениях». Востоков готов даже облыжно защищать марксизм, обвинить советских историков в... фальсификации марксизма лишь бы снять самую важность постановки вопроса о виновности, обелить Францию и облегчить ей тем самым возможность беспрепятственно готовить новую войну.

Тарле в своей книге доказывал, что классовая борьба смягчалась перед войной, что уже тогда намечалась тяга к установлению «гражданского мира» всех классов. Для историков-империалистов этот вопрос имеет огромное значение, и не случайно Востоков, всячески защищая взгляды Тарле, пишет: «Мало что значит для историков типа Покровского, что, не учтя этой тенденции (к классовому миру), нельзя понять события мировой войны. Без этого нельзя понять упорства и терпеливости европейских народов. Нельзя получить таких результатов только при помощи драконовских мер».

Востоков вскрывает классовый смысл утверждений Тарле. Буржуазия, которой удалось подавить рабочее движение в первые годы войны лишь при помощи железных репрессий, хочет, в предвидении новых войн, извратить действительное положение дел в 1914 г. Буржуазные историки имеют задание представить дело так, что пролетариат сам, по своей инициативе, уже перед войной отказывался от классовой борьбы. Тарле и Востоков добросовестно выполняют это задание.

Если в первых своих статьях Востоков пытался создать впечатление, что он только выясняет факты, изучает работы советских марксистов, то страстная защита интервента Тарле раскрывает его подлинные намерения.

Востоков доказывает, что марксисты вовсе не занимаются исторической наукой, марксистская история—это «воинствующая политика». «Нет науки—есть только журналистика. Мы будем иметь дело с произведениями, предназначенными для борьбы, которые будут использовать и известные элементы исторической науки. Библиотеки Комкадемии, Института Ленина будут снабжать оружием (разрядка наша).

Марксистская историография обвиняется, в том, что она «ищет оправдания для террора во все эпохи, что террор стоит в центре ее исторических интересов («терроцентризм»), что она игнорирует и не изучает экономику («мы вправе говорить о не-экономизме современных марксистов»), что она слишком тщательно изучает «революционную топографию Парижа»,—и Востоков с ужасом на нескольких страницах приводит подробное описание выставки Коммуны в ИМЭ.

Смысл и назначение всех этих жалоб на грозное оружие, которое поставляет библиотека Комкадемии, ясны. Г-н Востоков выболтал также, почему именно сейчас усиливаются атаки против нас. Он возвещает, что подлинно актуальными являются сейчас работы по аграрной истории Англии XVI в. А. Н. Савина, проявившего подлинный пророческий дар, предчувствие событий, «предвидевшего»... советскую аграрную политику. Востоков не гнушается извратить смысл работ Савина, написанных в эпоху обезземеления нашего крестьянства при цризме, под непосредственным впечатлением растаскивания общинных земель кулачеством и полукрепостниками-помещиками. Открытой защите Тарле соответствует открытое выступление против коллективизации. Именно успехи коллективизации, успехи пятилетки заставляют активизироваться буржуазных историков, прибегать к неслыханной фальсификации.

Защита интервента Тарле, к которой присоединился господин Матьез, разоблачает, смысл востоковских обзоров. Буржуазные историки Западной Европы активно включаются в антисоветскую кампанию.

Попытке создания общего империалистического фронта против СССР вполне соответствует попытка создать единый фронт буржуазных историков против марксистской исторической науки.

ЗА ВОИНСТВУЮЩИЙ МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ ГЕРМАНСКОГО КИНО

Что из того, что за стенами кино бродит нищета — хозяева германской киноиндустрии знают свое дело, позволяя за умеренную плату на два часа убежать от этой тоскливой и безнадёжной действительности. Из десяти картин — девять посвящены истории счастливой любви.

Для разнообразия ставятся и «серьезные» фильмы, бесцветные и вымученные. Но среди «серьезных» картин имеются и такие (любопытно, что чаще всего это фильмы исторического характера), которые встречаются свистками и аплодисментами, вокруг которых кипит ожесточенная борьба и которые иногда становятся в центре политической жизни страны.

Такое значение приобрела картина «На Западе без перемен», поставленная по известному

роману Ремарка. Фильм, собственно, не немецкого, а американского происхождения, в Германии же демонстрировался немецкий вариант. На постановку фильма были затрачены огромные средства, и — надо отдать справедливость режиссеру — с технической стороны фильм поставлен прекрасно. Окопная жизнь, бои, работа артиллерии оставляют неизгладимые зрительные и звуковые впечатления. Но тот и без того бледный пацифизм, которым пропитан роман Ремарка, в картине еще более разжижен. Нет нужды говорить о том, что в картине нет и капли революционного содержания, что — более того — по своим тенденциям она насквозь враждебна революционному антимилитаризму. Недаром Ллойд-Джордж, напри-

Из фильма «На западе без перемен»

«Я слеп». Из фильма «На западе без перемен»

мер, заявил, что фильм Ремарка — «Самое лучшее и наиболее поучительное из всего того, что он вообще видел в кино». Тем не менее эта безобидная картина стала предметом бешеной атаки реакционных элементов не только в Германии, но и в целом ряде других стран¹.

В Германии фашистская пресса встретила картину ураганным огнем. «Неслыханный позор», «Величайшее оскорбление нашей национальной чести!», «Пощечина славной немецкой армии!», «Дьявольское изобретение евреев!» и т. п. — такие сочные заголовки украшали первые страницы правых немецких газет. В передовых статьях доказывалось, что специальной задачей картины Ремарка является «растление немецкой души», что чаша национального терпения переполнилась, и правительству предлагалось не шутить с волной «народного» возмущения и гнева.

На самом деле, в фильме, в особенности в немецком варианте, не было ни малейших намеков на стремление унижить «национальную» честь Германии. Начиная с первой же сцены, в которой группа учащихся, воодушевленная своим учителем, отправляется добровольцами на фронт, и вплоть до конца картина выдержана в добросовестных патриотических тонах. Но так как фильм все-таки показывал, что воевать — далеко не то же самое, что маршировать на парадах под звуки духового оркестра, он был признан правыми кругами опасным и встречен ими в штыки.

¹ Фильм «На Западе без перемен» был запрещен в Германии, Австрии, Польше, Югославии, т. е. и в странах побежденных, и в странах-победительницах, что лучше всего доказывает, что мотивы его запрещения — не унижение национальной чести Германии, как кричат немецкие реакционеры, а лежат совсем в другой плоскости.

Картина после ряда цензурных поправок все же была разрешена к демонстрации, чем она была сблизана своему американскому про-

«Домой». Из фильма «На западе без перемен»

исхождению — в высшей цензурной комиссии представитель министерства иностранных дел высказался за разрешение картины.

Фашисты решили сорвать картину во что бы то ни стало. На премьеру картины явилось несколько сотен национал-социалистов во главе с вождем берлинской организации нац.-социалистов Геббельсом, снаряженных удушливыми бомбами, мышами и змейками и занявших первые ряды партера. Минут через двадцать после пуска картины по сигналу Геббельса начались выкрики: «Подлость!», «Прекратите этот позор!», «Долго ли евреи будут издеваться над немецким народом!», свистки, шум. Демонстрация картины была прервана, и в театр была вызвана полиция. Но в этот день социал-демократические «шупо» г-на Гржезинского¹ были в совершенно необычном, удивительно мягком настроении и, казалось, даже совсем забыли о том, что у них на боку висят резиновые палки. Никто не был избит и арестован, «шупо» вели себя как спокойные посторонние наблюдатели.

После небольшого перерыва и появления полиции, была сделана попытка продолжать демонстрацию картины. Но уже через пять минут поднялся совершенно невероятный шум, свист, истерические визги и крики. Национал-социалисты, желая доказать, что «фронтовой дух» живет в их рядах, выпустили в партер своих мышей и змей и пустили в ход удушливые бомбы. Крики: «Долой Ремарка!», «Долой евреев!», с одной стороны, и «Вон нации!», «Почему бездействует полиция?», «Удалите хулиганов!», с другой, свист, перебранка, кое-где перешедшая в рукопашную — роскошный «Зал Моцарта» на Ноллендорфплатц, в центре буржуазного Берлина, вероятно, впервые видел в своих стенах такую картину.

Хотя четыре пятых публики были настроены резко враждебно против национал-социалистов и требовали их удаления из театра и продолжения сеанса, полиция предложила прекратить демонстрацию фильма. Таким образом, с ее помощью национал-социалистам удалось сорвать сеанс. Национал-социалисты, не удовлетворившись этим успехом, отправились в кассу требовать обратно деньги и, не добившись тут успеха, разбили стекла в кассе и дверях и продефилировали по площади с победными песнями.

На другой день в печати появилось лаконичное сообщение: «Картина снята с экрана и вопрос о ее дальнейшей судьбе будет разрешен правительственной комиссией по цензуре кинофильм». Даже «демократические» буржуазные газеты, даже «Форвертс» были поражены и недоуменно спрашивали: «Неужели фильм будет запрещен? Неужели правительство спасует перед белыми мышами и удушливыми бомбами?» Белые мыши победили. На их сторону стали и представитель военного министерства и министерства иностранных дел. Фильм был запрещен. Фашизм еще раз доказал, насколько беспомощен перед его натиском

¹ Гржезинский — видный социал-демократ, являющийся в настоящее время начальником берлинской полиции.

«демократический» государственный аппарат, насколько сильно его реальное влияние.

Через несколько дней на экране появилась картина «Концерт на флейте в Сан-Суси», производства киноконцерна Уфа, во главе которого стоит кино- и газетный король Германии, виднейший вождь германского фашизма Гугенберг. Вокруг этой картины разгорелась еще более ожесточенная борьба. Но на этот раз роли уже переменялись: правительство и фашистско-националистические круги грудью стали на защиту картины и беспощадно подавляли протесты, вызванные этой монархической и реакционной картиной в широких пролетарских массах.

Картина ярко рисует дни былого величия Пруссии эпохи Фридриха Великого. Над Пруссией собираются темные тучи — приближается семилетняя война. Франция, Австрия, Россия и Саксония тайно готовятся раздавить Пруссию. О бесчестном плане узнает прусский посол в Саксонии и посылает депешу Фридриху в Потсдам. Депешу везет офицер, держащий связь Дрездена с Потсдамом, с нечеловеческим напряжением скачущий целую ночь и привозящий Фридриху известие.

Сан-Суси — Потсдамский дворец Фридриха Фридрих в своей рабочей комнате величественно и гениально вершит государственные дела, отдает приказания своим министрам, принимает русского посланника (представленного порядочным идиотом), играет на флейте в минуту отдыха и покорно выслушивает выговор своего аккомпаниатора за небрежное отноше-

«Мудрый» Фриг беседует с министром. Кадр из фильма «Концерт на флейте в Сан Суси».

ние к флейте. Фридрих созывает своих министров, сообщает им о заговоре и спрашивает их мнение. Министры колеблются, но высказываются против того, чтобы Пруссия объявила коварным врагам войну, указывая на то, что австрийским монархом является женщина, что Пруссия связана мирными договорами и т. п. Хотя Фридрих и крайне недоволен этими советами, заявляя, что, когда на карте стоит судьба отечества — не время рассуждать о договорах, он не принимает окончательного решения и посылает офицера-курьера в Дрезден за новыми сообщениями. Верный своему долгу офицер, несмотря на сверхчеловеческую усталость, скачет в Дрезден, оставляя в Потсдаме молодую скучающую жену.

Недовольная вечным отсутствием мужа, она уже собирается изменить ему и отправляется на свидание к одному щеголю. Но «великий король» заботится не только о благе отечества, но и о чести жен своих офицеров. Он во-время узнает об этом плане и разрушает его. Подменный кучер привозит удивленную красавицу во дворец Фридриха. Разыгрывается трогательная сцена: король наставляет легкомысленную жену на путь истины. В это время офицер, прорвавшийся через целую цепь препятствий и ускакавший от погони саксонских войск, привозит новую депешу из Дрездена.

Фридрих дает расшифровать депешу. Ему сообщают, что послы Австрии, России и Франции просят аудиенции. Фридрих хочет задержать их прием до тех пор, пока не будет расшифрована депеша. Чтобы те не догадались об истинной причине задержки, Фридрих через посланного сообщает им, что он занят игрой на флейте и просит их обождать.

Концерт в узком семейном кругу. Играющему на флейте королю приносят расшифрованную депешу и ставят вместо нот на пюпитр. Король узнает из нее, что враждебные государства уже закончили все приготовления к нападению на Пруссию. Сохраняя железное спокойствие и продолжая играть на флейте, Фридрих отрывается от игры на несколько мгновений, чтобы вызвать к себе командиров военных частей. Продолжая играть, он отдает им попутно приказания немедленно выступить в боевой поход. Кончив игру, он направляется в свой кабинет и сообщает собравшимся министрам о своих решениях и поручает объявить ждущим послан начало военных действий.

Заключительная сцена. Фридрих устраивает смотр отправляющимся на войну войскам. Бесконечной вереницей проходят мимо короля пехотные и кавалерийские полки, «гордо реют старые славные знамена», гремит оркестр, гремят в зале аплодисменты шовинистической публики: «Мы еще повоюем, как воевал старый Фриц! Да здравствует кайзер! Да здравствует реванш!». Таково содержание этой «лучшей немецкой» картины, встреченной по сообщениям правой печати «взрывом неподдельного энтузиазма народа». Пока картина шла в самом роскошном кино Берлина, сильному наряду полиции еще удавалось защищать ее от этого «энтузиазма» и обеспечивать более или менее спокойный ход сеанса. Но когда картина переехала в рабочие кварталы, на ноги при-

...так они изображают Робеспьера. Из фильма «Дантон»

шлось уже поставить почти всю берлинскую полицию. Рабочие (любопытно, что наряду с коммунистами и рядовые социал-демократы) освистывали картину, обливали полотно красной краской и делали демонстрацию картины невозможной. Но на этот раз социал-демократическая полиция не спала. Беспощадное избивание рабочих резиновыми дубинками, сотни арестов должны были наглядно показать, что одно дело — бороться с фашистскими демонстрациями и совсем другое — защищать монархическую картину от рабочих. Несмотря на то, что гвардия г-на Гржезинского сделала все, что было в ее силах, чтобы спасти фашистскую картину, фильму пришлось быстро исчезнуть с экранов.

В текущем сезоне на экране появился также большой исторический фильм «Дантон», хотя и не вызвавший больших страстей, но очень любопытный по своему классовому смыслу. Само собой разумеется, исторической истины искать здесь, как и во всех без исключения исторических буржуазных фильмах, не приходится; история бесцеремоннейшим образом искажается в соответствии с текущими потребностями буржуазии.

Содержание картины сводится к следующему. Во Франции кипит революция. На очереди суд над сделавшим попытку убежать за границу королем. Под давлением Марата и Дантона принимается решение казнить короля. Конечно, Людовик XVI встречает приговор «гордо и мужественно», заявляя, что он всю жизнь думал только о счастье Франции, ко-

нечно, он «мужественно и величественно» умирает на гильотине. На Францию наступают войска враждебных революции государств. В Париже царит паника. Без разбору хватают аристократов, священников и переполняют ими тюрьмы доотказа. Начинается эпоха террора, показанная, понятно, в самых отталкивающих красках. Единственным светлым пятном является Дантон. Инспектируя тюрьмы, он знакомится с одной арестованной роялисткой, влюбляется в нее, освобождает ее и женится на ней. «Эта женитьба», продолжая словами сценария: «приходится очень кстати Робеспьеру, который втайне мечтает о том, чтобы стать диктатором. Она дает ему в руки оружие, позволяющее сделать Дантона, любимца масс, его опаснейшего и сильнейшего противника, подозрительным в глазах вечно колеблющегося народа. Трусливыми, скрытыми интригами начинает он борьбу против открытого и честного, ничего не подозревающего Дантона».

Робеспьер обвиняет Дантона в военных неудачах Дюмурье. Дантон поспешно едет на фронт и появляется внезапно в ставке в тот момент, когда Дюмурье готовится совершить измену революции и вместе с австрийцами повернуть армии против Парижа. Дантон арестовывает Дюмурье, но (по совершенно не выясненным в картине мотивам) дает ему возможность бежать. Дантон заключает с австрийцами перемирие, ручаясь им, что жизнь Марии Антуанетты будет пощажена. Вернувшись, он узнает с ужасом, что королева уже успела познакомиться с гильотиной. Трения между Робеспьером и Дантоном усиливаются с каждым днем. Дантон выступает против террора, призывает к умеренности, мягкости. Но Робеспьеру удается изолировать Дантона и бросить его в руки революционного трибунала. Группа невероятных дегенераторов, изображающая трибунал, судит Дантона. Мощно гремит голос последнего, обличая Робеспьера. Собравшаяся в суде толпа уже готова вынести на своих плечах Дантона как триумфатора. Но кровожадный Робеспьер приказывает солдатам очистить зал суда. Судьба Дантона решена. «Гордо умирает великий революционер. А Сансон, парижский палач, уже точит топор гильотины, готовя его для Робеспьера...»

Не говоря уже о совершенном искажении исторических фактов, в картине нет и намеков

на ту борьбу классовых сил, которая привела к разрыву между революционной мелкой буржуазией и образовавшимся во время революции слоями новой, нажившейся в революционную эпоху буржуазии, не желавшей дальнейшего развития революции, жаждавшей «порядка» и ставшей центром притяжения всех контрреволюционных сил. Вся эта борьба сведена к личным интригам, к персональному соперничеству Робеспьера и Дантона. Робеспьер представлен отталкивающей во всех отношениях, подлой, трусливой, кровожадной фигурой. В противоположность ему Дантон изображен «рыцарем без страха и упрека». Массы исчезли из революции, в картине они появляются лишь как фон для героев. Особенно постарались авторы картины подобрать типаж для революционного трибунала. Дегенеративные, с низкими лбами, судьи трибунала уже одним своим видом должны доказывать, каким отвратительным учреждением был этот проклятый трибунал! Вся картина подчинена одной мысли, одному заданию: вызвать в зрителе отвращение и ужас перед якобинцами, Робеспьером, террором, трибуналом. Так буржуазия пользуется искаженными образами Великой французской революции в своей борьбе против надвигающейся пролетарской революции.

Эта контрреволюционная картина была встречена широкой публикой довольно холодно и быстро сошла с экрана.

Совсем полный провал выпал на долю исторического фильма «1914 год». Невероятно скучная и тупая картина, поставленная по заказу соответствующих ведомств, должна была показать, что Германия совершенно невиновна в возникновении мировой войны, что вся вина лежит на России, на Франции, на Сербии, на ком угодно, только не на миролюбивой кайзеровской Германии. Фильм был поставлен так топорно и бездарно, что, вероятно, ни разу не дал полного сбора и после нескольких дней бесследно скрылся со сцены.

На постановку этих исторических фильмов германской буржуазией были затрачены огромные средства; их реклама, популяризация в печати были поставлены на широкую ногу. И все же все они вместе не оказали на массы и десятой доли того влияния, как хотя бы наша картина «Броненосец Потемкин», встреченная с восторгом германскими рабочими...

Берлин.

В. К.

«Триумф труда». Рис. 1891 г.

Вальтер Крен

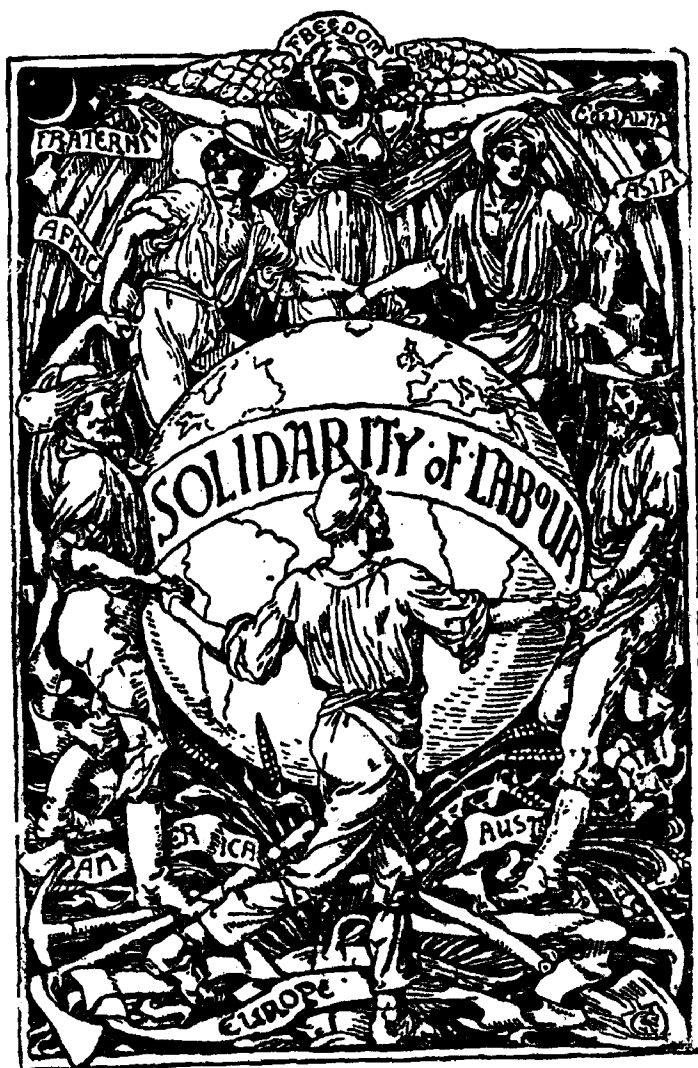
И. С. РАБИНОВИЧ

ОППОРТУНИЗМ В РИСУНКЕ

Одним из документов, ярко отражающим рост и победу оппортунизма во II Интернационале, является история первомайского рисунка.

Первый отклик искусства на празднование 1 мая восходит к самому моменту возникновения идеи об установлении дня международной пролетарской солидарности.

Первый первомайский рисунок не только предшествует постановлению Международного социалистического конгресса в Париже в 1889 г. о назначении 1 мая днем «великой международной манифестации», но он старше и предшествующего постановления парижского конгресса, такого же постановления Американской федерации труда в Сан-Луи. Конгресс в Сан-Луи заседал в декабре 1888 г., рисунок же, о котором идет речь, был опубликован к 1 мая того же года.

Symbolische Darstellung der Internationalen
Solidarität des Proletariats
Von Walter Crane

«Солидарность труда»
Рис. 1893 г.

Вальтер Крен

1897 г.

1901 г.

Автор этого самого раннего первомайского рисунка английский художник Вальтер Крэн. На своем рисунке Крэн показывает хоровод рабочих вокруг глобуса земного шара, опоясанного надписью: «Солидарность труда». Названия пяти частей света на перевитых через весь узор рисунка лентах дополняют надпись на глобусе и составляют вместе с ней единый лозунг: «Солидарность труда всего мира». И тут же вверху, венчая весь рисунок — триединый лозунг буржуазной революции — «Свобода, равенство и братство».

Этот рисунок не единственный среди работ художника. Известен его рисунок-плакат — «Триумф труда», опубликованный к 1 мая 1891 г., его «Первомайское дерево» к 1 мая 1894 г., рисунок того года, изображающий поэта В. Морриса, произносящего речь перед рабочими в день 1 мая, его «Первомайская гирлянда» к майскому празднику 1895 г.

Но напрасно мы стали бы искать в этих работах сомкнутые ряды рабочей массы, напрасно искали бы мы здесь какой-либо зрительный образ, приводящий нас путем уподоблений к основной идее первомайского праздника — единению индустриального пролетариата.

Крэн был одним из поздних представителей сложившегося в Англии в середине прошлого века, художественного движения, проповедывающего возврат искусства к традициям средних веков, к традициям старого искусства периода, предшествующего Рафаэлю (отсюда название этого движения — прерафаэлизм). Являясь выразителями мелкой буржуазии, пострадавшей от усиленного роста индустриализма, художники этого направления отрицали капитализм. Но будучи неспособны стать на путь революционной борьбы с ним, они устремились в своем искусстве назад к отжившим хозяйственным формам времен ремесленного труда и цеховых организаций. И в первомайских рисунках Крэна выражена идеология несовременного пролетариата, а представителей мелкого индивидуального ремесла. Это ярко сказалось в «Солидарности труда» 1888 г. и в «Майском дереве» 1894 г., в одежде и типах работников. Но наиболее полное выражение оно получило в большом плакате Крэна «Триумф труда» 1891 г. Здесь торжественно движущееся шествие, увешанная гирляндами колесница, крылатый гений, выступающий впереди шествия, всадник, замыкающий его, наконец, условный аллегорический характер всего изображения говорят за то, что перед нами праздничная процессия средневековых цехов

Перегруженность мелкими деталями (узорчатость сплетения линий и др.) свидетельствует лишь о том, что здесь основная идея пропущена сквозь мелкобуржуазное мировоззрение художника. Но все это уж, конечно, не сближает работы Крэнэ с индустриальным пролетариатом. Рисунки Крэнэ — гимны труду на чужом пролетариату языке — отражают настроение «попутчиков», столь влиявших на английский социализм, не сумевший стать массовой рабочей партией.

В Германии, где социал-демократическая партия создала большую периодическую прессу, дошедшую до девяноста ежедневных газет и двадцати журналов, первомайский рисунок достиг наибольшего кличе твенного развития. Начиная с 1891 г., в первомайских выпусках периодической печати появляются рисунки, связанные с этим днем. Именно этот большой материал ярче всего отражает путь германской социал-демократии от революционной борьбы к миролюбивому оппортунизму, а затем к открытой измене делу рабочего класса. Первомайский рисунок может служить наглядной иллюстрацией к истории борьбы течений в германской социал-демократии.

В крайне неблагоприятный для успеха реформистских взглядов 1891 г., в год тяжелого промышленного кризиса и жестокой безработицы, как и в ближайшие к нему годы, мы видим в рисунках немецкой социал-демократической прессы революционную рабочую массу. В дальнейшем же с конца 90-х годов, мы наблюдаем, как по мере возрастания оппортунистических тенденций в партии, появляется стремление превратить первомайский рисунок в изображение мирной весенней прогулки. Типичные черты мещанской идиллии начинают отмечать эти рисунки. Изображение шествия рабочей массы уступает место сценам личного интимного отдыха на «лоне природы».

В начале нынешнего века, с ростом массового революционного рабочего движения, под влиянием русской революции, с усилением «левого» течения в социал-демократии, — в немецком первомайском рисунке сильнее сказываются революционные мотивы. В это время мы здесь видим стремление к показу мощи рабочего коллектива, стремление к выражению роли 1 мая, как дня смотра боевых сил пролетариата. В это время на первомайских рисунках немецкой рабочей прессы мы видим массу, над которой реют пролетарские знамена, мы видим также и единичного рабочего как представителя мощи своего класса.

1907 г.

1912 г.

Но по мере того, как социал-демократическая партия Германии в целом, в годы предшествовавшие мировой войне, все определеннее становится на путь оппортунизма, революционное веяние исчезает из первомайского рисунка. В 1912 г. в первомайском рисунке воцаряется отвлеченная символика, отвлекающая от активной борьбы. В первомайских рисунках 1912 г. мы через полтора столетия опять встречаем столь известную со времен революции 1789 г. женщину с факелом в руке. Позднее, в 1913 г., когда партия голосованием за военные налоги пошла на уступки ревизионистам и предрешила полное свое предательство рабочего класса в историческом голосовании за военные кредиты 4 августа 1914 г., первомайский рисунок превращается в открытое отрицание классовой борьбы. В выпущенном в том году германской социал-демократической партией первомайском листке опубликован рисунок, являющийся как по основному замыслу, так и по выполнению, проповедью социального мира. Среди дышащего спокойствием летнего пейзажа мирно расположена группка крестьян, а немного поодаль — такая же группка рабочих. Глаза всех обращены к

приближающейся к ним женщине, долженствующей олицетворять свободу. Симметричное расположение двух группок людей, покой окружающей весенней природы, и торжественный ритм шагов приближающейся женщины насыщают весь рисунок миром, покорностью. Перед нами одно из многочисленных «сошествий», которыми так богато религиозное искусство прошлого.

В коллективном труде «История немецкой революции», где этот рисунок воспроизведен, он справедливо снабжен подписью: «Рисунок выражает сущность партии: не борьба, а мирная идиллия».

Интересно сопоставить с этим, что в царской России, где по понятным причинам первомайский рисунок не мог развиваться, даже на малочисленных первомайских рисунках отражается революционный характер нашего рабочего движения. В этом отношении характерна одна из самых ранних первомайских листовок Питерского союза «Освобождение рабочего класса 1896 г.», где мы видим в центре рисунка, как главный его мотив, портрет Карла Маркса.

КАК ЗАНИМАТЬСЯ ПО ИСТОРИИ

Е. ДРАБКИНА

ЧТО ЧИТАТЬ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ

Союзническая интервенция в годы гражданской войны была первой попыткой мирового империализма подавить нашу революцию вооруженной рукой. Процессы «промпартии» и меньшевиков-интервентов, наряду с целым рядом других фактов, показали, что сейчас происходит подготовка новой интервенции. Поэтому каждый трудящийся должен знать историю первой интервенции. Вооруженные знанием прошлого, мы сможем использовать этот опыт для будущих боев.

Основной вопрос, который стоит перед нами при изучении истории интервенции, — это вопрос о причинах ее поражения. Почему мы вышли победителями «из борьбы против Юденича, Колчака и Деникина, которых поддерживали все богатейшие державы мира, против которых ни одной военной силы, даже приблизительно равной им на земле нет... Как произошло такое чудо?» (Ленин). Ответ на этот вопрос необходим для того, чтобы знать, каковы будут наши силы и преимущества в грядущей схватке с мировой контрреволюцией. Опыту нашей борьбы против интервентов Ленин придавал первостепенное значение и всегда, говоря о возможности нового вооруженного нападения на нашу страну, возвращался к тем выводам, которые мы должны были сделать из истории первой интервенции.

Начинать изучение истории интервенции нужно со статей и речей Ленина. Наиболее подробно он освещает этот вопрос в «Речи на I Всероссийском съезде трудовых массов» («Собр. соч.» новое издание, т. XXV, стр. 47—62; старое издание т. XVII, стр. 22—37). В этой речи он излагает историю интервенции, планы союзников и причины их поражения. На этих же вопросах Ленин останавливается в «Речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполкомов Московской губ.» («Собр. соч.», новое издание т. XXV, стр. 411—424; старое издание, т. XVII, стр. 345—358). О перспективах будущей интервенции и об особенностях положения СССР в империалистическом окружении Ленин говорит в докладе на IX съезде советов «О внутренней и внешней политике республики» («Собр. соч.», новое издание, т. XXVII, стр. 113—121; старое издание, т. XVIII, ч. 1, стр. 429) и в статье «Лучше меньше, да лучше» (нов. изд., т. XXVII, стр. 414—418; старое изд., т. XVIII, ч. 2, стр. 125).

Вооруженная борьба против Советской России велась объединенными усилиями четырнадцати государств. Руководящая роль в этой борьбе принадлежала Англии и Франции, которые по нынешний день возглавляют подготовку к новой войне против СССР. Основная цель, которую преследовала Антанта во время своей вооруженной борьбы против Советской России, заключалась, как говорил английский премьер-министр Ллойд-Джордж, в «искоренении большевизма навсегда». Однако одновременно с этим английские и французские капиталисты не забывали о собственных экономических выгодах и стремились использовать интервенцию для того, чтобы превратить Россию в свою колонию. Из-за вопроса о разделе этой будущей добычи между Англией и Францией происходили сильнейшие трения. Союзники, как говорит Ленин, «на каждом шагу ссорились между собою». Англичане были против того, чтобы восстанавливать «единую и неделимую Россию», и хотели, чтобы после подавления большевизма Россия была разделена на ряд мелких государств, которые находились бы в полной зависимости от Англии.

О целях Англии в интервенции рассказывает книга Якушина и Полунина «Английская интервенция, 1918—1919—1920 гг.» (популярный очерк, доступный для самого неподготовленного читателя) и книга Раевского «Английская интервенция и мусаватское правительство», в которой рассказывается о том, каким путем англичане пытались захватить в свои руки бакинскую нефть. Яркое описание контрреволюционной деятельности Англии и ее империалистических целей дается в мемуарах начальника английского оккупационного отряда на Кавказе генерала Денстервиля «Британский империализм в Персии и на Кавказе». Об английской интервенции в Сибири и о поддержке англичанами Колчака можно прочесть записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Уорда. Подробное изложение причин английской интервенции и целей англичан дается в книге И. М. Ицка «Английская интервенция и северная контр-

революция» (ГИЗ 1931 г.). При изучении истории английской интервенции необходимо останавливать свое внимание на истории одного из величайших преступлений, совершенного английскими интервентами, на истории расстрела 26 бакинских комиссаров. Об этом следует прочесть брошюру Я. Ратгаузера «Арест и гибель комиссаров Бакинской коммун» и Букшпана «Последние дни комиссаров Бакинской коммун» (обе последние книги очень популярны).

Французские интервенты, так же, как и англичане, стремились использовать интервенцию в своих собственных экономических целях. Франция была заинтересована прежде всего в том, чтобы Россия уплатила ей долги по займам, заключенным царским правительством. Поэтому Франция стремилась восстановить «единую и неделимую» Россию. Изучению целей французской интервенции и деятельности французских интервентов посвящена книга А. Гукковского «Французская интервенция на юге России». Большой материал о французской интервенции содержится также в «Черной книге» по истории интервенции на Украине.

Деятельность интервентов протекала в непосредственной связи с белогвардейскими контрреволюционными правительствами, которым интервенты оказывали активнейшую поддержку. Если бы Деникин, Колчак и Юденич не имели помощи интервентов, они были бы разбиты в кратчайший срок. Об этой поддержке интервентами белогвардейцев можно прочесть во всех работах, посвященных истории российской контрреволюции: Д. Кина «Деникинщина», в указанных выше работах И. Минца о северной контрреволюции, А. Гукковского — о французской интервенции на юге России и Уорда — в Сибири, И. Анисева «Очерки по истории гражданской войны». Большой материал по этому вопросу содержится в составленных А. Алексеевым сборниках «Гражданская война в описаниях белогвардейцев» и в показаниях, данных Верховному суду одним из активнейших организаторов контрреволюционного движения — Борисом Савиным.

В указанных нами книгах можно найти также материалы о причинах поражения интервентов. Это поражение было вызвано, с одной стороны, могущественным отпором, данным интервентам и белогвардейцам рабочими и крестьянами нашей страны, с другой же стороны — борьбой против интервенции рабочих и солдат стран Антанты, развалом в стане интервентов и их внутренними столкновениями между собой. «Мы одержали победу потому, — говорит Ленин, — что мы были и могли быть едины, потому что мы могли присоединить союзников из лагеря наших врагов. А наши враги, бесконечно более могущественные, потерпели поражение, потому что между ними не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц их борьбы с нами означал распад внутри их лагеря». О восстании солдат интервенционных армий рассказывает А. Марти в книге «Восстание в Черноморском флоте».

Особое внимание при изучении истории союзнической интервенции должен привлечь вопрос о роли в этой интервенции русских «социалистических» партий эсеров и меньшевиков. По этому вопросу имеется целый ряд работ: брошюра М. Н. Покровского «Что установил процесс эсеров», П. Лисовского «На службе капитала», А. Шафир «Очерки грузинской жиронды». Все эти работы, в особенности первая, написаны очень живо и популярно.

События последнего года выдвигают перед нами угрозу новой интервенции. История подготовки этого нового нападения на нашу страну подробно освещена в материалах судебных процессов по делу «промпартии» и меньшевиков. О процессе «промпартии» имеется ряд популярных брошюр, из них мы укажем на брошюру т. Вышинского «Что должны знать крестьяне о «промпартии» и угрозе войны». Материалы о меньшевистском процессе содержатся в брошюре «Меньшевики и интервенты».

По вопросу об угрозе новой войны, новой интервенции и о задачах пролетариата и крестьянства нашей страны и всего мира в связи с этой угрозой следует прочитать доклад т. Сталина на XVI съезде ВКП(б) и т. Молотова на VI Всесоюзном съезде советов.

Культпроект ЦК ВКП(б) и Институт Ленина при ЦК ВКП(б).

М. Н. Покровский, 1905 год. Стр. 112, ОГИЗ «Московский рабочий», 1930.

М. Н. Покровский, Роль рабочего класса в революции 1905 г. (обработанная стенограмма выступления на собрании актива Красной Пресни 11/XII-1930 г., посвященном 25-летию революции 1905 г.). Стр. 24, ОГИЗ.

В ряду популярных брошюр, вышедших во время 25-летнего юбилея революции 1905 г., эти брошюры т. Покровского занимают одно из видных мест. По содержанию своему они родственны с его же брошюрами времен 20-летия, как-то: «Значение революции 1905 года» (ГИЗ, 1925 г.), «1905» (то же). Но новые брошюры не являются повторениями старого. Они свежи не только по материалам, но и по постановке ряда существенных вопросов. Тем более относится это к оригинальной, в лучшем смысле этого слова, интересной, живой, легко читаемой, увлекательной брошюре «1905 г». На ней главным образом и хочется остановить внимание читателей.

Среди популярных брошюр книжки т. Покровского отличаются серьезной постановкой вопросов революционного движения в 1905—1907 гг. на основе изучения всего ленинского наследия этого периода. Причем особо надо подчеркнуть, что эта брошюра является первым образцом того, как надо ставить исторические вопросы на фоне истории народов СССР. Мы уже не говорим о том, что каждое выступление т. Покровского всегда использует все новые и новые материалы, которые извлекаются постепенно из архивных недр.

Брошюра разбита на следующие главы: 1) Диктатура крепостников-помещиков, 2) Рабочий крестьянин и буржуазия перед 1905 г., 3) Тюрьма народов, 4) Возникновение большевизма, 5) Начало революции, 6) Первые шаги борьбы, 7) Классы летом 1905 г. Первая победа и первый обман и 3) Последний бой.

Тов. Покровский, в противовес Троцкому и Слепкову, вскрывал и вскрывает руководящую роль рабочего класса уже в период первой революции. «Левый» Троцкий не признавал пролетарского руководства революционным движением крестьянства. Правый Слепков ставил на одну доску пролетариат и крестьянство как класс. Тов. Покровский, следуя за Лениным, привлекая все больше и больше конкретно-исторического материала, показывает, как осу-

ществлялась в революционной борьбе гегемония пролетариата, его руководство крестьянским движением, как прокладывал себе путь ленинский лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Стержнем всех этих брошюр является именно этот момент.

К недостаткам рецензируемой брошюры «1905 год» следует отнести то, что автор не вполне характеризует положение так называемых «государственных крестьян». «Государственным крестьянам жилось немножко легче, чем помещичьим», пишет т. Покровский (стр. 10). Это совершенно верно по отношению к русским «государственным» крестьянам. Но неверно по отношению к так называемым «инородцам», которые занимали большое место среди этого «разряда» крестьян. Едва ли можно сравнивать русских помещичьих крестьян с колониальным крестьянством, хотя бы «государственным», претерпевавшим двойной гнет.

Но зато т. Покровский совершенно правильно сводит счеты с другой неверной «теорией» о свободном положении «государственных» крестьян. Автор правильно вскрывает отношение между этими крестьянами и крепостниками. Если этот слой крестьянства и не был роздан на угнетение отдельным помещикам, то его угнетал весь класс крепостников в целом через свой аппарат самодержавия.

Несмотря на небольшой размер брошюры, т. Покровский уделил большое внимание национальным движениям. Но, вполне понятно, вопросы национальных движений еще не поставлены во всей широте, нет еще разбора их соответственно укладам жизни тех или иных народов в те времена. Это требует дальнейшей работы по извлечению и изучению архивных и др. материалов. Конкретный и сравнительный разбор так называемого «мусульманского движения» татар и башкир, так называемого «бурханизма» алтайцев, революционного движения в Грузии, на Украине и т. д. дал бы богатый материал или, вернее, предметные уроки для понимания национально-освободительных движений в современных колониях и полуколониях.

Эти недостатки, однако, несколько не умаляют значения работы т. Покровского. По-ленински поставлены и разрешены в ней все основные вопросы.

Эту брошюру с большим интересом и пользой для себя будут читать не только широкие массы, на которых она прежде всего рассчитана, но и специалисты-историки.

И. К.

Проф. В. Я. Яроцкий, Эпоха войн и революций. (Лекции, читанные в воскресном университете в 1928/29 учебном году). Москва, изд-во I Моск. гос. университета.

Книжка проф. Яроцкого является ярким образцом буржуазного влияния на нашу историческую литературу, но характернее всего для автора то, что данное в книжке почти по Тарле толкование эпохи империалистических войн и пролетарских революций прячется под марксистской терминологией и прикрывается цитатами из работ и статей Ильича. И тут же, наряду с многочисленными, хотя и извращенными и укороченными цитатами, мы находим похвалу Р. Гильфердингу и самому бывшему академику Е. Тарле. В главах, относящихся к вопросу о «подготовке империалистической войны», мы все чаще встречаемся с хвалебным упоминанием книжки Е. Тарле «Европа в эпоху империализма». Почти повторяя содержание работы этого буржуазного историка, ставшего интервентом, в главе «Прелюдия к мировой войне», Яроцкий расточает ему похвалы за «марксистское», «революционное» объяснение событий. Объяснив довольно путанно подготовку к войне 1914 г. в лагере Тройственного союза, Яроцкий пишет: «Весь вопрос в 1914 г., как справедливо ука з а в а е т Т а р л е (разрядка моя Г. Т.), был уже чисто техническим: «Кому и когда удобнее выступить?» (стр. 77).

Эти ссылки «на справедливость указаний» Тарле, при объяснении вопроса о подготовке империалистической войны, разбросаны многократно в третьей лекции В. Я. Яроцкого. И недаром в указателе литературы, приложенном проф. Яроцким к этой лекции, слушатель воскресного университета не найдет упоминающий ни об одной работе, ни об одной статье Ильича, хотя заботливо указаны «марксистские» труды Е. Тарле (93 и 94 стр.).

Главу «Что такое империализм» автор начинает с цитаты Ленина. Но зато на протяжении всех 210 страниц книжки мы не найдем нигде полного, не искаженного, не урезанного ленинского объяснения эпохи империализма.

В самом деле, в этой книжке, что особенно характерно для Яроцкого, много говорящего о том, что «империализм вытекает из потребности развитого, высоко концентрированного и организованного капитала»¹, мы не находим раздела о паразитизме и загнивании капитализма в эпоху империализма. В. Я. Яроцкий, поддерживавший правооппортунистическое руководство ВЦСПС, в своих лекциях не случайно выпячивает всеильность, всемогущество, организованность империализма. А указаний на то, что «империализм есть канун социалистической революции»², мы напрасно будем искать в этом труде — тоже марксиста — проф. Яроцкого. Это и понятно, так как революционное объяснение эпохи империализма не может ужиться с буржуазной от начала до конца трактовкой эпохи бывшего академика Е. Тарле.

Если бы со стороны империализма подумал автор, тогда бы он, вероятно, более подробно остановился на Октябрьской революции в России. Тогда бы, вероятно, говоря о ходе империалистической войны после пролетарской революции в России, Яроцкий сказал бы что-либо об интервенции союзников против советской страны.

Тогда бы, вероятно, и революциям в Германии и Австрии было уделено больше внимания, тогда бы, вероятно, о революциях в Венгрии, Баварии, о захвате фабрик в Италии было хотя бы упомянуто.

В книжке «Эпоха войн и революций» исчезли как раз пролетарские революции послевоенного периода. Основного-то, главного, не увидел, не нашел проф. Яроцкий.

Не поняв Ленина в вопросе о сущности империализма, Яроцкий не понял и основного: что империализм, являясь монополистическим капитализмом, не устранил и не может устранить капиталистическую конкуренцию. В противовес этому у Яроцкого мы читаем: «К о н к у р е н т н а я б о р ь б а и с ч е з а е т с о с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к о г о и п о л и т и ч е с к о г о г о р и з о н т а ч е л о в е ч е с т в а с о к о н ч а н и е м э п о х и п р о м ы ш л е н н о г о к а п и т а л и з м а. Н а с м е н у р а с п ы л е н н о с т и п р и х о д и т к о н ц е н т р а ц и я к а п и т а л а» (стр. 40). Яроцкий к тому же противопоставляет конкуренцию концентрации капитала. Не поняв Маркса, он исторически неверно устанавливает время концентрации капитала, вынося ее за рамки промышленного капитализма и связав исключительно с эпохой империализма.

В главе «Положение рабочего класса в эпоху империализма» мы напрасно будем искать ленинского ключа к пониманию рабочего движения в эпоху империализма. О расколе рабочего класса в эту эпоху у проф. Яроцкого мы не найдем ни слова. Это и понятно, так как ему надо доказать наличие «явно проступающих в массиве рабочего класса (разрядка моя Г. Т.) империалистических тенденций» (стр. 97).

Мы до сих пор были согласны с Лениным в том, что империализм раскалывает рабочие массы на две части: на подкупленную обуржуазившуюся верхушку, рабочую аристократию, и на пролетарские низы. Мы думали, что именно на последние и опирается революционное марксистское крыло II Интернационала и затем Коммунистический Интернационал. Яроцкий дает объяснение, совершенно противоположное ленинскому. В самом «массиве рабочего класса» «явно проступают империалистические тенденции», и отсюда само собой понятна и победа оппортунизма в рабочем движении.

Не случайно после этого «создание» (термин В. Я. Яроцкого) революционного движения эпохи войны имеет два источника: 1) «Р о с т а н т и и м п е р и а л и с т и ч е с к о й о п п о з и ц и и с р е д и в о ж д е й» (разрядка проф. Яроцкого) и 2) «Что гораздо более важно, в самых массах мало-по-малу крепло недовольство империалистической войной» (стр. 112).

¹ Яроцкий, стр. 19.

² Ленин, т. XVIII, стр. 195

Оказывается, движение вождей существует совершенно самостоятельно, без увязки с движением и развитием рабочих масс. Оказывается, больше того, что известный Эдуард Бернштейн вместе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом «грешил» в подготовке и организации Коммунистической партии Германии. В главе «Зарождение революционных организаций пролетариата», Яроцкий пишет: «Вслед за выступлением Карла Либкнехта и вызванным этим выступлением образованием интернационалистических групп во главе с Ледебуrom, Гаазе и даже Эд. Бернштейном в Германии и Фр. Адлером в Австрии, в центральных державах тоже создан определенный центр, причем особенно большую роль в формировке (что за словечко-то?? Г. Т.) этого центра играла Роза Люксембург».

Формулировка об империалистических тенденциях в «массиве» пролетариата совсем не случайна. Опровергая Маркса и Ленина, Яроцкий заявляет, что «на протяжении эпохи промышленного капитализма положение рабочего класса в целом бесспорно улучшилось» (стр. 35), хотя «усиление эксплуатации и относительное обнищание рабочего класса наблюдается даже в эпоху промышленного расцвета» (разрядка всюду моя. Г. Т.).

Запутавшись в освещении основных экономических вопросов капиталистического развития, не увидев основных черт развития рабочего движения в эпоху империализма, Яроцкий устанавливает невозможность и невыгодность стачечной борьбы для рабочего класса!

Оказывается, рост оппортунизма в рабочем движении и некоторое ослабление вследствие этого темпа стачечной борьбы были не результатом раскола рабочего класса, не следствием предательства интересов собственно-пролетарских низов обуржуазившейся верхушкой, кучкой подкупленных вождей. Проф. Яроцкий открыл закон, оправдывающий оппортунистов в рабочем движении. Оказывается, массы рабочих бессильны перед лицом организованного и всесильного империализма. Проф. Яроцкий вещает ошеломленному им читателю: «Перед лицом прекрасно организованного капитала выступления рабочих являются заранее осужденными на неудачу» (стр. 45).

Этот «закон» проф. Яроцкого разбивается историческими фактами. Он сам не может умолчать о росте революционного движения в годы подъема рабочего движения: в 1910 и 1912 гг. Но оказывается, что только одна отмена законов против стачек, подоспевшая как раз к периоду «повышения революционных настроений в рабочем классе и образования в нем стойкого авангарда» развязывает руки рабочего класса и «стачки вообще принимают характер массовый» (стр. 56).

Образцом путаницы в освещении рабочего движения может служить и совершенно неудобочитаемая характеристика синдикализма. «Синдикализм стремится путем всеобщей стачки создать невозможность для буржуазного общества поддер-

живать капиталистический способ производства. Он пытается этим путем вызвать переход в руки рабочих всех средств производства и организации народного хозяйства» (стр. 57; разрядка моя. Г. Т.).

Этих примеров достаточно, думается нам, чтобы показать, что Яроцкий знать не хочет ленинского понимания оппортунизма и его корней в рабочем движении.

Характеризуя развитие II Интернационала, Яроцкий совершенно абстрагируется от борьбы течений в партиях II Интернационала. Он не хочет знать ничего о том, что партии II Интернационала были блоком пролетарских и мелкобуржуазных интересов. Поэтому-то важнейшее для этого периода течение в рабочих организациях — центризм — совершенно выпало из этой работы проф. Яроцкого. Ни словом не упоминает Яроцкий о борьбе революционного марксизма с центризмом и во время Циммервальда.

Ничего похожего на марксистскую характеристику империализма читатель не найдет в этой книжке. Книга вредная, пустая, антиленинская.

Проф. Яроцкий причинил большой вред этими лекциями слушавшим его студентам воскресного университета. Сам Яроцкий нигде не признал ошибок этой книги, критика ее еще и сейчас является своевременной и нужной.

Г. Толмачев

Я. МИХАЙЛОВ, «Парижская Коммуна и церковь» (2-е издание), ОГИЗ — «Московский рабочий», Москва—Ленинград, 1931.

Вышедшая вторым изданием книга Я. Михайлова по замыслу автора должна служить популярным пособием при изучении одной из важных проблем Парижской Коммуны, а именно — ее отношения к церкви и к религии. Такое пособие безусловно необходимо, ибо на книжном рынке ничего нет кроме чисто агитационной брошюры Шика «Церковь и Парижская Коммуна». Однако книга Я. Михайлова далеко не отвечает задачам популярного пособия. Брошюра написана непопулярно: целые главы состоят из отдельных документов, следующих один за другим без всякого пояснения, выводов. Одолевается брошюра с трудом, сделана наспех, небрежно. Автор ничего не говорит о том, какие принципы были положены в основу вновь создаваемых организаций Коммуны, например, при строительстве светской школы, которая должна была освободиться от влияния церковников. Мало касается автор вопроса, какое огромное сопротивление оказывали священники и монахи постановлениям Коммуны, какую бешеную агитацию вели они против Коммуны.

Совершенно не обрисован и аппарат, созданный Парижской Коммуной для проведения в жизнь своих постановлений. Автор приводит ряд интересных документов, выдержки из прессы эпохи Парижской Коммуны, из которых особенно ярки статьи бланкистского органа «Отец Дюшен», но эти документы не получили в книге достаточной обработки. Книжка для массового читателя не годится. Было бы лучше, издать эти материалы в виде сборника документов.

Р. Авербух

В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

В связи с решением ЦК о Комакадемии от 15 марта Общество историков-марксистов занимается сейчас перестройкой производственных планов своих секций. Президиум Общества в своем заседании 5 мая постановил созвать годичный расширенный пленум Совета Общества с участием представителей мест и членов Московского общества, с докладом т. М. Н. Покровского о работе Общества и задачах исторической науки в реконструктивный период и докладом т. Х. Г. Лурье о реорганизации Общества историков-марксистов во всесоюзную организацию.

Президиум вынес решение о созыве II всесоюзной конференции историков-марксистов в декабре 1931 г. К этому же времени приурочивается созыв II всесоюзной конференции по научной разработке и преподаванию истории ВКП(б), ленинизма и Коминтерна.

Президиум Общества утвердил созыв всесоюзного совещания по планированию учебной исторической литературы на конец мая. Кроме того вынесено решение войти в президиум Комакадемии с предложением созыва конференции по изучению проблем фашизма и социал-фашизма совместно с Институтами философии, мирового хозяйства и мировой политики Коминтерном и др. организациями, занимающимися этими проблемами.

17 мая состоялась конференция ячеек содействия, находящаяся в Москве, на которой был поставлен доклад о положении на историческом фронте и очередных задачах, информация о работе ячеек содействия и доклад редакции массового журнала «Борьба классов».

Ударной работой членов Общества историков-марксистов является проводимое сейчас обследование исторического отдела Большой и Малой советских энциклопедий.

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

В СЕКЦИИ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА

Секция истории пролетариата при Институте истории Комакадемии создана по инициативе М. Н. Покровского. Своей задачей Секция ставит научную разработку и обобщение богатейшего исторического пути, каким шел пролетариат к первой в мире победоносной пролетарской революции и к строительству социализма. В противовозможность преобладавшим до последнего времени историкам не-марксистам, буржуазным либералам и меньшевикам, искажавшим историю пролетариата, не придававшим ей самостоятельного значения, Секция истории пролетариата особенно подчеркивает в своей научной работе роль пролетариата, как класса-бейца, возглавлявшего борьбу с самодержавием и организовавшего борьбу за диктатуру пролетариата и за социализм. Этой установкой преринкнуты все работы Секции. К 25-летию юбилею революции 1905 г. секция подготовила и издала коллективную работу в 40 печатных листов под заглавием: «Пролетариат в революции 1905—1907 гг.». Одновременно секция поставила монографическое изучение истории отдельных предприятий: «Трехгорной мануфактуры» и завода «Серп и Молот». Материалы и главы этих будущих монографий печатаются в сборниках секции. В связи с изучением истории предприятий секция тесно связалась и привлекла к работе самих рабочих—участников революций 1905 и 1917 гг., которые очень активно помогают в написании истории пролетариата изучаемых предприятий.

Секция поставила ряд научно-вспомогательных работ, для чего организовала три комиссии: во-первых, анкетно-биографическую, во-вторых, архивную и, в-третьих, библиографи-

ческую. Первая комиссия, в связи с изучением резолюции 1905 г., сделала опыт—совместно с комиссией Комакадемии по монографическому изучению предприятий, в которой секция руководит исторической группой—массовой организации и разработки автобиографий рабочих, участников революции 1905 г. В результате были изданы две работы: 1) «Рабочие «Трехгорной мануфактуры» и 2) «Рабочие завода «Серп и Молот». Обе книги снабжены вводными статьями, основанными на архивном материале, и примечаниями.

Архивная комиссия поставила работу по подготовке архивной картотеки по истории пролетариата, благодаря которой облегчается возможность пользования архивными источниками самому широкому кругу исследователей, даже недостаточно опытных в технике архивных изысканий. Уже имеется свыше 14 тысяч карточек, и к концу 1931 г. первая часть картотеки (по трем архивохранилищам) будет подготовлена и использованию и к печати. Библиографическая комиссия заканчивает подготовку к печати первого тома научной библиографии по истории пролетариата.

В текущем году Секцией поставлены еще новые работы: 1) коллективное изучение истории пролетариата в эпоху военного коммунизма и гражданской войны и 2) совместно с Институтом экономики — изучение «нового в рабочем классе». В этих работах Секция ставит себе одну центральную задачу: изучение пролетариата в эпоху пролетарской диктатуры. Эта работа становится центральной, ударной работой секции. Все остальные работы к ней подтягиваются и с нею связываются. Вся работа секции ведется исключительно коллективно. В качестве подсобных работ для изучения пролетариата в эпоху диктатуры пролетариата готовится ряд сборников автобиографий участников Октябрьской революции, гражданской войны, героев трудового фронта и социалистической стройки. В этой работе секция опирается на рабочую общественность и кадры добровольцев на предприятиях. Одновременно секция организует изучение истории пролетариата в национальных республиках, привлекая для этих работ товарищей, работающих в отдельных районах и республиках СССР.

Результаты работ и части исследований, а также самостоятельные научные работы как членов секции, так и всех занимающихся историей пролетариата помещаются в трехмесячном журнале (периодических сборниках) секции: «История пролетариата СССР». Пока вышло пять сборников. Всего выйдет за 1931 г. четыре книги (от пятого до восьмого сборников включительно).

Секция совместно с аналогичной Секцией Общества историков-марксистов — подготовила научно-популярную коллективную работу: «Очерки по истории пролетариата СССР», которая может служить и учебным пособием для комвузовской молодежи и книгой для чтения рабочему и партийному активу. «Очерки» снабжены иллюстрациями и диаграммами, а также небольшим указателем литературы. «Очерки» выходят в издании библиотеки «Всемирная история». Редактируют «Очерки» В. И. Невский и А. М. Панкратова.

В СЕКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

К 60-летию юбилею Парижской Коммуны Секция промышленного капитализма Института истории и Секция промышленного капитализма Общества историков-марксистов организовали два объединенных заседания, на которых были зачитаны донесения, посвященные Парижской Коммуне.

На первом заседании прочел доклад т. Н. Лукин на тему «Протоколы Генерального совета как источник по Парижской Коммуне».

На основании еще неопубликованных материалов т. Лукин в своем докладе обрисовал степень руководства и участия Маркса и Генерального совета Интернационала в рабочем движении эпохи Парижской Коммуны, а также охарактеризовал положение и настроение парижской секции Интернационала в момент организации пролетарской власти (подробнее

ем. Лукин «Новое о Коммуне» в № 1 «Борьба классов»). На втором заседании был зачитан доклад С. Б. Каца «Маркс как организатор помощи жертвам версальского террора». На основе новых материалов докладчик показал, как велико было участие Маркса в организации как моральной, так и материальной поддержки парижской эмиграции, искавшей убежища от террора версальцев. Маркс выступил с энергичной защитой эмиграции в прессе, был инициатором организации материальной поддержки, осуществляемой путем непосредственно денежной помощи или предоставлением работы, а также паспортов, необходимых для побега из Парижа. Маркс всемерно осуществлял задачи и цели современной организации Мопра.

В ближайшем времени выйдет сборник статей по Великой Французской революции «Классовая борьба во Франции в эпоху Великой Революции», подготовленный Секцией промышленного капитализма Института истории и Общества историков-марксистов. В состав сборника вошли следующие статьи: Лукин, Альфонс Олар, Далин, Мануфактурная стадия капитализма во Франции Завитневич, Расслоение крестьян в Бретани накануне революции. Лукин. Классовая борьба во французской деревне в эпоху II максимума. Фридлянд. 9 термидора. Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первый период термидорианской реакции. Моносов. Последние выступления парижских предместий (жерминальское и преринальское восстание). Фрейберг. Шометт — генеральный прокурор Парижской Коммуны. Вайнштейн. Французские торговые колонии Леванта при старом порядке и в эпоху революции. Фридлянд. Итоги изучения французской революции. Лукин. Альбер Матвез.

50-летию со дня смерти Огюста Бланки было посвящено торжественное заседание Секции по истории промышленного капитала Института истории и Общества историков-марксистов.

Председатель секции Н. М. Лукин отметил то несправедливое забвение, которым была окружена память Бланки в эпоху II Интернационала. Даже те немногие историки, которые остановились на Бланки в своих работах, по существу дела искажали образ этого неутомимого революционера. Самая надпись на могиле Бланки пытается представить его как какого-то «социал-патриота», готового идти на соглашение с буржуазией ради спасения «отечества». Задачей историков-марксистов является восстановить подлинный образ Бланки — пылкого революционера и бесстрашного заговорщика, всю жизнь прошедшего в борьбе на баррикадах.

Основные черты мировоззрения Бланки, как они сложились в 40 — 50-х годах, были освещены в докладе Ю. М. Стеклова, который остановился как на политических, так и на социально-экономических взглядах Бланки. Параллель между взглядами Бланки и Ленина на подготовку и проведение восстания провел Б. И. Горев. Кроме того был заслушан доклад т. Старосельского «Бланкизм и идея диктатуры», подчеркнувшего мелкобуржуазные элементы в мирозерцании Бланки.

МАССОВАЯ РАБОТА ОБ-ВА ИСТОРИКОВ- МАРКСИСТОВ

ОПЫТ КОМБУЗОВСКОЙ ЯЧЕЙКИ СОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВУ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

(Ячейка при Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской)

Несмотря на то, что АКВ имеет специальный факультет, готовящий преподавателей общественных наук со специальным историко-партийным отделением, историки фактически не были организованы до декабря 1930 г. Формально ячейка при АКВ возникла весной 1930 г., но она охватывала две группы старших курсов и в этом узком кругу не смогла развернуть работы. Перевыборы бюро ячейки, выделение уполномоченных по учебным группам внесли перелом в смысле четкой организации и охвата широкого актива студенческой массы. Ячейка ввела институт постоянных представителей в исторических кафедрах. Благодаря этому кафедры систематически обслуживают ячейку научными докладами, а ячейка в свою очередь вовлекает студенческие массы в обсуждение работы кафедр. За последние три с половиной месяца ячейка организовала шесть докладов: интервенция против СССР и ее история, о ходе исторической дискуссии, о двух путях развития капитализма в России, история партии как наука и др.

Ячейка пыталась вынести свою работу за стены АКВ. Хотела организовать ячейку содействия на «Электрозаводе». Пер-

вые попытки встретили трудности: агитмасс парткома в деле стнесся с недостаточным интересом, инициативной группы создать не удалось. Решили отметить юбилей Парижской Коммуны, но и это не удалось. Теперь переходим на кропотливую работу по созданию инициативной группы.

Серьезная работа была проведена по смотру кафедры истории народов Запада и Востока. Смотр проводился при активном участии ячейки содействия и вскрыл серьезнейшие недостатки как в работе кафедры, так и в работе отдельных преподавателей. Было обнаружено, что проработка отдельными преподавателями исторического материала не увязывается с современностью. История не превращается в политическое орудие борьбы за генеральную линию партии благодаря «выколачиванию политической остроты, а также целому ряду оппортунистических извращений и схоластической постановке вопроса» (из резолюции по смотру кафедры).

У большинства беспартийных преподавателей замечается тенденция за счет марксистско-ленинского анализа основной темы давать слушателям слабо связанный в отдельных частях конкретный материал («тонут в фактическом материале»). Имели место такие факты, как рекомендация трудов буржуазных историков без всякой их критики (Тарле и т. п.), идеализация буржуазной демократии (восхваление политического строя Англии), искажение ленинской теории империализма.

Кафедра своевременно не заметила этих вывихов. Только благодаря студенчеству и смотру эти факты были вскрыты и соответствующим образом квалифицированы.

Ячейка содействия осветила в печати все эти факты и привлекла внимание студенчества к борьбе с такого рода недостатками.

Интересная работа разворачивается сейчас по составлению нового учебника для ФЭС и ФЗУ. Ячейка считает, что вокруг этой работы можно и должно развернуть научную работу студенчества. Ячейка перестраивается на бригадно-секционную работу для непосредственного участия в программно-методической работе кафедр и организации студенчества вокруг разработки отдельных научных, имеющих актуальное значение исторических тем, для борьбы со всякими извращениями и отклонениями в исторической науке, за превращение ее в подлинно-партийную науку.

Суров

В ЦЕНТРОАРХИВЕ РСФСР

Недавно вышел из печати сборник материалов «Нечаев и нечаевцы», подготовленный Б. Л. Козыминым. Первая часть сборника отведена докладу министра юстиции по нечаевскому делу. В докладе содержатся неопубликованные до сих пор данные о тех лицах, следствие о которых было по разным причинам прекращено.

Вторая часть сборника включает показания привлеченных к дознанию и следствию. В третьей и четвертой частях — письма лиц, в той или иной мере причастных к делу, и документы III отделения.

В июне месяце выходит из печати I том материалов «Международные отношения в эпоху империализма», подготовленный А. Л. Поповым. Материалы публикуются особой комиссией ЦИК СССР под председательством М. Н. Покровского. I том содержит материалы дипломатической переписки министерства иностранных дел с российскими дипломатическими представителями за границей за время с 14 января — 13 марта 1914 г., а также речи, памятные записки, докладные записки Николаю II и некоторые материалы других ведомств и учреждений царской России за тот же период.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ (в третьем квартале):

«Международные отношения в эпоху империализма», том V, подготовленный к печати Э. Д. Гриммом и Л. А. Тепешевой. Том охватывает период с 23 июля по 4 августа 1914 г. — от австрийского ультиматума Сербии до вступления Англии в войну.

«Разинщина», том II, подготовленный к печати А. А. Покровским и Н. Г. Чулковым под редакцией С. Г. Томсинского. Сборник охватывает период второй половины 1671 г. и содержит, по преимуществу, донесения воевод о ходе движения, а также разинские прокламации, приговор над Разиным и др. материалы.

«Крестьянские движения в 1828—69 гг.». Вып. 1-й и 2-й, подготовленные к печати Е. А. Морозовцем. В обоих выпусках материалы III отделения, рисующие картину крестьянских волнений за эти годы и крепостной быт (купля-продажа людей, жестокости помещиков и т. д.).

В № 1 «Борьба классов» в примечании к письму Ленина на стр. 77 указан 1921 г. вместо 1920 г.

Редакционная коллегия

Ответственный редактор

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

Уполн. Управл. В 32.045 „Интерпач.“ (39) тип., ул. Сякорцова-Степанова, 8. Заказ 686. Тираж 20.000